

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4
1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЮЛЬ—АВГУСТ

4

1987

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артюков М. З.</i> К вопросу об участии иностранных интернационалистов в борьбе за победу Советской власти в Туркестане	3
<i>Вошагликова Павла</i> (ЧССР). К вопросу о развитии Чехословацкой социал-демократической партии в 1944—1948 годах	12
<i>Гуменик Е. П.</i> О некоторых особенностях развития помещичьего хозяйства Галиции	25
<i>Золотухин М. Ю.</i> Россия и Болгария в период международного кризиса середины 80-х годов XIX в. (сентябрь 1885 г.—апрель 1886 г.)	35
<i>Писарева Ю. А.</i> Национальные государства на Балканах в начальный период империализма (90-е годы XIX в.—1918 г.)	53
<i>Собринова Л. А.</i> Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. в трудах Института славяноведения и балканистики АН СССР	62
<i>Едлинская А. Н.</i> Творчество Драгослава Михайловича и некоторые тенденции в развитии сербской прозы конца 60-х и 70-е годы	71
<i>Луценко Н. А.</i> К семантической типологии видо-временных систем славянских языков	82
<i>Молошная Т. Н.</i> Глагольные конструкции со значением обладания и посессивный перфект в славянских языках	91

Гудков В. П. Фрагменты Караджичианы	102
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Воробьева И. Г., Якубский В. А. Вопросы истории славян. Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в эпоху феодализма. Межвузовский сборник научных трудов	108
Чернявский Г. И. Валева Елена. Международное движение за солидарность с антифашистской борьбой на болгарский народ 1925—1929	110
Кишкин Л. С. Три книги о чешско-русских связях	112
Луцко В. Г. Новые хорватские книги, посвященные Юрию Крижаничу	116
Орел В. Э. St. Rospond. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL	118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Наумов Е. П. Всесоюзный симпозиум по истории идеологии и культуры западных, восточных и южных славян	122
Иванова О. В. Конференция, посвященная 300-летию заключения Вечного мира между Россией и Польшей	123
Д. П. Международная научная сессия, посвященная юбилею Г. Сенкевича	124
В редакционной коллегии журнала «Советское славяноведение»	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАВКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией Е. В. Пономарёва

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ИНОСТРАННЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ

Рожденная Великой Октябрьской социалистической революцией Советская власть и ее первые декреты, особенно декрет о мире, открыли надеждой на прекращение войны не только народы России, но и другие народы мира. Этот ленинский декрет, проникнутый идеями пролетарского интернационализма, положил начало качественно новым отношениям между народами. Пролетарский интернационализм особенно отчетливо проявился в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Наиболее ярким его выражением было движение среди трудящихся зарубежных стран, оказавшихся в Советской России, — венгров, немцев, чехов, сербов, хорватов, поляков, китайцев, иранцев и представителей других национальностей, — выступавших в защиту завоеваний Великого Октября.

Лучшие представители иностранных трудящихся приняли активное участие в борьбе за Советскую власть в различных районах нашей страны. Они боролись против внешней и внутренней контрреволюции в центральных районах России, в Белоруссии и на Украине, в Закавказье и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Заметную роль в борьбе за победу социалистической революции и защиту ее завоеваний они сыграли в Туркестане¹.

Революционное движение среди военнопленных и иностранных трудящихся, их героическая и самоотверженная борьба за установление и упрочение Советской власти в Туркестане — одна из ярких страниц в истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, заслуживающая глубокого изучения и всестороннего освещения.

Как и всякая большая проблема, история участия зарубежных интернационалистов в борьбе за власть Советов на территории Туркестана не могла быть освещена сразу во всей ее полноте. Наряду с документами и воспоминаниями опубликован ряд исследований о возникновении коммунистических групп среди иностранных трудящихся, об их участии в Октябрьской революции и гражданской войне в Туркестане. Это прежде всего монография И. С. Сологубова [2], являющаяся первой работой, освещающей деятельность иностранных интернационалистов в годы гражданской войны в Туркестане. Несомненный интерес представляют также работы А. М. Матвеева [3; 4; 5], Я. М. Серого [6; 7] и других авторов. В указанных исследованиях отражены создание коммунистических групп среди вы-

¹ Под Туркестаном подразумевается территория бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, включая Бухарский эмират и Хивинское ханство. Это приблизительно совпадает с территорией нынешних Туркменской, Узбекской, Таджикской и Киргизской Советских Социалистических республик и части Казахской ССР. Туркестан расширился на площади в 1942 тыс. кв. км и в 1916 г. имел более 10,5 млн жителей (см. [1]).

ходцев из зарубежных стран и боевая деятельность интернациональных формирований на фронтах гражданской войны в Средней Азии. В то же время такие вопросы, как агитационно-пропагандистская и организационная деятельность иностранных групп, роль Компартии Туркестана в организации движения солидарности зарубежных трудящихся с народами Средней Азии, а также участие иностранных рабочих и крестьян в работе органов Советской власти освещены недостаточно полно, особенно в период конца 1917 и начала 1918 гг.

Задача настоящей статьи — показать зарождение революционного движения среди военнопленных и развитие пролетарской солидарности у выходцев из зарубежных стран с трудящимися Туркестана в рассматриваемые годы.

К началу 1917 г. в Туркестане насчитывалось 41285 военнопленных (1764 офицера и 39521 солдат), расположенных в 37 населенных пунктах, из них примерно 18 тыс. находились в пересыльных пунктах, около 24 тыс. — на работах [8, ф. 1613, оп. 1, д. 3; 9]. Подавляющее большинство военнопленных составляли солдаты австро-венгерской армии, преимущественно представители угнетенных наций монархии.

Помимо военнопленных на территории Туркестана проживало также более 279 тыс. эмигрантов и отходников из китайской провинции Синцзян и 68 тыс. персов [2, с. 6]. На протяжении нескольких десятилетий ежегодно в Фергану и Семиречье из Китая приходили большие партии рабочих, работавших в Фергане на хлопковых полях, а в Семиречье — на плантациях мака. В Туркестане находились также китайцы из Северо-Восточного и Северного Китая, которые попали сюда через Сибирь уже после начала первой мировой войны. Выходцы из Китая, Персии и Афганистана были в основном чернорабочими, мелкими ремесленниками, отходниками, занятыми тяжелой работой в угольных шахтах, а также сезонной работой на сборе хлопка.

И военнопленные, и выходцы из сопредельных стран стали очевидцами и участниками всех событий, происходивших в тогдашнем Туркестане.

Военнопленные, как дешевая рабочая сила, использовались на работах в промышленности, строительстве, транспорте и сельском хозяйстве. Они трудились на 518 военно-промышленных предприятиях Азиатской части России, в том числе в Туркестане. Кроме того, для военнопленных были построены специальные «базовые мастерские», которых насчитывалось в Сибири и Туркестане 59 [10]. Большинство пленных было мобилизовано на строительство железных дорог, где они заменяли русских и местных рабочих. Так, в Чимкентском отделении Семиреченской дороги работало 650, на Аулиеатинском (ныне — Джамбульском) участке — более 30 человек, всего, включая и другие районы, — более 5 тыс. человек [11, ф. 65, оп. 1, д. 13, л. 6—7]. Столько же пленных трудилось на Бухарской железной дороге [12, оп. 4, д. 78, л. 410, 411, 439]. Несколько сот пленных были заняты на ремонте железной дороги на участке Ташкент—Карши [12, оп. 4, д. 86, л. 61]. К строительству Оренбургско-Орской железной дороги также было привлечено 5 тыс. военнопленных [12, оп. 4, д. 86, л. 61]. Квалифицированных рабочих-военнопленных насчитывалось более 40 тыс. человек, особенно слесарей, кузнецов, железнодорожников [12, оп. 4, д. 76, л. 179, 180], но многие из них использовались как чернорабочие.

Тяжелые условия труда, плохое питание, незаконные вычеты, отсутствие одежды — все это вызывало протесты со стороны военнопленных. В 1915 г. забастовали пленные, работавшие в Казалинском лагере. Вспыхнули забастовки на строительстве Бухарской и Семиреченской железных дорог, в Челекене, на промыслах «Вишау» (ныне Туркменская ССР). В десятую годовщину «Кровавого воскресенья» объявили забастовку рабочие озокеритных промыслов «Люборанд» [12, оп. 4, д. 72, л. 140, 144; 13]. Эти выступления были подавлены силой оружия, полиция арестовала многих руководителей.

Большое влияние на военнопленных оказало восстание 1916 г. в Средней Азии. Как подтверждают архивные данные, военнопленные из лаге-

рей в Скобелеве (Фергана), Казалинске, городе Туркестан², Джизаке и Ташкенте солидарно выступали с повстанцами из местного населения [14; 15; 11, ф. 267, оп. 1, д. 290, л. 59]. Восстание было жестоко подавлено царскими войсками. Распоряжением штаба округа от 12 августа 1916 г. восставшие военнопленные были переброшены в отдаленные районы края — Аулиеату (Джамбул), Черняев (Чимкент) и в Голодную степь для земляных и полевых работ [12, оп. 2, д. 1040, л. 675, 731, 733]. После восстания режим в лагерях стал еще более суровым. Военнопленных перестали отпускать даже на работу, кроме занятых на предприятиях военного значения. Однако в результате постоянных требований частных предпринимателей число пленных, работавших на военное ведомство и у частных лиц, снова возросло. Всего в военном ведомстве было занято более 7 тыс. и у частных предпринимателей — 4 тыс. пленных [8, ф. И-1, оп. 32, д. 37, л. 27].

После восстания 1916 г. борьба военнопленных стала приобретать все более ярко выраженный политический характер. События, происходившие в крае, оказывали огромное влияние на формирование революционных взглядов многих зарубежных пролетариев-военнопленных, подавляющее большинство которых были рабочими, крестьянами, ремесленниками, не участвовавшими в политической жизни на родине. Находясь в плену, они общались с передовыми рабочими, революционными социал-демократами из числа военнопленных и российскими рабочими, которые содействовали расширению их кругозора и развитию политической зрелости. Так, в Самарканде большевики были тесно связаны с пленными и оказывали им всякое содействие в борьбе за их права, распространяя среди них идеи пролетарской революции и классовой солидарности. Под руководством большевиков Самарканда в одном из лагерей революционную пропаганду вел венгерский рабочий И. Секей, социал-демократ, который на родине был активным участником рабочего движения и за антивоенную пропаганду отправлен на фронт [2, с. 25]. Будучи в плену, он организовал группу из членов венгерской социал-демократической партии и, несмотря на все трудности, вместе со своими товарищами (венграми — М. Хоком, Я. Шипошем, Б. Мадьяром, немцами — К. Рудольфом, Х. Бербауэром и чехом Г. Свободой) вел нелегальную пропагандистскую работу среди 13 тыс. военнопленных [15, с. 118; 16]. В г. Туркестан — Г. Сенчек, в Коканде — К. Фишер, в Троицком лагере (Ташкент) — Г. Ремеш, в Бухаре — У. Урбан и другие военнопленные, связанные с большевиками, вели агитационную работу среди своих соотечественников [17, ф. 14, оп. 1, д. 3059, л. 1—4, д. 4147, л. 3—5; д. 3019, л. 4—5; 18, с. 337].

В конце 1916 — начале 1917 гг. страна переживала глубокий политический кризис. Власти всячески старались изолировать пленных от всех происходивших событий. Так, о Февральской революции они узнали (как рассказывал в своих воспоминаниях военнопленный К. Боп), когда трудящиеся Самарканда в февральские дни 1917 г. проходили с красными знаменами мимо казарм, где были расположены несколько тысяч военнопленных, которые впервые за время своего пребывания в плену услышали «Марсельезу» [18, с. 336]. А в Чимкенте военнопленные узнали о революции через своих лагерных конвоиров [19]. Победа Февральской революции вселяла в них надежду; они полагали, что если царская власть пала, значит, наступил конец войне и пленные вскоре смогут возвратиться на родину.

В своих многочисленных письмах, телеграммах, резолюциях, адресованных в правительственные учреждения и Советы, приветствуя революцию, военнопленные просили улучшения своего материального положения, предоставления им гражданских и политических прав. Весной и летом 1917 г. буржуазная печать не скупилась на гневные слова по поводу страданий военнопленных при царизме, одновременно стремясь утвердить убеждение, что происшедшая революция в корне изменит правовое положение пленных и чуть ли не превратит их в «свободных граждан свободной

² Город Туркестан ныне находится в составе Чимкентской области Каз.ССР.

России» [20, с. 61]. Это был своего рода призыв буржуазной печати к военнопленным поддержать новое правительство.

Однако Временное правительство воспрепятствовало каким-либо изменениям в положении военнопленных, категорически настаивая на безусловном выполнении всех изданных царским правительством распоряжений. Офицеры Временного правительства, принявшие лагеря в свое ведение, разъясняли военнопленным, что война будет продолжена до победного конца. Эта весть возмутила всех военнопленных. «Правительство Керенского, — писал М. Гроссер, — принесло нам вместо свободы еще более тяжелое рабство» [21; 22].

При Временном правительстве режим содержания военнопленных не улучшился. Циркулярным письмом Министерства внутренних дел за лагерями был установлен строгий надзор, вводились жестокие наказания для пленных, находившихся на разных, особенно на сельскохозяйственных работах, и за побег [23, ф. 15, оп. 1, д. 343, л. 209; 8, ф. 1613, оп. 1, д. 3, л. 32; 24]. Во многих местах русские рабочие, оказавшиеся безработными, заменяли военнопленных, и тогда их использовали на более тяжелых работах [8, ф. 621, оп. 1, д. 38, л. 46—47; 23, ф. 22, оп. 5, д. 88, л. 7 об., 18 об., 28; 25, ф. 18, оп. 2, д. 5, л. 2—4, 6].

Февральская революция дала толчок для политической активизации пленных, для более тесного сближения их с революционным народом, постепенного превращения тысяч иностранных трудящихся из пассивного объекта эксплуатации в активных участников революции. Стремление Временного правительства изолировать военнопленных от политической жизни в крае и революционной борьбы рабочего класса не дало желаемых результатов. Солидарность военнопленных с рабочим классом Туркестана выражалась в многочисленных противоправительственных выступлениях. В марте 1917 г. вспыхнуло восстание против Временного правительства в Джизаке, в котором наряду с местным населением приняли участие и военнопленные. А в июне восстали сами пленные, требуя повышения заработной платы [12, оп. 2, д. 1985, л. 39; 26]. Причиной восстания были тяжелые условия труда, принудительная мобилизация, проведенная для освоения целинных земель Голодной степи³, строгий режим содержания, усиление надзора и присылка войск для подавления бунтов. Но усиление репрессий не смогло сломить растущей солидарности военнопленных с пролетариями Туркестана. Военнопленные также выступали и с другими требованиями. Так, в том же месяце под руководством А. Боднорского и И. Келлера произошла забастовка военнопленных, работавших на Ташкентском сельскохозяйственном складе. Они требовали от администрации увеличить нормы выдачи хлеба, прибавить жалованье, улучшить условия быта. За отказ прекратить забастовку 10 человек были арестованы и брошены на 30 суток в тюрьму [27]. В Чимгане близ Ташкента большая группа военнопленных была отправлена на работу для оборудования санитарной станции. Работа была тяжелая, низкооплачиваемая и пленные отказались работать, требуя повышения платы и улучшения питания. За эти справедливые требования они были наказаны 30 сутками ареста [12, оп. 2, д. 1985, л. 42—43]. Аналогичное выступление произошло и на шахтах близ города Кизил-Кия [28, оп. 2, д. 35, л. 25].

Во многих местах происходили волнения среди пленных в июле 1917 г., в том числе на цементном заводе на ст. Хилково [8, ф. 1613, оп. 1, д. 3, л. 24, ф. 621, оп. 2, д. 28, л. 160, 180, 188].

Февральская буржуазно-демократическая революция, свержшая царизм, не решила до конца ни одной социально-политической задачи в пользу трудового народа. Нужна была, как указывал В. И. Ленин, новая революция — социалистическая.

В. И. Ленин уделял серьезное внимание развитию революционного движения на Востоке России. Выступая на Апрельской конференции, он указал, что большевистская партия должна способствовать подъему ре-

³ За малейшую провинность пленные в наказание отправлялись в Голодную степь. Так было после восстания 1916 г. и в последующие периоды [12, оп. 2, д. 1940, л. 675, 731—733].

волюционной борьбы подавленного среднеазиатского крестьянства. «Мы совершенно не хотим, — подчеркнул В. И. Ленин, — чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы. Агитацию внутри угнетенной массы надо ставить только так» [29, т. 31, с. 437].

Большевики Туркестана, руководствуясь указаниями В. И. Ленина и решениями Апрельской конференции, развернули широкую деятельность по вовлечению народов Средней Азии в революционное движение за победу социалистической революции. Опираясь на революционный подъем трудовых масс, они начали подготовку к вооруженному восстанию. Революционно настроенная часть военнопленных и иностранные трудящиеся участвовали вместе со своими братьями по классу в стачках и других выступлениях, стали очевидцами свержения самодержавия, а затем под влиянием большевиков — участниками подготовки и проведения социалистической революции. Сохранилось немало свидетельств, характеризующих настроения пленных накануне Октября. Так, военнопленные, находившиеся в Андижане, послали своих представителей к уездному войсковому начальнику с требованием о немедленном снятии их с работы по изготовлению ручных гранат. Несмотря на угрозы властей, рабочие заявили, что в случае отказа они бросят работу и не будут служить тому правительству, которое враждебно относится к ним [12, оп. 2, д. 1955, л. 836]. Имеющиеся данные показывают, что многие военнопленные, солидарно действовавшие с рабочим классом накануне революции, высказывались за власть Советов. Рабочие фабрики Ташсам и завода Гольдберга⁴ на своем общем собрании 23 октября 1917 г. приняли резолюцию, в которой содержались требования передачи всей власти Советам, земли — крестьянам, заключения перемирия и т. д. [30].

25 октября 1917 г. на собрании большевиков и членов исполкома Ташкентского Совета обсуждался план восстания. Было принято решение начать вооруженное восстание против контрреволюционного Туркестанского комитета⁵ в самые ближайшие дни. В состав Ташкентского Совета вошел представитель от военнопленных — иностранных социалистов И. Цвиллиг [17, ф. 10, оп. 13, д. 8, л. 77].

Когда 27 октября до Ташкента дошла весть о победе петроградского восстания, войска Временного правительства, возглавляемые генералом Коровниченко, сделали попытку воспрепятствовать переходу власти в крае к революционным силам. В ночь с 27 на 28 октября в Доме Свободы состоялось объединенное заседание Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов с полковыми, ротными, командными комитетами и утром следующего дня началось вооруженное восстание против буржуазии. Восставшие рабочие — русские, узбеки, казахи и представители других национальностей, а также революционно настроенные солдаты и военнопленные, разоружив сторонников Временного правительства, разобрали со склада полка оружие и повели солдат в бой. В этом бою был убит военнопленный Ш. Энгер. Его друзья Й. Габор и Ш. Сабодаж воевали и в последующие дни. Революционный штаб расположился в железнодорожных мастерских. Группа военнопленных во главе с В. Пачандо оказала помощь восставшим как связисты и разведчики, сообщая им местонахождение артиллерии и огневых позиций противника [28, оп. 2, д. 159, л. 1]. В боях, в частности в районе товарной станции, хорошо проявил себя небольшой отряд грузчиков персов под командой большевика [31].

31 октября согласно намеченному Революционным комитетом плану были заняты центральная часть города, главный почтамт, телеграф, резиденция Туркестанского комитета. В этот же день развернулась борьба за захват крепости — последнего убежища вооруженных сил контрреволюции. Вот как описывает сложившуюся тогда обстановку военнопленный Ш. Ган в своих воспоминаниях: «В первые дни революции в городе шли

⁴ На фабрике Ташсам работало более 300 пленных, на заводе Гольдберга — несколько сот [12, оп. 5, д. 55, л. 203].

⁵ Туркестанский комитет — орган Временного правительства.

большие бои. Весь Ташкент окружили красногвардейцы-железнодорожники и рабочие фабрик и заводов. Их поддерживали перешедшие на их сторону солдаты с артиллерией. Они непрерывно атаковали город, и кольцо со дня на день сужалось. Но офицеры и юнкера закрепились в крепости и не хотели сдаваться... Они нас заставили им помогать... Мы заняли нейтральную позицию. Ночью некоторые офицеры и воевавшие на их стороне гимназисты бежали. Крепость пала, и красногвардейцы взяли в плен сотни офицеров, юнкеров и гимназистов» [32].

Революционная борьба, происходившая в Ташкенте 26—31 октября, окончилась поражением Коровниченко и капитуляцией всех его сил.

Революционно настроенные военнопленные приняли также участие в установлении Советской власти и в других местах. В Октябрьские дни в г. Туркестан большевики вместе с группой военнопленных разоружили сторонников Временного правительства и провозгласили Советскую власть [32, с. 218]. Во второй половине ноября шли бои за установление Советской власти в Самарканде, где наряду с рабочими города под руководством большевиков боролись и пленные из числа членов венгерской социал-демократической партии во главе с Й. Секеем [18, с. 388]. Военнопленные, освобожденные из тюрем и лагерей, вооружившись вместе с рабочими и солдатами, боролись за утверждение Советской власти в Чимкенте [33], в Скобелеве [28, оп. 2, д. 35, л. 25].

Победу Октябрьской революции и особенно декрет о мире, вселявший надежду на скорое возвращение домой, военнопленные встретили восторженно. О своей радости и намерении поддерживать Советскую власть они говорили на бурных лагерных митингах, собраниях и демонстрациях. В Москве венгерские солдаты-военнопленные уже в первые дни после победы Октября заявили о своей солидарности с российскими рабочими и крестьянами, взявшими власть в свои руки. Они писали: «Мы готовы даже ценою собственной жизни защищать русскую революцию, несущую мир и братство всему миру... Русская революция, будучи революцией освобождения трудящегося народа, является одновременно нашей революцией, революцией венгерского трудящегося» (Цит. по: [34]).

Это заявление, как призыв, дошло не только до венгров, но и до военнопленных других национальностей, находившихся в Средней Азии. Большая группа военнопленных, работавших на фабриках и заводах, на предприятиях и в шахтах Туркестана, выражала радость в связи с победой Великого Октября и признательность Советскому правительству за их освобождение. Вспоминая свое положение в те дни, они писали: «Мы были мобилизованы... и посланы против России, и никто из наших правителей и начальников не спрашивал у нас, желаем ли мы воевать или нет. Нас заверили, что наше отечество в опасности, и мы пошли воевать. Но тайные договоры, опубликованные Российским Народным Комиссариатом, нам показали в чем дело» [8, ф. 25, оп. 1, д. 4, л. 217—218].

Однако среди военнопленных наблюдалось все большее расхождение во взглядах. Так, в Казалинском лагере, где находилось около 5 тыс. человек, когда речь зашла о войне и мире, мнения пленных разделились: одна часть отстаивала шовинистическую позицию, а другая, главным образом, рабочие и крестьяне, — интернациональную [28, оп. 1, д. 538, л. 17; 35]. Пролетарские элементы среди пленных все больше и больше проникались идеями большевизма.

Возглавляемый и руководимый большевистской партией рабочий класс в союзе с крестьянской беднотой из коренных национальностей при поддержке солдат, революционно настроенных военнопленных и иностранных трудящихся обеспечил победу социалистической революции в Туркестане.

Октябрьская революция коренным образом изменила жизнь военнопленных. Советская власть ликвидировала систему насилия и эксплуатации. Она упразднила тюремный характер лагерей, что повлекло за собой массовое перемещение пленных, которые стремились найти лучшую работу и питание или самостоятельно пробраться ближе к родине. Нередко враги Советского государства, проникшие в советские учреждения, в провокационных целях направляли большие партии пленных и беженцев

в те районы, которые испытывали недостаток в продуктах питания. Все это создавало серьезные затруднения.

«Массовый паплав военнопленных в Самару из Ташкента, Самарканда. . . заносит эпидемии, увеличивает железнодорожную разруху и обостряет продовольственный кризис», — сообщалось 6 января 1918 г. в Совнарком республики в телеграмме Самарского губисполкома, просившего приостановить передвижение пленных и беженцев из Туркестана [36, д. 650, л. 96]. Совнарком направил во все губернии телеграмму за подписью В. И. Ленина с предупреждением о движении пленных и рекомендацией направлять их только в губернии, обеспеченные хлебом [37]. Были приняты соответствующие меры для контроля. В центре и на местах создавались различные организации по делам военнопленных и беженцев [38].

Советская власть предоставила военнопленным возможность свободно определить свое будущее и включиться в общественно-политическую жизнь республики, создавать свои собственные политические, профессиональные, просветительские и другие организации. Они имели право выбирать: либо ехать домой, либо оставаться на месте и работать, либо вступать в Красную Гвардию и бороться с врагами революции [8, ф. 25, оп. 1, д. 27, л. 145; 22]. За пленными на равных основаниях с гражданами республики было признано право на восьмичасовой рабочий день, на равный с местными рабочими труд [8, ф. 35, оп. 1, д. 19, л. 20, д. 77, л. 288; 20, с. 115], право представительства в Советах, ревкомах, фабрично-заводских комитетах и т. д.

Бывшие военнопленные-интернационалисты при непосредственной помощи туркестанских большевиков развернули работу среди своих соотечественников, находившихся в Средней Азии, разъясняя им великое значение пролетарской революции для всего международного освободительного движения, вовлекая их в активную борьбу за Советский Туркестан.

Благодаря проведенной среди пленных агитационно-политической работе, уже в октябре—ноябре 1917 г. в Ташкенте в Красную Гвардию вступила большая группа военнопленных и иностранных граждан. Среди них были: австриец К. Плаше, хорват Л. Брусс, венгры А. Одор и Г. Ремеш, румыны М. Батизан и И. Цитран, турок Саид Риза Алиев, чех В. Пачандо, немец Ф. Гниффике, уйгур Имин Ахун Юсупов и многие другие [17, ф. 14, оп. 1, д. 3477, л. 1—7; 15, с. 260].

В ряды Красной Гвардии в Самарканде вступили немецкие, венгерские югославянские, румынские и другие интернационалисты [25, ф. 286, оп. 1, д. 21, л. 1, 10, 13]. Добровольцы-персы были отправлены в Ташкент в распоряжение Персидского отряда [36, д. 743, л. 13]. В Красную Гвардию в Верном (ныне — Алма-Ата) вступили представители венгерской и немецкой национальностей [39, с. 253], а в Семиречье — добровольцы из числа выходцев из Китая [8, ф. р-39, оп. 1, д. 92, л. 39]. Из большой партии военнопленных, размещенной в лагере в Скобелеве, в ряды Красной Гвардии в течение нескольких дней вступило более 200 человек [28, оп. 2, д. 35, л. 25].

Большинство военнопленных понимали тогдашнее положение Туркестанской республики и стремились оказать ей действительную помощь. На имя Совнаркома от них поступило немало предложений разного характера. Так, свои услуги предложила группа бывших студентов-медиков [12, оп. 2, д. 2027, л. 72]. Пленные, жившие в Черняевском лагере, группа военнопленных, работавших на шахтах Кизил-Кий, обращаясь в штаб Туркестанского военного округа, просили, чтобы их не отправляли на родину до окончания войны, так как они хотят помочь молодой Советской республике [12, оп. 2, д. 2027, л. 78, 81, 90, 91]. Из числа военнопленных, проживавших в Ташкентском лагере, 60 человек предложили использовать их для работы по ремонту оружия. Они были зачислены в 4-й Туркестанский стрелковый полк. Многие пленные сразу после революции стали работать в военно-промышленных мастерских [12, оп. 2, д. 1957, л. 107, д. 1955, л. 848]. Группа пленных пошла работать на завод боеприпасов в Ташкенте [40]. Более 100 немцев и венгров служили в Ташкентской ЧК [40, с. 91]. В Туркестанском отделе автомобильной команды трудились

18 военнопленных, которые поступили туда сразу же после революции [8, ф. 25, оп. 1, д. 4, л. 229].

Реакционно настроенные элементы из числа пленных сообщали в Австр-Венгрию и Германию о вступлении своих соотечественников в Красную Гвардию, позже в Красную Армию, за что семьи последних были лишены государственной помощи. Несмотря на это, красногвардейцы-интернационалисты продолжали борьбу против врагов рабочего класса [22]. Вступление бывших военнопленных в отряды Красной Гвардии, их работа на военно-промышленных предприятиях являлись действительной помощью трудящимся Советского Туркестана.

Первое боевое крещение красногвардейцы-интернационалисты из отрядов Туркестана получили в декабре 1917 г. на Оренбургском фронте в боях против войск Дутова, захватившего Оренбург в октябре 1917 г. Интернациональным был отряд, посланный туда из Самарканда. Немало интернационалистов из Ташкента, Арыса, Туркестана, Перовска и Казалинска входило в состав Ташкентского отряда [11, ф. 5, оп. 19, д. 479, л. 74, 75; 41].

Участие интернациональных отрядов в сражениях с бандами Дутова явилось началом массового притока иностранных трудящихся в ряды красногвардейских отрядов. Оно подтвердило слова В. И. Ленина, высказанные им на проводах первых эшелонов социалистической армии в январе 1918 г.: «Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран» [29, т. 35, с. 216].

После победы над Дутовым советское командование предложило белоказакам, захватившим Чарджуу, Каттакурган и Самарканд⁶, сдать оружие, однако, офицеры отклонили это требование. Тогда из Ташкента на помощь отступившим самаркандцам, занявшим оборону у Темерлановых ворот⁷, были отправлены красногвардейские отряды, возглавляемые членами Совнаркома Туркестанской республики И. Колесовым и П. Полтарацким. Прибыл также отряд из Ферганы. Проведя разведку и удостоверившись, что гарнизон крепости на стороне Советской власти [42], объединенные красногвардейские силы начали подготовку к атаке. Иностранные интернационалисты в составе самаркандского, ташкентского, ферганского отрядов, а также отдельная рота, состоявшая исключительно из немцев, в составе 1-го Туркестанского полка, получившая задание разгромить белые банды под Самаркандом [39, с. 152], приняли участие в бою у станции Ростовцево (ныне — Красногвардейская) [25, ф. 286, оп. 1, д. 14, л. 74, д. 88, л. 7], где были сосредоточены главные силы противника. В результате 15 эшелонов казаков были полностью обезоружены. Самарканд был освобожден советскими войсками.

Разгром белоказачьих отрядов, лишивший «автономистов» военной опоры, предрешил и судьбу их авантюры, затеянной в Коканде. 19 февраля 1918 г. советское командование предъявило ультиматум Иргашу, объявившему себя ханом Коканда. Получив отказ, правительство Туркестанской республики и советское командование во второй половине февраля, после завершения операции по разоружению казаков, перебро-

⁶ Вскоре после революции против Советской власти выступили туркестанские буржуазные националисты, известные в истории как «кокандские автономисты». Английские империалисты, поддерживавшие их, начали с их помощью военную интервенцию против Советской власти в Туркестане. При содействии английских империалистов «кокандские автономисты» и белогвардейцы вошли в контакт с атоманом Дутовым, по указанию которого была установлена связь с белыми казачьими частями, направлявшимися из Ирана по Среднеазиатской железной дороге в Оренбург. По пути следования белые казаки пытались свергнуть Советскую власть, захватить Каттакурган и Самарканд. Туркестан был окружен вражеским кольцом с трех сторон. Большевики Туркестана по указанию В. И. Ленина приняли все меры к отражению натиска врагов. Начатое 23 декабря 1917 г. наступление на Дутова с двух сторон (от Бузулука и от Ташкента) закончилось 19 января 1918 г. полной победой советских войск. Линия Ташкент—Оренбург была очищена от дутовских банд, что дало Туркестану возможность соединиться с центром и получать оттуда помощь.

⁷ Темерлановы ворота находятся в 10 км к югу от г. Джизак.

силы красногвардейские отряды в Коканд, в результате чего мятеж был подавлен [36, л. 784, л. 14].

Иностранные интернационалисты в рядах ташкентского, самаркандского, урсатьевского, перовского, скобелевского, андижанского и других отрядов [17, ф. 14, оп. 1, д. 2925, л. 4; 43] пришли на помощь кокандским красногвардейцам и 22 февраля 1918 г. подавили мятеж «кокандских автономистов». Разгром кокандской буржуазной «автономии» имел огромное значение для упрочения Советской власти во всем Туркестане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Убайдуллаев С.* На заре революции. Ташкент, 1967, с. 9.
2. *Сологубов И. С.* Иностранные коммунисты в Туркестане. Ташкент, 1961.
3. *Матвеев А. М.* Великая Октябрьская социалистическая революция и иранцы-отходники в Туркестане (1918—1920 гг.).— Тр. Ин-та Истории партии при ЦК КП Туркменской ССР, вып. 6. Ашхабад, 1959.
4. *Матвеев А. М.* Из истории организаций иностранных коммунистов в Средней Азии (1918 г.) — Коммунист Узбекистана, 1960, № 11.
5. *Матвеев А. М.* Иностранные интернационалисты на фронтах гражданской войны в Средней Азии (1918—1920 гг.).— Новая и новейшая история, 1961, № 4.
6. *Сергий Я. М.* Политическая работа в интернациональных частях Красной Армии в Туркестане (1918—1920 гг.).— Тр. ТашГУ, 1960, вып. 170.
7. *Сергий Я. М.* Из истории создания федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) и партийная организация иностранных коммунистов в Средней Азии.— Тр. ТашГУ, 1962, вып. 199.
8. Центральный государственный архив Узбекской ССР.
9. Россия в первой мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925, с. 41.
10. Война и революция, 1928, № 22, с. 54.
11. Центральный государственный архив Казахской ССР.
12. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 1396.
13. *Росляков А. А.* Революционное движение и социал-демократические организации Туркестана в дооктябрьский период. Ашхабад, 1957, с. 235.
14. ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Генштаба, д. 48, л. 16.
15. Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965.
16. *Алескеров Ю. Н.* Самарканд (страницы истории). Ташкент, 1967, с. 218.
17. Государственный архив Ташкентской области.
18. За Советский Туркестан. Сборник воспоминаний. Ташкент, 1963.
19. Поворот мирового значения. М., 1964, с. 157.
20. *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
21. Партийный архив Узбекского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 142, л. 11.
22. Красный фронт (Орган РВС Республики), 1919, 22 X.
23. Государственный архив Оренбургской области.
24. Центральный государственный архив Туркменской ССР, ф. 88, оп. 1, д. 10, л. 3.
25. Государственный архив Самаркандской области.
26. *Попов Н. А.* Революционные выступления вооруженных в России в годы первой мировой войны.— Вопросы истории, 1963, № 2, с. 84.
27. *Матвеев А. М.* Из истории участия зарубежных славян в общественно-политической жизни Туркестана. 1918—1919.— Научн. тр. ТашГУ, 1966, вып. 281, с. 85.
28. Центральный государственный архив Советской армии, ф. 28361.
29. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
30. Красная летопись Туркестана (Ташкент), 1923, № 1—2, с. 68.
31. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. Ташкент, 1957, с. 41.
32. Былые походы. Воспоминания словацких красногвардейцев — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР. М., 1961, с. 203.
33. Революция, изменившая мир. Слово прогрессивных людей мира о Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977, с. 97.
34. *Орлик И. И.* Венгры на фронтах гражданской войны в СССР.— Вопросы истории, 1957, № 4, с. 170.
35. Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1959, с. 26.
36. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, ф. 130, оп. 2.
37. Известия (Орган Оренбургского ревкома), 1918, 9 I.
38. *Копылов В. Р.* Зарубежные интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. 1917—1918. М., 1977, с. 112—113.
39. Казахстан в огне гражданской войны. Алма-Ата, 1967.
40. Об Октябрьской революции. Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М., 1967, с. 304.
41. *Куц И. Ф.* Годы в седле. М., 1964, с. 4.
42. *Зевелев А. И.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959, с. 68.
43. Военно-исторический журнал, 1966, № 3, с. 102—103.

ВОШАГЛИКОВА ПАВЛА (ЧССР)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В 1944—1948 ГОДАХ

Период национально-демократической революции относится к значительным в новейшей истории Чехословакии. В эти годы постепенно вызревали предпосылки и условия победы трудящихся в феврале 1948 г., изменялись экономическая и социальная структуры общества, происходила демократизация государственного управления, была создана новая политическая система народной власти.

Ведущей силой всех этих преобразований были коммунисты. На основе собственного опыта борьбы за интересы пролетариата, а также опыта международного рабочего движения они разработали революционную программу послевоенного обновления Чехословакии. При этом учитывались закономерности наступавшей революции и характер отдельных ее этапов. Руководством для них мог быть и ленинский анализ задач революции в фазе осуществления буржуазно-демократических требований. «Мы, марксисты, — писал В. И. Ленин в работе „Две тактики социал-демократии в демократической революции“, — должны знать, что нет и быть не может другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса. Мы должны не забывать, что нет и быть не может в настоящее время другого средства приблизить социализм, как полная политическая свобода, как демократическая республика, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1, т. 11, с. 102]. При реализации этих задач можно рассчитывать также на широкую поддержку непролетарских групп и классов¹.

В чехословацких условиях в годы национально-освободительной борьбы и в последующий период это означало не забывать об общих интересах всех левых сил, а возможно и других групп населения, участвовавших в разгроме фашизма. Сотрудничество с ними при осуществлении совместной программы обновления и строительства республики становилось поэтому одним из факторов развития революции.

На это обращал внимание чехословацких коммунистов Георгий Димитров еще перед окончанием войны. В беседе с Клементом Готвальдом, состоявшейся 6 декабря 1944 г., он констатировал, что «в послевоенный период задачи будут и есть столь большими, что с ними не справиться лишь одному классу или одной партии. И коммунисты не в состоянии одни осуществить задачи послевоенного строительства. Коммунистам нужны союзники на патриотической основе» [5].

Политическое сотрудничество социально и идейно дифференцированных групп и партий в Чехословакии осуществлялось через Национальный фронт. Предпосылки его возникновения создавались в течение длитель-

¹ О предпосылках и условиях национально-демократической революции см. [1, т. 11, с. 90; 2, с. 15; 3; 4, с. 103].

ного времени. Решения VII Конгресса Коммунистического Интернационала, опыт борьбы в защиту республики в период подготовки мюнхенского предательства, сотрудничество в движении Сопротивления, переговоры президента Э. Бенеша с чехословацкими коммунистами в Москве в декабре 1943 г., московские переговоры чехословацких политических деятелей в марте 1945 г. — все это ступени на пути к уяснению смысла и принципов Национального фронта.

Его назначение К. Готвальд так объяснил сразу же после возвращения на родину: «Тактика Национального фронта является нашей основной тактикой и останется ею на определенное время. Никакая иная тактика сегодня невозможна. Борьба против реакции, ведущаяся на платформе Национального фронта — в этом наша сила... Хотя мы провозглашаем тактику Национального фронта и сотрудничества с другими политическими группами, это не означает, однако, что классовая борьба прекратилась, она продолжается в иных формах, причем в формах, для нас выгодных» [6].

Составной частью Национального фронта была Чехословацкая социал-демократия, которую КПЧ считала своим союзником. Развитие этой политической партии, ее внутренняя идейная и политическая дифференциация, отношение к другим партиям Национального фронта объясняют многое в условиях и в самом ходе политической борьбы за власть в послевоенной Чехословакии.

В освобожденной Чехословацкой республике социал-демократия оказалась в сложной ситуации. Хотя с 1943 г. пропагандировалась идея социалистического блока и Национального фронта², в рамках которого социал-демократы должны были занимать важное место, многие члены и ряд довоенных функционеров этой партии считали ее восстановление ошибочным шагом. Прежде всего представители социал-демократии в движении Сопротивления внутри страны полагали, что дальнейшее самостоятельное существование социал-демократии излишне в политических условиях освобожденной республики.

Поэтому, призывы к вступлению в ряды социал-демократии, исходившие от Центрального комитета действия под руководством возвратившегося на родину З. Фирлингера, не встречали у старых членов партии однозначно положительного отклика. Многие из них в первые месяцы после мая 1945 г. вступили в КПЧ [8]. В этот период социал-демократия потеряла много своих бывших членов и сторонников, особенно на заводах. Об этом говорилось и в резолюциях, направленных в секретариат Центрального исполнительного комитета в период наступления правых сил [9, ф. 71/420].

Такая ситуация объяснялась рядом причин. В том числе — разочарованием в связи с провалом реформистской политики в 1938 г., личным опытом, приобретенным в совместной борьбе с коммунистами против фашизма, ролью Советского Союза в разгроме Германии и возросшим в связи с этим авторитетом традиционной внешнеполитической ориентации коммунистов. Важное значение имело и то обстоятельство, что Коммунистическая партия была единственной политической силой, сохранившейся как единое целое в движении Сопротивления внутри страны и за границей. Все эти факторы стали приобретать все большее значение под воздействием изменений, произошедших уже на первом этапе национально-демократической революции, начавшейся со Словацкого национального восстания, в ходе которого произошло объединение словацких коммунистов и социал-демократов.

После войны Коммунистическая партия как последовательно революционная сила стала для многих социал-демократов единственным подлинным представителем чешской и словацкой государственности. Коммунисты, однако, понимали, что преждевременное объединение разных политических партий, без учета социально-классовой структуры общества и традиций многопартийности, могло бы привести к серьезному ослаблению про-

² См. переговоры президента Э. Бенеша с представителями КПЧ в Москве в декабре 1943 г. [7].

грессивных сил и сплочению правого крыла, чем могли бы воспользоваться реакционные элементы. По словам К. Готвальда, тогдашний политик КПЧ ориентировалась прежде всего на создание общенационального единства для решения основных вопросов восстановительного периода: «Единство нации должно проявиться в том, что политические партии не будут вести между собой мелочной, вздорной, узкопартийной борьбы, а будут тесно сотрудничать везде, во всех областях общественной жизни на благо нации и государства» [10].

По мнению коммунистов, организационное объединение левых сил в партию не могло поэтому представлять противовес правому крылу. Их целью было, чтобы в качестве идейно и организационно дифференцированной группы партий левые представляли основную и наиболее влиятельную часть Национального фронта и сообща обеспечивали дальнейшие революционные преобразования в освобожденной Чехословакии.

Об этом говорил и К. Готвальд на партийном активе, состоявшемся 12 мая 1945 г. в Праге. «Если вы полагаете, что возможно немедленное объединение, — сказал он, — то это означало бы вступление бывших социал-демократов в коммунистическую партию; если вы думаете, что в данной ситуации мгновенное вступление рабочих — социал-демократов и чешских социалистов могло бы создать единую партию, то я полагаю, что это ошибка. К нам придут лучшие и наиболее сознательные, каждый из них придет тотчас, но кто гарантирует, что будет устранена опасность того, что одновременно примчатся их прежние вожди и снова захватят руководство, что они осмелятся повести массы в нежелательном для нас направлении. Все это означает не что иное, как необходимость переждать, когда отношения выкристаллизуются. Мы за то, чтобы три рабочие партии или социалистические партии уже сегодня создали прочный политический блок, который бы организационно обосновался на заводах, в городах и округах и, естественно, в правительстве... В дальнейшем же мы будем стремиться, — и это наша линия, — к политическому объединению» [11].

Главным назначением самостоятельной социал-демократии, как это понимали левые силы и большинство нового руководства партии, представленного Центральным комитетом действия, было идейное и политическое влияние на те слои населения, которые по различным причинам не хотели или были не в состоянии в полной мере приять принципы КПЧ, однако, под влиянием военных событий придерживались левых взглядов. По их мнению, социал-демократия должна была стать партией так называемых средних слоев, которые, особенно в Чешских землях, традиционно пользовались довольно большим влиянием.

Это была сложная задача и, как впоследствии оказалось, в значительной мере превосходившая реальные возможности партии. Сознательно к ней подошла только часть функционеров, влияние которых проявилось прежде всего в период восстановления социал-демократии и в ходе ее первого послевоенного съезда, состоявшегося в октябре 1945 г. В первые послевоенные месяцы новое руководство во главе с З. Фирлингером приняло попытку консолидировать позиции партии. Однако в его стремлении, с одной стороны, сохранить для партии хотя бы часть бывших социал-демократических рабочих, а с другой стороны, привлечь новых членов из так называемых средних слоев уже с самого начала заключалось противоречие. Новые члены вступали в ряды социал-демократии отчасти из-за ее политического и социального реформизма, отчасти из-за идейной нечеткости ее платформы, а также в связи с тем, что состав руководства партии был очень пестрым. В него вошли, например, З. Фирлингер, Л. Янковцева, Б. Лаушман, В. Майер, Б. Вилим, В. Эрбан, О. Бергер и др.³ Последнее обстоятельство отталкивало от партии многих ее довоенных членов, которые после провала реформистской политики межвоенной социал-демократии требовали от своей партии четкой позиции

³ Современники часто подчеркивали, что новые члены социал-демократии не были ни идейно, ни политически подготовлены к пониманию позиции руководства партии, в котором также не было единства. См. воспоминания В. Эрбана [12].

и единого руководства. Отход их от социал-демократии проявился прежде всего в снижении доли рабочих в общей численности членов партии. Если в межвоенный период рабочие составляли почти 60 % членов партии, то в послевоенный их было немногим более 30 % [13].

Новое руководство во главе с Фирлингером в начале не находило полного понимания и поддержки у некоторых членов. Тем не менее в период до XX съезда социал-демократической партии оно осуществляло политику сотрудничества с КПЧ последовательно и без всяких препятствий. Общая атмосфера не позволяла еще оппозиционным силам проводить крупные самостоятельные выступления ни в рамках социал-демократии, ни в Национальном фронте. О сотрудничестве с КПЧ и о выступлениях в ее поддержку свидетельствовали и программные заявления социал-демократов, в том числе сделанные за границей, и программное заявление комитета действия социал-демократии, и программа XX съезда — во всех проявилось четко выраженное требование социалистического переустройства Чехословакии.

«Нынешнее положение, — говорилось, например, в программе съезда, — является неизбежно периодом переходным, ибо возвращение к прошлому невозможно и любое промедление с реализацией социалистических преобразований привело бы к новым и напрасным осложнениям... Социализм перестает быть только делом рабочего класса и становится условием социального развития нации... Перспективой нынешнего переходного периода является уже не альтернатива — социализм или капитализм, а социализм или хаос» [14].

Программы и официальные программные заявления социал-демократов периода 1944—1945 гг. свидетельствуют о важных сдвигах в идейных позициях партии. По сравнению с предвоенными программными документами в них были конкретизированы прежде всего требования, ведущие к конечному завоеванию власти рабочим классом и к обеспечению завоеваний революции, уже достигнутых к тому времени в политической и экономической областях.

Перемены коснулись не только программных заявлений, но и их практической деятельности. В качестве одного из примеров может служить сотрудничество коммунистов, социал-демократов и Революционного профсоюзного движения в вопросах национализации летом 1945 г. [15].

Влияние реформистских сил в партии вначале было незначительным. На первом послевоенном съезде оно проявилось наиболее заметно лишь при оценке межвоенного периода в развитии партии и в критике объединения коммунистической и социал-демократической партий в Словакии во время Словацкого национального восстания (см. выступления на съезде Ф. Немца, В. Майера и Б. Вилима) [16, с. 91, 249—250].

К этому можно отнести также подчеркивание демократических традиций партии, причем демократия ставилась в один ряд с социализмом как соразмерные понятия. Эти тенденции постепенно усиливались в чехословацкой социал-демократии. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» характеризовал подобные тенденции так: «Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов... Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму...» [1, т. 33, с. 25—26].

Не случайно, что в дальнейшем позиция правых сил внутри социал-демократии была связана с лозунгом «Демократия — наш путь, социализм — наша цель» [17, 13V]. Именно этот лозунг в их интерпретации должен был стать выражением самостоятельной партийной линии, не зависимой как от коммунистов, так и от национальных социалистов. Левые

функционеры социал-демократии, осознавая опасность искаженного толкования отношений между демократией и социализмом, стремились убедить членов партии, что лишь в интересах реакции «оживить старые споры, вызвать дух раздора, противопоставить социализм коммунизму, а демократию — социализму, будто бы оба эти понятия — демократия и социализм исключают друг друга» [16, s. 54—55].

Идеологическая дискуссия и разногласия внутри социал-демократической партии усилились перед майскими выборами 1946 г. Во время предвыборной кампании особенно сильным нападкам социал-демократы подверглись со стороны национальных социалистов, которые высказывали сомнение в самостоятельности их политической позиции и обозначали социал-демократов как «субарендаторов» коммунистов⁴. Положение социал-демократии во главе с левым руководством было в этот период особенно сложным. Идеиная незрелость части членов и старая, в сущности, довоенная организационная структура партии, открывали достаточный простор для политической пропаганды, которая не только противоречила намерениям левого крыла руководства партии, но и расходилась с принятыми программными принципами. Это было логическим следствием ситуации, при которой произошло восстановление партии, и ряд руководящих политиков Национального фронта считались с этим. На необходимость дифференциации внутри социал-демократической партии, например, неоднократно указывал К. Готвальд. В мае 1945 г. он заявил: «Теперь все будут иметь возможность вступить в ту партию, если она разрешена, куда велят их убеждение и сердце. В этих партиях начнется политическая борьба... Если бы мы не пошли по этому пути, то в результате к нам присоединилась бы часть лучших социал-демократов, однако, партия создавалась бы помимо них и опять бы приняла реакционные и правые элементы» [11, s. 408].

Конкретные условия сотрудничества социалистических партий в конце 1945 г. и в начале 1946 г. ухудшились не только в связи с подготовкой будущих выборов. Имел значение и объективный фактор — дифференциация интересов отдельных классов и групп населения, их социальное и экономическое расслоение. Различие интересов отдельных групп, которое не могла сгладить даже фашистская оккупация, в освобожденной стране вновь выдвинулось на передний план. Противодействие некоммунистических партий сотрудничеству внутри социалистического блока и Национального фронта зависело от многих внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Взаимное измерение сил в предвыборной кампании все эти скрытые противоречия обострило и обнажило.

Для социал-демократии подготовка к выборам была нелегкой. С конца 1945 г. становилось очевидным, что политическая дифференциация чешского общества для нее неблагоприятна. Противоречия внутри Национального фронта и фактический распад социалистического блока привели к ослаблению влияния левого руководства и усилению всех оппозиционных сил внутри партии. Этот процесс углубился, помимо прочего, и в результате создания «братской» Партии труда в Словакии. Поляризация сил внутри социал-демократии в Словакии проходила раньше, чем в Чешских землях, и была гораздо глубже. Левые социал-демократы объединились с Компартией Словакии уже во время Словацкого национального восстания. Перед выборами в начале 1946 г. возникла Партия труда, в которую вошли социал-демократы, не желавшие объединяться с коммунистами. Официальная позиция чехословацкой социал-демократии по отношению к Партии труда была позитивной — она исходила из того, что «социалистическое единство, неизбежное во время словацкого восстания, не является достаточно широкой основой для мирной социалистической деятельности» [18].

Неудача социал-демократов на майских выборах 1946 г.⁵ объективно

⁴ Противники левого руководства внутри социал-демократии после выборов выступили с требованием отличать их от коммунистов [9, f. 71/129—2].

⁵ На выборах в Законодательное национальное собрание ЧСР получили голосов: коммунисты 38%, национальные социалисты — 18,3, лидовцы — 15,6, социал-де-

помогла тем элементам в партии, которые не разделяли взглядов ее левого руководства или же с самого начала находились в оппозиции к нему. После выборов эти элементы могли сослаться на «неуспех» прежней политики и попытаться ее изменить. Иногда их требования заходили так далеко, что говорилось о созыве чрезвычайного съезда. В этом смысле высказались, прежде всего, представители Пльзенского края, разославшие краевым секретариатам обращение о созыве съезда [9, f. 71/120].

Резолюции, поступавшие в это время в центральное руководство социал-демократической партии, свидетельствовали в целом о значительной неудовлетворенности ее членов результатами выборов [9, f. 71/120]. Однако эту первоначальную реакцию на выборы в большинстве случаев еще нельзя характеризовать как сознательный переход на позиции правых. Речь шла о более или менее неосознанном отходе от прежней политической линии. Многие социал-демократы под влиянием агитации национальных социалистов ощущали потребность отличать себя от коммунистов, не осознавая практических последствий подобного шага. В сущности, не было создано никакой целенаправленной оппозиционной программы. Только в дальнейшем использование неудовлетворенности членов партии могло послужить оппозиционной группировке в руководстве для усиления ее влияния.

Вскоре после выборов оказалось, что оппозиция в партии переоценила свои силы. Это проявилось не только в том, что не был одобрен созыв чрезвычайного съезда. На состоявшемся 14 сентября 1946 г. заседании президиума социал-демократической партии была подтверждена прежняя политическая линия и положительно оценена деятельность руководства партии [9, f. 71/134—2]. В сообщении ее Центрального исполнительного комитета о подготовке и ходе выборов основное внимание уделялось критике предвыборной агитации национальных социалистов. «К сожалению, нам не была предоставлена возможность, — говорилось в сообщении, — ограничить нашу предвыборную агитацию пропагандой своей позитивной программы, и мы были вынуждены противостоять демагогии, применявшейся против нас другими политическими партиями, и прежде всего национально-социалистической» [9, f. 71/134—1].

Сентябрьское заседание показало, что оппозиционным силам в руководстве не удалось добиться официального изменения политической линии. Вместе с тем уже тогда они смогли утвердиться в ряде краевых секретариатов и аппарате партий.

Значительное влияние на положение в социал-демократической партии на всем протяжении послевоенного периода оказывала также внешнеполитическая обстановка. Сотрудничество в антифашистской коалиции способствовало взаимодействию коммунистов, социал-демократов и всех левых сил. Распад этой коалиции углубил противоречия между коммунистами и социалистами. Дальнейшее их сотрудничество развивалось лишь там, где существовала совместная программа возрождения, в которой наряду с сопротивлением фашизму подчеркивалось требование социалистического преобразования общества.

Подобные программы имели большинство социалистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Их сотрудничество с коммунистами, упроченное в связи с освобождением этих стран от фашизма Советским Союзом, продолжалось и после того, как международная обстановка осложнилась и начали проявляться серьезные признаки противоречий между союзными государствами.

Чехословацкая социал-демократия представляла в международном социалистическом движении после 1945 г. левое крыло. Это проявлялось на всех послевоенных конгрессах социалистических партий вплоть до конференции в Амстердаме 1947 г. По большинству вопросов представители чехословацкой социал-демократии выступали совместно с польскими

мократы — 12, словацкие демократы — 14%. Остальные голоса поделили между собой две словацкие партии — Партия труда и Партия свободы. Чехословацкая социал-демократия после выборов стала в Чешских землях четвертой, т. е. наименее влиятельной партией.

социалистами. Обе страны слишком остро почувствовали опасность германского фашизма, чтобы об этом могли забыть их представители, тем более представители социалистических партий.

Поэтому во внешнеполитической ориентации социал-демократии Чехословакии правые тенденции проявлялись очень сложно и опосредованно, за исключением, например, стремления отделить в глазах чехословацкой общественности внутриполитическую линию КПЧ от внешнеполитической ориентации государства на сотрудничество с Советским Союзом. Согласно резолюциям, поступавшим в секретариат Центрального Исполнительного комитета, следовало стремиться к тому, «чтобы чехословацкая социал-демократия установила отношения с руководящими деятелями СССР, осуществляя при этом самостоятельную политику. Отношение ЧСР к СССР не может основываться только на позиции КПЧ. Этого для республики недостаточно, и это ей не подходит» [9, f. 71/200—6].

Усиливавшиеся правые тенденции в западноевропейском социалистическом движении, как уже отмечалось, в социал-демократии Чехословакии проявились вначале лишь косвенно: не критикой сотрудничества с Советским Союзом или с социал-демократами пародно-демократических государств, а в скептицизме относительно некоторых мероприятий чехословацких коммунистов, которые выходили за рамки политической практики, обычной для стран с формальной парламентской демократией, и которые являлись закономерным следствием развивавшейся национально-демократической революции.

Внутреннее положение в государстве давало основание действительно использовать некоторые конкретные недостатки политической работы. На примерах повседневной жизни политики неискушенному наблюдателю иногда удавалось внушать, что руководство государством на будущих выборах необходимо доверить партии, которая соединяет в себе преимущества партии революционной, строящей социализм, и партии демократической, которая использует методы, отвечающие национальным традициям. Анонимный автор статьи «Через демократию к социализму» выразил эту идею словами: «Как социалисты, мы также поняли, какую огромную цену имеет демократия для роста социалистического движения и распространения его идеалов... Европейская цивилизация могла достигнуть своей высоты единственно потому, что демократия в своем развитии достигла наивысшей точки — совместного правления с оппозицией, поскольку только посредством этого в правительство попадают новые люди, которые чутко ощущают современные потребности общества и знают, как разрешить трудности и удовлетворить нужды людей» [19].

Социал-демократы, как члены наиболее слабой партии в Чешских землях, не могли претендовать на определяющее место в политической жизни государства и фактически должны были выбирать, какой из двух сильнейших политических партий — коммунистам или национальным социалистам оказывать поддержку. Принимая во внимание программу, военный и послевоенный опыт многих социал-демократов, было очевидно, что этой партией и в дальнейшем останется КПЧ. Руководящие деятели партии не должны были забывать и о том, что за коммунистов высказалось более трети всех избирателей, что отказ от сотрудничества со столь сильным партнером мог бы привести к внутривнутрипартийному кризису.

Поэтому официальная политическая линия социал-демократии, как она была представлена прессой, после выборов радикально не изменилась. Руководство партии в сентябре 1946 г. подтвердило свою прежнюю позицию. В парламенте, правительстве и Национальном фронте и в дальнейшем решения принимались после взаимного соглашения политических партий. Социал-демократы в последней фазе переговоров в большинстве случаев выступали совместно с коммунистами. Однако сами переговоры становились все продолжительнее и сложнее.

Социал-демократия в стремлении подчеркнуть в глазах будущих избирателей свою самостоятельность зачастую выступала с предложениями, осуществление которых должно было повысить авторитет партии. В ее деятельности все более выразительно проявлялось стремление уси-

лить свое политическое влияние в стране посредством пропаганды «популярных» мероприятий без учета их целесообразности и пожеланий собственных членов. Одним из подобных мероприятий было предложение социал-демократов о том, чтобы разработка новой конституции была поручена Законодательному национальному собранию, а правительство в этой работе не участвовало. На практике это значительно продлило ход обсуждений (см. [20]).

Правая часть руководства последовательно использовала то обстоятельство, что в партии преобладали члены, которые прежде не имели ничего общего с социал-демократией. В. Эрбан в своих воспоминаниях об этом времени писал: «В чехословацкую социал-демократию тогда вступали люди, которые имели мало или вообще не имели ничего общего с довоенной Чехословацкой социал-демократической рабочей партией и большей частью не являлись ее сторонниками. Их влияние в партии быстро возрастало, и постепенно, приблизительно к осени 1947 г., они достигли заметного численного превосходства. Это были выходцы из так называемых средних слоев: ремесленники, торговцы, довольно значительная часть интеллигенции, мелкие и средние крестьяне, а кое-где кулак и фабрикант. Естественно, они вступили в социал-демократию не потому, что официально высказались за марксизм, а вопреки этому» [12].

Социал-демократия в послевоенный период несомненно имела одну из наиболее революционных программ в своей истории, однако она должна была ее осуществлять с относительно консервативными и несознательными членами. Организационные принципы, сохранившиеся в основном с межвоенного периода, позволяли оппозиции использовать это обстоятельство. Она могла беспрепятственно привлекать на свою сторону часть новых, неопытных членов и посредством их проводить свои политические взгляды вначале в отдельных мероприятиях, а затем во всей деятельности партии.

Положение левой части руководства после неудачи на выборах осложнилось, его представители не смогли достаточно убедительно отвести от себя ответственность за прошлое партии и поэтому видели выход в формальном сокрытии внутренних противоречий. При этом они использовали стремление так называемой группы центра сгладить эти противоречия и направить внимание своих членов на практику остальных партий Национального фронта. Эту линию представлял в руководстве, прежде всего, Богумил Лаушман. На сентябрьском заседании он в качестве главной цели партии назвал победу на будущих выборах. «Мы стремились,— заявил Б. Лаушман,— к сотрудничеству со всеми политическими партиями, и не наша вина, если в отдельных случаях, включая значительные события, не были достигнуты согласованные действия всех партий Национального фронта» [9, f. 71/134—1].

При этом было очевидно, что главная причина сравнительно небольшой популярности социал-демократической программы состояла не только в резкой предвыборной кампании национальных социалистов и остальных партий Национального фронта, а прежде всего в объективных возможностях партии, которая должна была в переходный период привлечь политически пассивную часть чешского общества к сотрудничеству в социалистическом строительстве и нейтрализовать влияние правых на эти слои. Ввиду того, что чешская общественность в целом приобрела во время войны и в послевоенный период определенный политический опыт, эта политически менее зрелая часть населения являлась сравнительно малочисленной, хотя и не была оставлена без внимания.

Социал-демократия выполнила, следовательно, на выборах 1946 г. свою задачу. Она воспрепятствовала попыткам сформировавшегося правого крыла завоевать поддержку со стороны политически незрелых граждан и совместно с КПЧ получила большинство в выборных органах⁶. Однако такую оценку результатов выборов давали далеко не все.

⁶ См. статью Э. Коецкого «После выборов», в которой констатируется, что «большинство социалистических элементов, которые приспособились к новому строю, коммунистическая партия привлекла на выборах на свою сторону, наряду со своими многочисленными сторонниками. Тем самым социал-демократия осталась только при своих

В официальных выступлениях первоначальное разочарование сменил оптимизм, подчеркивание относительного преимущества достигнутого после выборов положения, когда голос социал-демократии стал своего рода решающим на заседаниях правительства, Национального фронта и парламента. Такая точка зрения свидетельствовала о возвращении к прежней коалиционной практике политической жизни первой республики.

Возникла теория так называемой «стрелки весов»⁷, которая постепенно стала расхожим аргументом для всех оппозиционных и оппортунистических элементов в партии. Эта теория усиливала напряженность в Национальном фронте и создавала постоянную опасность возникновения правого блока. Однако, несмотря на частичные успехи, правые в партии были еще не в состоянии вызвать серьезные разногласия с коммунистами при решающих переговорах в высших государственных органах и политических учреждениях. Сотрудничество с коммунистами продолжалось вплоть до лета 1947 г.

В партии несомненно существовали правые тенденции, которые постепенно усиливались. Однако их носителями, за некоторым исключением, не всегда являлись одни и те же лица. Правые тенденции далеко неравномерно проявлялись во всех сферах деятельности партии — экономической, политической, идеологической и т. д., что затрудняло классификацию отдельных представителей социал-демократии по их политической ориентации.

Наиболее отчетливо эти тенденции проявлялись в партийной деятельности. В идейной области царила значительная растерянность. В сфере экономической и социальной сотрудничество с КПЧ, пока оно не стало средством политической агитации, являлось наиболее прочным⁸. Экономическая теория и практика, как и социальные мероприятия, по своему характеру были очень конкретными, и интерес широкой общественности к ним по большей части был слишком однозначным, что исключало возможность искаженной интерпретации сути основных требований. Разумеется, и в этой сфере имелись случаи нарушения правых частью руководства экономического сотрудничества с коммунистами. Например, частые разногласия возникали во время обсуждения экономических проблем в пограничье (см. [23]). Во всех подобных случаях экономические вопросы становились предметом политической агитации.

Сложнее была ситуация в сфере аграрной политики, что скорее вытекало из стремления усилить позиции социал-демократии в деревне, чем из различных представлений о будущей организации чехословацкого сельского хозяйства (см. [24; 2, с. 326]). Тем не менее разногласия в руководстве социал-демократии летом 1947 г. отразились и в ее аграрной политике [4, с. 230].

Во всех случаях, когда правые не имели возможности сослаться на существующие разногласия в интересах коммунистов и социал-демократов, они утверждали, что коммунисты только переняли социал-демократические требования. Однако при этом забывалось, что абстрактно понятый социализм содержался в программах всех социалистических партий, включая самые правые.

Целенаправленное сотрудничество коммунистов с социал-демократии создавало политические предпосылки осуществления социалистических преобразований. В. И. Ленин в свое время писал в работе «Крах II Интернационала», что ревизионисты и реформисты могут «взять из

сознательных приверженцах и той части избирателей, которая не признает политику коммунистической партии..., но под влиянием социал-демократии осознала опасность, грозящую трудящимся в случае, если бы она оказалась на выборах в одних рядах с национальными социалистами и лядовцами» [21].

⁷ Одними из первых эту теорию сформулировали опять же представители пльзеньского краевого комитета в резолюции по поводу результатов выборов: «В лучшем случае мы можем быть стрелкой весов, но при неизменных условиях это была бы временная роль» [9, f. 71/120].

⁸ Даже такой видный представитель правых в партии, как В. Майер считал неудобным даже во время XXI съезда официально подвергнуть нападкам экономические принципы послевоенной партийной политики (см. [22]).

марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до „общего“ признания „социалистических идеалов“ и смены капитализма „новым строем“, и отбросить „только“ живую душу марксизма, „только“ его революционность» [1, т. 26, с. 227].

Противники сотрудничества с КПЧ поэтому могли утверждать, что коммунисты переняли ряд требований, выдвигаемых социал-демократами. Однако они забывали добавлять, что эти требования были неконкретны без указания условий и предпосылок, необходимых для их реализации.

Усиливавшиеся противоречия между социал-демократами и коммунистами привели к первому крупному столкновению во время заседания правительства. Летом 1947 г. чехословацкое правительство должно было решать вопросы, связанные с необыкновенной засухой. Помимо обеспечения чрезвычайных поставок зерна из Советского Союза оно должно было позаботиться также о финансовых источниках помощи земледельцам, пострадавшим от засухи. Коммунисты предложили получить необходимые средства путем чрезвычайного налогообложения крупнейшей собственности — так называемого налога с миллионеров [3, с. 244; 2, с. 392—393]. Проект этого мероприятия, имевшего четко выраженный классовый характер, при обсуждении в правительстве вызвал сопротивление остальных политических партий, включая социал-демократов. Возможный правительственный кризис, однако, удалось предотвратить заключением 11 сентября 1947 г. соглашения между КПЧ и социал-демократией о совместных действиях при разрешении разногласий в правительстве. Его целью было возрождение форм сотрудничества, использовавшихся сразу же после освобождения.

Заключение соглашения представляло собой важный рубеж в развитии Национального фронта и социал-демократической партии. Оно показало, что в решающие моменты левые в состоянии проводить конструктивный политический курс, и в то же время убедило правых политиков в том, что для осуществления своих намерений об изменении политической линии социал-демократии необходимо отстранить от руководящих постов сторонников сотрудничества с коммунистами. В этом смысле соглашение явилось увертюрой к обострению внутривнутрипартийных конфликтов на XXI съезде партии, состоявшемся в середине ноября 1947 г. в Брно.

Ход съезда свидетельствовал о стремлении правых социал-демократов захватить ведущие позиции в партии и использовать их для проведения политики так называемой «стрелки весов». Социал-демократия в их понимании должна была стать арбитром во всех значительных внутривнутриполитических вопросах. Общим лозунгом всех настроенных против Фирлингера делегатов съезда и остальных членов партии стала самостоятельность и независимость партии.

А. Мейснер, один из представителей межвоенной социал-демократии, сформулировал это требование так: «Социал-демократическая партия должна остаться партией независимой и самостоятельной как организацией, так и в идейном отношении» [17, 16 XI].

К брненскому съезду социал-демократии обратились надежды не только правых социал-демократов, но и всех противников революционных преобразований в Чехословакии. По их мнению, именно поддержка социал-демократии давала коммунистам проводить мероприятия, разрушавшие старую общественную структуру во всех ее областях.

При этом не принималось во внимание то обстоятельство, что Национальный фронт являлся качественно новой формой политической системы и что ведущая роль КПЧ в ней вытекала из происходивших в обществе процессов в период второй мировой войны и после ее окончания. Столь же нереально правые рассчитывали на то, что с отстранением в социал-демократии левых сил от руководящих постов автоматически произойдет изменение в соотношении сил в государстве. По этой причине критика социал-демократов со стороны национальных социалистов и других правых сил была не огульной, как перед выборами 1946 г., а дифферен-

цированной. Наиболее близкими для правых социал-демократов являлись, помимо В. Майера, В. Бенеш, А. Мейснер, И. Дерер, т. е. политики межвоенного периода [25; 26].

Стремление вернуть социал-демократии ее прежний характер, характер партии, которая, невзирая на свою программу, проводила бы повседневную политику в узкопартийных интересах, заметно проявилось в выступлении делегатов и гостей, критиковавших послевоенную политическую линию партии. При сравнении в этом плане позиций делегатов на XXI брненском съезде и XX съезде социал-демократии в 1945 г. особенно заметно их отступление от принципов сотрудничества и социалистического единства.

Уделяя внимание кадровой подготовке съезда⁹, правые позаботились также о режиссуре самого хода его заседаний. Тем не менее, как показал съезд, вплоть до избрания нового председателя и членов нового исполнительного комитета они не были уверены в своей победе.

В ходе съезда правые намеревались убедить большинство делегатов в необходимости устранения левых функционеров из руководства партии; из тактических соображений председателем партии избрали Б. Лаушмана, которого многие считали ближайшим сотрудником Фирлингера.

Ход брненского съезда и содержание отдельных выступлений наглядно показали, до какой степени оппозиционным силам удалось проникнуть в аппарат партии, прежде всего в центральный и некоторые краевые секретариаты, и подчинить выборы делегатов и форму ряда выступлений своим замыслам. Роль жестких и бескомпромиссных критиков была поручена известным функционерам межвоенного времени. Эта роль особенно заметна при сравнении их выступлений с официальными докладами ведущих представителей «новой» и «объединенной» оппозиции Фирлингеру.

Прежнее левое руководство на съезде не молчало. З. Фирлингер защищал деятельность партии после 1945 г., а его сторонники не уклонились от борьбы при избрании председателя. Однако предложение избрать председателем партии Б. Лаушмана¹⁰ застало левых врасплох, и они не выдвинули против него официального возражения; в ряде других вопросов левые также заняли оборонительную позицию. Только в конце съезда они заявили протест против способа его ведения, создав тем самым предпосылку для дальнейшей борьбы за характер партии.

Объединенной антифирлингеровской оппозиции удалось провести своего кандидата. Однако ее победа не была полной, так как в Центральном исполнительном комитете остался ряд левых функционеров; не удалась и попытка принципиальной ревизии программы. Сотрудничество внутри нового руководства, как и взаимодействие оппозиционных сил на съезде, также было обусловлено различными факторами.

Несмотря на драматический ход, бурные дискуссии и борьбу при голосовании, XXI съезд явился логическим результатом послевоенного развития партии и не слишком удивил представителей коммунистической партии и буржуазного лагеря.

Стремление повстанцев отвлечь внимание от сущности и содержания мероприятий по социализации к форме, в какой они реализуются, являлось традиционным методом буржуазии, применяемым в период усиленной активности рабочего класса с целью раскола революционного единства. В Чехословакии, например, подобная тактика в 1920 г. способствовала поражению пролетариата.

К. Готвальд в докладе на пленуме ЦК КПЧ 27 ноября 1947 г. так охарактеризовал положение, сложившееся после брненского съезда: «Реакция, расплывшаяся во все стороны, и далее будет стремиться парализовать деятельность правительства, парламента и остальных органов

⁹ Оппозиция в руководстве партии уже перед съездом сосредоточила свою деятельность на завоевании мест в центральном и краевых секретариатах партии. З. Фирлингер оставил свидетельство о методах, которые при этом использовали правые [9, f. 60/50—2, s. 6].

¹⁰ Правые решились избрать Б. Лаушмана по предложению президента Э. Бенеша после заключения соглашения социал-демократов с коммунистами в сентябре 1947 г. [9, f. 60/50—2, s. 13].

народной власти для того, чтобы в определенный момент сделать правительство и парламент полностью недееспособными. Она бы хотела в нужное время вызвать правительственный кризис и предпринять попытку создания чиновничьего правительства. В политическом отношении такой шаг необходимо было бы оценить как попытку реакционного путча, как попытку реакционного государственного переворота. На нее следовало бы дать соответствующий, сокрушающий реакцию ответ. Повторение 1920 г. с Тусаром и Черным было бы для реакции идеальным. Однако сейчас грядет 1948 год» [27].

С точки зрения послевоенного развития в Чехословакии брненский съезд означал частичную победу правых сил. Вместе с тем обострение отношений между коммунистами и социальными демократами не означало, как показало дальнейшее развитие, ни окончательного прекращения сотрудничества между ними, ни ослабления социал-демократии. Усиливавшийся кризис Национального фронта на рубеже 1947—1948 гг. углубил противоречия в новом руководстве партии и вел к дальнейшей перегруппировке сил. Левые неоднократно в этот период оказывались перед проблемой принятия решения о полной организационной самостоятельности. Одним из шагов на этом пути было создание Клуба социалистической демократии и издание журнала «Směr».

Однако до раскола партии дело не дошло. Левая группа в ее руководстве стремилась на всем протяжении политической борьбы за характер республики воздействовать на социал-демократию в плане укрепления единого левого социалистического фронта¹¹. И эта ее тактика оказалась успешной, что особенно наглядно подтвердилось в ходе февральских собраний 1948 г. Если после брненского съезда и вплоть до заседания правительства 13 февраля 1948 г.¹² у правого крыла социал-демократической партии были надежды захватить полностью в свои руки руководство партией, то по мере того, как ситуация в стране обострялась, в действие вступали факторы, сводившие на нет эти расчеты. Имеется в виду прежде всего активизация левых сил внутри социал-демократии¹³. Их представители бескомпромиссно выступали в поддержку предложений коммунистов, направленных на разрешение спровоцированного буржуазными политиками правительственного кризиса.

Развитие февральских событий явилось в истории чехословацкой социал-демократии апогеем борьбы различных по своей политической ориентации сил; за характер этой партии, за ее место в Национальном фронте, за ее роль в дальнейшей революционной перестройке общества.

Политический кризис в феврале 1948 г. наглядно показал, что послевоенная социал-демократическая партия являлась конгломератом разнородных сил, зачастую политически противоположных, которые объединились в этой партии временно и в значительной мере формально. Потому естественно, что в февральские дни внутри партии развернулся

¹¹ Левые прежде всего сосредоточились на выяснении характера современного этапа революции. «Кто заявляет, что мы уже достигли социализма,— писал левый журнал „Směr“,— тот пускает пыль в глаза общественности... Правда, мы уже не являемся капиталистическим государством, однако мы еще не стали обществом социалистическим. Мы находимся в периоде перехода, который обозначаем специальным термином народная демократия или демократия социалистической направленности... Многих так называемых социалистов это смущает, что проявляется именно в такой подмене народной демократии социализмом» [28].

¹² На этом заседании министры национально-социалистической партии выступили с протестом по вопросам компетенции министерства внутренних дел, возглавляемого коммунистом. В ходе острой дискуссии коммунисты в правительстве остались в изоляции. Им противостоял блок реакционных буржуазных политиков (прим. переводчика).

¹³ В то время как еще 23 февраля в ЦИК по инициативе Б. Вилима и В. Майера ренался вопрос об исключении из партии заместителя председателя пражской организации социал-демократии В. Коушовой-Петранковой и других за их поддержку КПЧ [9, f. 71/114], то уже после 24 февраля на заседаниях ЦИК президиума активизировались левые социал-демократы. Они даже сумели провести предложение об удалении В. Майера, З. Герлиха, В. Бернада, Б. Вилима и других, начав тем самым процесс очищения партии в духе решения Центрального комитета действия Национального фронта [9, f. 71/124].

интенсивный процесс дифференциации, на который весьма активное влияние оказывали комитеты действия возрожденного Национального фронта. В этих комитетах на всех уровнях их деятельности непосредственное участие принимали сторонники левого крыла социал-демократической партии. Им удалось выиграть борьбу за колеблющиеся элементы, заставить руководство ЦИК отказаться от позиции формального нейтралитета и обеспечить сотрудничество с КПЧ. Успех левых был обусловлен общей активизацией прогрессивных сил страны в решающее для ее судеб время, а также действенной поддержкой коммунистов, стремившихся сохранить социал-демократическую партию, как партию рабочего класса.

В феврале, в сущности, завершилась идейная и политическая борьба внутри социал-демократии. В дальнейшем борьба уже велась не в отдельных партиях, а прежде всего между силами прогресса в обновленном Национальном фронте и реакцией, которая часто пыталась из-за границы ликвидировать этот фронт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
3. Социальные революции 40-х годов XX столетия.— Проблемы мира и социализма, 1984, № 7.
4. Марфина В. В. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.
5. Bouček M., Klímeš M., Vartíková M. Program revoluce. Praha, 1975, s. 235.
6. Gottwald K. Spisy, t. XII. Praha, 1955, s. 24.
7. Cesta ke Květnu, t. I, ч. 1. Praha, 1965.
8. Nedvěd J. Cestou ke sloučení sociální demokracie s komunistickou stranou v roce 1948. Praha, 1968, s. 41—42.
9. Ařchív Ústavu marxismu-leninismu ÚV KSČ. Praha.
10. Rudé právo, 1945, 29 V.
11. Příspěvky k dějinám KSČ, 1961, № 3.
12. Erban V. Zapasy KSČ očima pamětníků. Praha, 1971, s. 339—340.
13. Zpráva o činnosti Československé sociálně demokratické strany v letech 1933—1936. Praha, 1937, s. 270.; Zpráva o činnosti Československé sociální demokracie k XXI řádnému sjezdu v Brně 14.—16. XI. 1947. Praha, 1947, tab. V.
14. Program Československé sociální demokracie. Praha, 1946, s. 13.
15. Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. М., 1979, с. 192—193.
16. Protokol XX manifestačního sjezdu Československe sociálně demokratické strany. Praha, 1945.
17. Právo lidu, 1947.
18. Vývoj Československé sociální demokracie. Praha, 1947, s. 37.
19. Sociální demokrat, 1947, № 17.
20. Archív Federalního národního shromáždění. Praha (AFNS), zápisy ze schůze subkomise ustavního výboru 1/8, 1/9.
21. Cíl, 1946, № 22, s. 338.
22. Státní ústřední archív. Praha, f. V/8, kr. 26.
23. AFNS, zápisy z jednání osídlovacího výboru ÚNS 1946—1948.
24. Lacina V. K agrárním koncepcím sociální demokracie a narodních socialistů v letech 1945—1948.— Československy časopis historický VII, 1961, č. 1, s. 50.
25. Obzory, 1947, 20 IX.
26. Vývoj, 1947, 26 X.
27. Gottwald K. Spisy, t. XIV. Praha, 1958, s. 204.
28. Směr, 1948, č. 2, s. 1.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ГАЛИЦИИ

В силу некоторых исторических особенностей своего развития, а также благодаря близкому соседству с развитыми странами Европы, Галиция дала любопытный образец втягивания отсталых территорий в систему капиталистического хозяйства.

В течение нескольких столетий, предшествовавших разделу Речи Посполитой, важнейшим сельскохозяйственным рынком для всего государства, в том числе и для областей будущей Галиции, был Гданьск. В XVI — начале XVII в., в пору наивысшего расцвета фольварочно-барщинного хозяйства, торговля с Гданьском, доминирующее положение в которой занимало дворянство, была очень оживленной¹. В последующий период она сильно сократилась и потеряла свое былое значение, но и накануне раздела Польши ее удельный вес в общем объеме польской внешней торговли составлял около 80% [2, с. 253].

Раздел Речи Посполитой нанес торговле Галиции непоправимый удар. Высокие транзитные пошлины, взимаемые Пруссией с галицийских товаров, шедших в сторону Гданьска, почти полностью парализовали и без того уже слабый галицийский экспорт. Жизненно важный для галицийской торговли водный путь по Бугу и Висле оказался практически закрытым, а Гданьск потерял для Галиции значение не только реального, но и потенциального хлебного рынка, что было очень важным для ее будущего развития. Перед галицийскими экспортерами встала трудная проблема освоения новых рынков. Усилия ориентировать галицийский сельскохозяйственный экспорт по Днестру на юг, к Черному морю, вследствие ряда причин не увенчались успехом, а направить его на запад не позволяло состояние коммуникаций: реки Галиции не могли быть использованы для связи с Австрией, а сухопутные пути, строительству которых австрийское правительство уделяло много внимания, не обеспечивали потребностей сбыта сельскохозяйственной продукции. Таким образом, с присоединением к Австрии Галиция оказалась в состоянии экономической изоляции, продолжавшейся почти столетие. При ограниченности ее внутреннего сельскохозяйственного рынка это имело важные последствия для ее экономики, в том числе и для помещичьего хозяйства. В условиях экономической обособленности получили развитие тенденции, обнаружившиеся в помещичьем хозяйстве уже задолго до раздела Польши и вытекавшие из особенностей ее общественно-экономического строя, сохранившего в Галиции свои основные черты и в период австрийского владычества.

Уже и раньше, благодаря праву пропинации², галицийские помещики получали свои основные доходы не от продажи зерна или других сельско-

¹ О значении гданьского хлебного рынка для Галиции см. [1].

² Исключительное право помещиков на производство и продажу спиртных напитков, включавшее и право принуждения зависимого населения к их потреблению.

хозяйственных продуктов, а от винокуренных и пивоваренных заводов, продукцию которых сбывали на месте и в принудительном порядке зачисляемому сельскому населению [3, s. 7]. Но пока сырьем для производства водки служило зерно, развитие винокурения держалось в известных границах, определявшихся излишками хлеба — при урожаях того времени не очень значительными — и его рыночными ценами. Распространение картофеля устранило это ограничение и привело к безудержному развитию винокурения. В 1836 г., накануне введения акциза, в Галиции насчитывалось 4898 винокуренных заводов, производивших 60% общевстрийской продукции спирта. В каждом из пяти галицийских сел стоял винокуренный завод [2, s. 360; 4, s. 157]. Винокурение, как правило, сочеталось с откормом волов, находивших выгодный сбыт на рынках Австрии и Чехии, куда их перегоняли по специально приспособленному для этой цели «воловоу тракту». Производством кормов для скота помещики не занимались, так как фураж легко можно было добыть по низким ценам в степях Украины и Молдавии. Таким путем, накануне отмены барщины, в качестве «модели» помещичьего хозяйства в Галиции окончательно сформировался производственный комплекс фольварк-винокуренный завод.

Внешне товарный, но в основе своей сугубо натуральный, он благодаря ряду причин и, прежде всего из-за того, что галицийские помещики сумели, чуть ли не до самого падения Австро-Венгрии, сохранить за собой, хотя и в несколько измененном виде, право пропинации, оказался очень жизнеспособным и в течение долгих лет пореформенного развития оставался образцом рационального помещичьего хозяйства. Такое хозяйство не требовало ни больших капиталовложений, ни дальних рынков, ни дешевых коммуникаций, так как его главный рынок находился в границах империи.

Расширение культуры картофеля и выделение значительных площадей под пастбища для перегонного скота привело к сокращению посевов зерновых с 32% в 1773 г. до 27% [5]. Между тем в связи с ростом населения внутренние потребности Галиции быстро увеличивались³. Проблема хлебного рынка быстро теряла свою остроту и отодвигалась на задний план.

Встречное развитие противоположных тенденций — сокращение производства и увеличение потребления — привело к тому, что в середине 1840-х годов в Галиции стал ощущаться недостаток продовольствия. По данным Львовской торгово-промышленной палаты, уже в 1845 г. ввоз продовольственных культур превысил вывоз на 448 507 венских ц [7, 1856, т. XX, s. 146]. С этого момента Галиция в течение долгих лет продолжает ввозить хлеб, а его экспорт почти совершенно прекращается⁴.

На первый взгляд может показаться, что подобная ситуация должна была толкать главных производителей товарного хлеба — галицийских помещиков — к увеличению его производства. В действительности дело обстоит иначе. Специфика внутреннего хлебного рынка Галиции и в этот период и позднее заключалась в том, что его постоянная база оставалась очень узкой и ограниченной. Не столько регулярный спрос города, сколько спрос сельского населения в неурожайные годы (вспомним: 61 человек на 1 км² в 1846 г.) определял уровень хлебных цен. Помещики верно оценивали обстановку. Один из видных деятелей Галицийского сельскохозяйственного общества С. Смажевский в статье «О торговле хлебом» писал: «Наши хозяйственные мероприятия имеют ту удивительную особенность, что с точки зрения денежного дохода оплачиваются

³ С 1776 по 1846 г. население Галиции почти удвоилось, его плотность возросла с 32 до 61 человека на 1 км² [6, s. 2].

⁴ Важную роль в этом сыграли и такие привходящие факторы, как распространение появившейся в 1846 г. в Галиции картофельной болезни и сокращение посевов в помещичьем хозяйстве в первые годы после отмены барщины. В данном случае важно то, что превышение ввоза над вывозом наступило до вступления в действие этих факторов.

тем лучше, чем хуже они нам удаются, если только неудача постигает всех, а не исключительно только некоторых... Поэтому опытные хозяева давно уже пришли к заключению, что неурожайные годы приносят нам наивысшую прибыль» [7, 1848, t. V, s. 124, 128]. Здесь все сказано с такой ясностью, что общий вывод напрашивается сам собой.

По мере выхода из пореформенного кризиса и расширения сети железных дорог, связывавших все более и более удаленные районы Галиции с внешним миром, помещичье хозяйство снова начинает постепенно включаться во внешнеторговые связи. Для Восточной Галиции это был период 1860-х годов. В 1861 г. железная дорога достигла Львова, а в 1869—1871 гг. — восточных границ Галиции. Почти одновременно с этим были подведены и русские железные дороги. Для сельского хозяйства Галиции наступил новый период развития.

Открытие путей на заграничные рынки не оправдало расчетов галицийских помещиков на дополнительные барыши. Прежде всего, сразу обнаружилось, что ни размеры производства, ни состояние внутреннего рынка Галиции не отвечают требованиям экспорта. Исследовавший в конце 1860-х годов внешние торговые связи Галиции А. Липп установил, что в 1863—1869 гг. среднегодовой вывоз зерна из Галиции составлял около 430 тыс. ц, т. е. немногим более 3% сбора зерновых культур [8]. Даже в условиях исключительно выгодной для галицийского экспорта конъюнктуры, которая сложилась на рынках Германии и Австрии в 1873—1878 гг. (ряд неурожайных лет, война на Балканах), вывоз хлеба составлял 6—7% его производства [9].

Объяснение простое: вывоз хлеба не окупался. Сопоставление средних для Галиции цен с ценами, зафиксированными на венской бирже в конце 1870-х — начале 1880-х годов, показывает, что превышение последних над галицийскими составляло не более 15%, а в отдельные годы было совсем незначительным [6, s. 150; 10, t. 83, 1912, s. 190]. Разница в цене не покрывала стоимости транспорта.

С другой стороны, развитие железных дорог уже в начале 1870-х годов вызвало значительное расширение русского и румынского хлебного экспорта на рынки европейских стран, в том числе на австрийский, что вскоре отразилось и на состоянии галицийского хлебного рынка. Поэтому уже задолго до наступления всеобщего кризиса в Галиции стали раздаваться жалобы на ухудшение рыночной конъюнктуры. В 1885 г., когда кризис проявился во всей своей остроте, видный галицийский экономист Т. Пилат оценивал перемены 1870-х — начала 1880-х годов следующим образом: «Положение в сельском хозяйстве в течение последних 10—15 лет непрерывно ухудшалось, условия сбыта продукции стали хуже, цены пали, а если раньше в неурожайные годы было то утешение, что цены поправятся, то теперь дело обстоит иначе» [10, t. 36, 1885, s. 91].

Все же включение Галиции в систему общевосточного и европейского рынка оказало на первых порах некоторое стимулирующее влияние на развитие помещичьего хозяйства. Стабилизация цен, способствуя внедрению в хозяйство коммерческого расчета, в то же время лишила галицийских помещиков того «утешения», которое им раньше приносили неурожайные годы. Это заставило их глубже осознать необходимость изменений в сложившейся системе хозяйства. Начиная со второй половины 1860-х и почти до конца 1870-х годов наблюдается заметное оживление во всех сферах их хозяйственной деятельности. Происходят изменения в структуре посевов в сторону увеличения производства товарных культур, в первую очередь пшеницы, площади под которой с 1874 по 1880 г. увеличились в Галиции в полтора раза [3, s. 32]. Почти повсеместно наблюдается переход от трехполья к более прогрессивным системам севооборота, в связи с чем увеличиваются посевы технических культур. Кроме конных молотилок и веялок, получивших распространение в помещичьем хозяйстве значительно раньше, вводятся машины для сортировки зерна, рядовые севалки, сенокосилки, жатки и пр. Некоторые из этих машин, например, жатки, несмотря на их наличие в хозяйстве, использовались очень мало [11]. Об известных хозяйственных усилиях помещиков в 1870-е

годы свидетельствует и динамика ипотечной задолженности крупного землевладения. С 1871 по 1877 г. она увеличилась на 44,5 млн злотых, в то время как за последующее семилетие (1878—1884) — всего лишь на неполных 16 млн злотых [6, s. 120]. Наблюдаются перемены и в административно-организационной деятельности помещиков: в крупных имениях вводятся более совершенные системы учета и делопроизводства. Оживляется деятельность хозяйственных организаций, увеличивается издание сельскохозяйственной литературы и пр. Вместе с тем обращает на себя внимание зачастую поверхностный, случайный, непродуманный характер этих преобразований. И это легко объясняется: западные образцы, которым в тот период пытались подражать некоторые галицийские помещики, плохо соотносились с реальной галицийской действительностью.

Когда наступил аграрный кризис, приближение которого галицийские помещики почувствовали очень рано, они главные свои усилия сосредоточили в области аграрной политики, стараясь оградить свои интересы законодательным путем. Политическая обстановка в Австрии благоприятствовала этому. В 1879 г. на смену либералам к власти пришла партия аграриев, главную силу которой составляли представители галицийского дворянства. Наступила так называемая «эра Тафффе» — совершенно бесплодный в области аграрной политики период. В не меньшей мере способствовали этому и внешние условия. Политика аграрного протекционизма, которую с конца 1870-х годов начала проводить Германия, облегчала австрийским аграриям проведение аналогичной политики под видом ответных мер. Уже в 1882 г. австрийское правительство ввело ввозные пошлины на хлеб, повысив одновременно их на мясо и скот, а также на промышленные изделия. В 1886 г. наступило очередное повышение пошлин, причем на хлеб они были увеличены втрое [10, t. 49, 1892, s. 2] (в 1906 г. тарифы 1886 г. были опять увеличены примерно вдвое [10, t. 71, 1906, s. 149].)

Значение пошлин для внешнего рынка Галиции легко понять, если присмотреться к характеру хлебной торговли Австро-Венгерской монархии в целом. Несмотря на значительный объем хлебного экспорта, Австро-Венгрия не являлась крупным экспортером хлеба. Ее хлебная торговля носила скорее характер сбалансированного обмена. Так, например, в 1879—1881 гг. при годовичном вывозе в 8 млн ц в страну ввозилось около 6,5 млн ц хлеба, из которых 3 млн ц поставляла Румыния. В 1885 г., накануне увеличения пошлин, было ввезено 6153 тыс. ц, в том числе 896 тыс. из России и 4835 тыс. из Румынии. После увеличения тарифов картина ввоза быстро изменилась: в 1886 г. Румыния ввезла уже только 1107 тыс. ц, а в 1887 г. — всего лишь 496 тыс. ц хлеба [10, t. 46, 1890, s. 39—40].

Устранение Румынии с австрийского хлебного рынка практически означало восстановление монополии помещиков на внутреннем хлебном рынке Галиции. Поэтому падение цен здесь не было таким глубоким, как в других районах пораженной аграрным кризисом Европы. Цены 1887—1896 гг. составляли: на пшеницу — 80%, рожь — 78,5, ячмень — 84,7, овес — 84,5% от цен 1876—1885 гг. [6, s. 150; 12, s. 21].

Падение ренты наступило позже и было меньше падения цен. Рост арендной платы при сдаче имений в аренду наблюдается повсеместно до 1883 г., а в отдельных случаях до 1885 г. Потом наступает период стабилизации, и только в начале 1890-х годов начинается падение, достигшее к концу десятилетия примерно 15% от ее высшего уровня [13, д. 104, л. 45—50; д. 114, л. 33—37; д. 123, л. 49—53, 120; д. 131, л. 36—45, 115; 14]. Здесь, между прочим, сказались последствия экономического кризиса 1873 г., сослужившего галицийским помещикам в общем неплохую службу. Если он, с одной стороны, затруднял им доступ к заграничному кредиту, то, с другой — вызвал прилив в земледелие купеческого и ростовщического капиталов, не находивших себе гарантированного применения в других отраслях экономики. Спрос на сдаваемую в аренду землю сильно возрос, а соответственно — и арендная плата [10, t. 24,

1879, s. 75]. В Галиции получило развитие беспрецедентное в истории аграрных отношений явление — широкое распространение крупной земельной аренды в условиях крайней хозяйственной отсталости. Вследствие этого значительная доля потерь крупного землевладения возмещалась за счет неземледельческого капитала.

Если проанализировать хозяйственные мероприятия галицийских помещиков в годы кризиса, то некоторые преобразовательные усилия можно заметить только в области животноводства, в первую очередь — мясного, в развитии которого было заинтересовано и австрийское правительство, так как Галиция, где спрос на мясо вследствие невысокого жизненного уровня населения был очень ограниченным, являлась важным поставщиком мяса для промышленных центров западных провинций Австрии и самой Вены⁵.

Однако эти усилия, несмотря на их целенаправленный характер и поддержку со стороны государства, не дали ожидаемых результатов. Некритическое, не учитывавшее местных условий заимствование заграничного опыта, неумелый подбор пород скота, невнимание к вопросам селекции и пр. пагубно отразились на развитии галицийского животноводства [10, t. 67, 1904, s. 55—57]. Галицийскому сельскохозяйственному обществу, занимавшемуся распределением государственных ссуд и осуществлявшему общий надзор над проведением мероприятий в области животноводства, понадобилось 20 лет, чтобы убедиться в том, что оно завело эту важную отрасль хозяйства на ложный путь. Не вдаваясь в детали этого вопроса, укажем только на результаты: с 1900 по 1910 г. поголовье крупного рогатого скота в Галиции сократилось на 213 тыс. или на 7,6% [15, s. 52]. Конкретные данные по отдельным имениям дают основание полагать, что сокращение поголовья в помещичьем секторе было большим, чем показывают средние цифры. Так, например, в Подльвовских имениях графа Г. Потоцкого, хозяйство которого считалось одним из лучших в Восточной Галиции, количество рогатого скота за соответствующий период сократилось с 1000 до 600 голов [13, д. 131, л. 111, 141, л. 149].

Развитие полеводства в годы кризиса идет главным образом в экстенсивном направлении, т. е. по пути увеличения посевов за счет сокращения пастбищ и паров и раскорчевки леса. Каких-либо качественных изменений в этой отрасли хозяйства не произошло. Такой оценки придерживались и современники [10, t. 45, 1890, s. 108]. Обратимся к статистике.

Среднестатистические цифры урожайности показывают, что в Галиции в годы кризиса наступило некоторое снижение урожаев хлебных и увеличение урожаев фуражных культур (табл. 1).

Спрашивается, за счет какого сектора — помещичьего или крестьянского произошли изменения средних показателей? Для получения ответа на этот вопрос воспользуемся имеющимися в галицийской сельскохозяйственной статистике данными о посевах и урожаях отдельно по помещичьему и крестьянскому хозяйству за 1879—1881 и 1895 гг. в Восточной Галиции (табл. 2).

⁵ Здесь необходима небольшая справка. Как уже говорилось, винокурение в Галиции сочеталось с откормом волов на базе привозных продуктов. Это обстоятельство послужило Германии удобным поводом для устранения продукции австрийского животноводства со своего внутреннего рынка, когда почувствовалось приближение кризиса. Ссылаясь на то, что бесконтрольный ввоз скота из России в Австрию ведет к распространению эпидемических заболеваний и делает невозможной борьбу с ними, германское правительство в 1880 г. установило на австро-германской границе строгий карантин, означавший практически запрет на ввоз скота из Австрии. В расчете вернуть для австрийского животноводства германский рынок, а также в целях ограждения собственного производства от заграничной конкуренции, австрийское правительство запретило в 1882 г. ввоз скота из России и Румынии. Эта мера, выгодная для аграрных западных провинций Австрии, подрывала основы помещичьего мясного животноводства в Галиции и вызвала недовольство галицийских помещиков. Правительство обещало им поддержку и действительно выделило в распоряжение Галицийского хозяйственного общества значительные средства, при помощи которых и проводились мероприятия по перестройке животноводства в Галиции. Таким образом, и в этой акции инициатива исходила не от помещиков.

Таблица 1

Урожайность в среднем по Галиции с 1 га, в гектолитрах [6, s. 136—137; 12, s. 178—180]

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Картофель
1876—1885	12,2	10,7	12,3	14,8	99,3
1886—1895	11,5	10,2	13,3	15,2	100,0

Таблица 2

Посевы и урожаи зерновых, в гектолитрах [12, s. 211—217; 16, s. 164]

	Помещичье хозяйство				Крестьянское хозяйство			
	1879—1881		1895		1879—1881		1895	
	Посев	Урожай	Посев	Урожай	Посев	Урожай	Посев	Урожай
Пшеница	100 764	13,4	124 428	13,2	134 230	11,9	147 242	11,3
Рожь	77 798	11,7	75 076	10,0	293 769	10,2	260 084	8,4
Ячмень	62 175	13,7	64 710	16,7	201 882	11,7	166 602	14,8
Овес	99 564	17,3	105 571	20,0	333 521	14,2	320 924	15,3

Из таблицы видно, что урожай пшеницы и ржи в 1895 г. и в помещичьем и в крестьянском хозяйстве были ниже, а ячменя и овса — выше, чем в 1879—1881 гг. Среднестатистические данные свидетельствуют о застое в земледелии.

Та же картина застоя наблюдается и в области сельскохозяйственной промышленности. Всю энергию и все политическое влияние употребили галицийские помещики на то, чтобы отстоять свои позиции в винокурении. И это им в общем удалось, несмотря на крайнюю отсталость галицийской винокуренной промышленности [10, t. 67, 1904, s. 282], существовавшей только благодаря праву пропинации и системе налоговых льгот, которыми пользовалось в Австрии сельскохозяйственное винокурение. Когда в 1888 г., в связи с перепроизводством спирта, продукция, подлежащая налогообложению, была ограничена твердым лимитом, галицийские помещики сумели заполучить для себя 50% общеавстрийского лимита, а в дальнейшем и увеличить свою долю в нем⁶. Это сдерживало развитие в Галиции промышленного винокурения, а так как сверхлимитная продукция отсталых галицийских винокурен не могла конкурировать с винокурными заводами западных провинций Австрии, то в конечном итоге и производство спирта в Галиции стало сокращаться [15, s. 62].

Сахарную промышленность галицийские помещики, опасаясь увеличения стоимости рабочей силы, задавили в самом зародыше, и в последней трети XIX в. ее в Галиции практически не было⁷. Единственный на всю Галицию сахарный завод в Тлумаче влачил жалкое существование, пока в начале 1900-х годов не приостановил производство. И это в то время, когда Австрия, наряду с Россией, Германией и Францией, входила в число главных производителей сахара в Европе.

Подводя итоги сказанному, необходимо признать, что коренных изменений в системе помещичьего хозяйства Галиции в последней трети XIX в. не произошло. Развивавшееся под прикрытием ввозных пошлин и при финансовой поддержке государства помещичье хозяйство не сумело перестроиться в соответствии с требованиями времени, и на рубеже XX в., как и в середине XIX в., базировалось на экстенсивном земледелии

⁶ Из 876 тыс. гл. общеавстрийского лимита Галиция в 1910 г. получила 533 тыс. При налоговой скидке 27,5 кроны с 1 гл., стоимость «подарка», преподнесенного галицийским помещикам, определялась суммой 14 575 тыс. крон [15, s. 60].

⁷ В 1823—1845 гг. в Восточной Галиции действовало 16 сахарных заводов, в том числе очень крупный по тем временам завод в Тлумаче. К 1845 г. их осталось 10, в 1853—1870 гг. было 5, с 1881 г. — 1; в 1850—1860-х годах сахарные заводы Галиции перерабатывали почти вдвое больше свеклы, чем в 1880-х годах [6, s. 183].

и низкой технике винокурения. Такую оценку признавали верной даже исследователи, выступавшие в качестве официальных представителей крупных землевладельцев (см., например, [17])⁸.

Из этого, разумеется, не следует, что помещичье хозяйство представляло собой область сплошного застоя и инерции. Встречались в Галиции, особенно в ее западной части, и развитые хозяйства, преимущественно так называемых «добробкевичей», т. е. хозяйства капиталистические, базировавшиеся на совершенно иной экономической основе. Это — свидетельство того, что объективные условия для развития земледелия в Галиции существовали, что главная причина косности помещичьего хозяйства коренилась в его экономической природе, в его неспособности развиваться без влияния внешних побуждающих факторов.

Тот же незначительный прогресс, которого достигло помещичье хозяйство в целом, ни в какой мере не соответствовал потенциальным возможностям крупного хозяйства. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить экономические показатели помещичьего и крестьянского хозяйства по данным за 1879—1881 и 1884—1887 гг. Соотношение урожая основных культур в помещичьем хозяйстве с урожаями в крестьянском в Восточной Галиции составляло: пшеница — 122%, рожь — 114, ячмень — 120, кукуруза — 104, картофель — 127, сено — 122% [16]. Если принять во внимание, что помещики получили огромные суммы в качестве выкупа за отмененную барщину, что от пропинации они имели ежегодно более 3 млн золотых дохода, что они владели таким важным источником средств, как лес, пользовались дешевым кредитом, которого крестьянин был лишен, и учесть разницу в качестве земель, в налогообложении, крестьянское малоземелье и культурную отсталость восточно-галицкого крестьянина, то станет очевидно, что скромность достижений помещичьего хозяйства является поистине паразитической.

За последствия аграрной политики помещиков, за отсталость помещичьего хозяйства расплачивалось население Галиции. В начале 1900-х годов четвертую часть потребностей в хлебе Галиция покрывала за счет ввоза [4, s. 302—303]. Цены на продовольствие достигли таких размеров, что весной 1909 г. Польский парламентский клуб в Вене (*Koło polskie*) вынужден был поставить в парламенте вопрос о временной отмене ввозных пошлин на хлеб [10, t. 77, 1909, s. 233].

Новый поворот в развитии помещичьего хозяйства в начале 1900-х годов связан с массовой эмиграцией сельскохозяйственных рабочих из Галиции в соседние развитые страны, явившейся следствием тех же причин, которые вызвали мировой аграрный кризис, следствием дальнейшего развития противоречий капиталистического хозяйства и углубления мировых экономических связей. Однако остановимся предварительно на ситуации, сложившейся к этому времени на сельском рынке труда в Галиции, и на роли, которую играло на нем помещичье хозяйство.

По данным сельскохозяйственной переписи 1902 г. в Галиции насчитывалось 3 384 196 человек самостоятельного сельского населения. Из этого числа было занято: в качестве служащих — 3622, надсмотрщиков — 14 685, батраков — 184 034, поденщиков — 52 696 человек. Остальных перепись относила к категории собственников и членов их семей. Этот же источник показывает, что хозяйства размером свыше 100 га использовали на постоянной работе: служащих — 3410, надсмотрщиков — 10 422, батраков — 56 491, поденщиков — 17 848 [4, s. 383]. Таким образом, крупные хозяйства, занимавшие в 1902 г. 37,2% продуктивных земель Галиции, обеспечивали постоянным заработком, включая администрацию и службу надзора, всего лишь 88 171 человек или 2,7% самостоятельного сельского населения. Разумеется, эти данные не отражают полного потребления рабочей силы в помещичьем хозяйстве. Если исходить из расчета 30—40 рабочих на 100 га пахотных угодий⁹,

⁸ Ю. Рачинский являлся секретарем Краковского сельскохозяйственного общества.

⁹ Эту норму вывели галицийские экономисты и применяли ее в своих расчетах [4, s. 391—402].

то общая потребность помещичьего хозяйства в рабочей силе должна была выражаться цифрой, близкой к 400 тыс. человек. Это значит, что 80% потребностей в рабочей силе помещичье хозяйство покрывало за счет поденного найма рабочих (по данным переписи 1902 г. в Восточной Галиции хозяйства размером до 0,5 га составляли 6,5%, 0,5—1 га — 12,6, 1—2 га — 23,5% всех крестьянских хозяйств) из числа лиц, попавших по переписи в разряд собственников, т. е. из числа владельцев карликовых хозяйств, составлявших почти половину всех крестьянских хозяйств Галиции (сезонный найм сельскохозяйственных рабочих распространен не был).

Такая система обеспечения имений рабочей силой причиняла ущерб хозяйству, и помещики это отлично осознавали. Однако объективно она была единственно возможной и самой выгодной. Во-первых, внедрению договорных форм найма препятствовала свойственная экстенсивному хозяйству большая неравномерность потребностей в рабочей силе в течение года. Во-вторых, при наличии огромного избытка рабочих рук в селе¹⁰ помещики не ощущали прямой потребности в закреплении рабочей силы за своим хозяйством, и для них было нежелательным развитие форм найма, гарантирующих рабочему постоянную занятость и фиксированный заработок. И это понятно. Заработную плату постоянного рабочего нельзя было сокращать ниже того уровня, который определялся, пусть самым низким, минимумом средств к существованию. Местному поденщику можно было платить ниже этого уровня, что в свою очередь влияло на размеры всех видов заработка в сельском хозяйстве. В действительности, заработки сельскохозяйственных рабочих в Галиции были очень низкими, в 2—3 раза ниже, чем в западных провинциях Австрии или Германии [4, с. 405].

Перемены в отношении на сельском рынке труда в Галиции внесла сезонная эмиграция сельскохозяйственных рабочих. Ее масштабы означали для галицийских помещиков наступление новой и более опасной фазы конкуренции, конкуренции на мировом рынке труда, от которой невозможно было отгородиться таможенными барьерами. Сезонная эмиграция из Галиции приобрела массовый характер в начале 1900-х годов, особенно после аграрных стачек 1902 г.

Основную массу галицийских сезонных рабочих поглощало сельское хозяйство восточных провинций Германии, испытывавшее острый недостаток рабочих рук вследствие переселения местного сельского населения в города и западные районы страны. Для прусских юнкеров и грессбауэров галицийский сезонник оказался идеальным сельскохозяйственным рабочим¹¹. Он не только заменил ушедшего в город сельского пролетария, но и вытеснил более дорогого местного поденщика из малоземельных крестьян. Вследствие этого пришлый рабочий постепенно превратился из вспомогательной в основную рабочую силу крупного хозяйства Восточной Германии [18]. Труд галицийских сезонных рабочих находил применение также в немецкой промышленности и в разных отраслях хозяйства других стран Европы. Наряду с континентальной, имела место значительная сезонная эмиграция в США. Возрастая из года в год, сезонная эмиграция достигла к концу 1900-х годов средней цифры 300 тыс. человек в год. По данным пограничной полиции в 1908—1909 гг. из Галиции на сезонные работы в разные страны Европы отправились 314 404 человек [19]. Общая цифра эмигрантов в Европу и за океан в 1912 г. превысила 400 тыс. человек [15, с. 106]. При всей значительности масштабов, эмиграция не могла, разумеется, поглотить всего излишка рабочих рук в Галиции и, тем более, вызвать недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве. Но она подорвала монопольное положение помещиков на сельском рынке труда, и это имело для галицийского села очень важные социальные и экономические последствия, сказавшиеся также на развитии помещичьего хозяйства.

¹⁰ По подсчетам Ф. Буяка излишек рабочих рук в галицийском селе составлял минимум 1 200 тыс. человек [4, с. 391].

¹¹ Известное число сезонных рабочих поставляли в Германию и другие провинции Австрии; особенно много прибывало их из Польского королевства.

Эмиграция, наряду со стачками, явилась одной из основных причин повышения оплаты труда сельскохозяйственных рабочих¹². Она также резко отразилась на характере отношений между «двором» и селом, вызвав их дальнейшее обострение. Журнал «Rolnik» в 1906 г. писал: «Молодые хлопцы, уходящие „на саксы“, возвращаются дерзкими, надменными... в работе становятся неосмотрительными и ... для службы во дворе непригодными» [10, t. 72, 1906, s. 578].

Некоторые преобразования в помещичьем хозяйстве становились неизбежными: увеличение числа постоянных рабочих, расширение сезонного найма, распространение сельскохозяйственных машин. Все эти и другие перемены, наблюдавшиеся в помещичьем хозяйстве с начала 1900-х годов, современники связывали с сезонной эмиграцией рабочих [10, t. 84, 1912, s. 487].

Кроме того, эмиграция была одной из основных, если не самой важной, среди причин, вызвавших резкое ускорение темпов парцелляции помещичьей земли [21]. Значительную часть заработков сезонных эмигрантов крестьяне обращали на хозяйственные нужды и, прежде всего, на покупку земли, так как в обезедении собственным хозяйством видели единственную возможность обеспечить свое существование и освободиться от работы «во дворе», являвшейся для них реминисценцией барщины¹³.

Возрастание темпов парцелляции показывают следующие цифры (в среднем за год): 1868—1889 гг. — 4000 га, 1890—1902 — 9000, 1903—1909 гг. — 21 000 га [22, s. 5, 9—10]. О чрезвычайных размерах парцелляции помещичьей земли в эти годы свидетельствует и тот факт, что более 65% (2757 из 4282) транзакций с табулярной земельной собственностью, совершенных в Австрии в 1901—1907 гг., приходится на Галицию [22, s. 29—30].

Связь парцелляции помещичьей земли с эмиграцией сельскохозяйственных рабочих, а также экономический характер ее (парцелляции) причин, не вызывают сомнений. Исследования, предпринятые Краевым статистическим бюро, показали, что процесс парцелляции захватил, главным образом, мелкие и средние имения, размером до 500 га в Западной и до 750 га в Восточной Галиции. При этом было установлено, что число случаев полной парцелляции и процент распарцеллированной земли при частичной парцелляции возрастают от высших к низшим категориям владений [22, s. 26—27]. Это свидетельствует о том, что парцелляции в первую очередь подвергались земельные владения той категории хозяйств, для которых рентабельность являлась необходимым условием их существования и которым вследствие этого трудно было приспособиться к новым условиям существования. Об экономической природе причин парцелляции говорит тот факт, что латифундии, на которые как на пример отсталости и бесхозяйственности часто указывали сами помещики, сохранялись, а иногда даже увеличивались [4, s. 168]. Необходимо, конечно, учитывать, что в развитии парцелляции известную роль сыграли и спекулятивные мотивы, всегда проявлявшиеся в подобных процессах, тем более, что причины для их проявления были: крестьяне платили за землю цену, которую самое рентабельное хозяйство в Галиции опроцентовать не могло.

В вопросе об источниках средств, позволявших крестьянам покупать землю, между современниками не было расхождений. Все они, и наблюдатели и исследователи, считали главным источником заработка эмигрантов. Кредит выполнял при этом только посреднические функции [4, s. 431; 10, t. 80, 1910, s. 567].

Разумеется, эмиграция сельскохозяйственных рабочих не могла решить ни судьбы помещичьего землевладения, ни проблемы крестьянского безземелья. Но все же она вызвала в аграрных отношениях Галиции сдвиги, значения которых нельзя недооценивать. Она породила тенденции,

¹² Средний заработок поденщика в первой половине 1900-х годов возрос с 60 гл. до 1 кроны в летнее время и с 30 до 50 гл. — в зимнее время [20].

¹³ По приблизительным подсчетам сезонные эмигранты привозили и присылали в Галицию около 120 млн крон [10, t. 78, 1909, s. 422].

дальнейшее развитие которых могло иметь для помещичьего хозяйства более серьезные последствия. Увеличение задолженности помещичьего землевладения, связанное в значительной мере с ростом цен на землю в процессе парцелляции, и неминуемое падение этих цен в будущем могли вызвать более глубокий кризис помещичьего хозяйства¹⁴. Так как развитие этих тенденций вследствие известных причин было нарушено (мировая война и пр.), то в этой части вопроса приходится ограничиться лишь логическими умозаключениями. В целом же сезонная эмиграция сельскохозяйственных рабочих сыграла в экономическом и общественном развитии Галиции важную и прогрессивную роль. К Галиции полностью могут быть отнесены слова В. И. Ленина о том, что, поставляя эмигрантов Соединенным Штатам Америки, остальные страны Восточной и Южной Европы «... подвергаются, так сказать, насильственной выучке цивилизации» [25, т. 24, с. 90].

Пример Галиции очень поучителен. Сельское хозяйство этой австрийской провинции в последней трети XIX — начале XX в. развивалось, как и до этого времени, в условиях полного экономического и политического господства помещиков. Слабая галицийская промышленность не могла оказать влияния на развитие помещичьего хозяйства. Некоторое преобразующее воздействие на него оказывали только внешние факторы, поскольку их влияние не могло быть парализовано охранными мерами. Характеризуя положение земледельцев в условиях всестороннего развития экономических связей, В. И. Ленин писал: «Земледельцу волею неволей, под угрозой разорения, пришлось считаться со всей совокупностью общественных отношений и в его стране и в других странах, связанных мировым рынком» [25, т. 3, с. 310].

Эта всеобъемлющая взаимозависимость экономических процессов в связанных мировым рынком странах особенно явственно видна на примере Галиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brawer A. J.* Galizien wie es an Österreich kam. Leipzig—Wien, 1910, s. 86; *Rybal R.* Handel i polityka handlowa Polski w XVI st. T. I. Poznań, 1923, s. 39—40.
2. *Rutkowski J.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1953.
3. *Bujak F.* Rozwój gospodarczy Galicyi (1772—1914). Lwów, 1917.
4. *Bujak F.* Galicya. T. I. Lwów, 1908.
5. *Герасименко М.* Аграрні відносини в Галичині. Київ, 1959, с. 210, 214.
6. *Rocznik statystyki Galicyi.* T. I. Lwów, 1887.
7. *Rozprawę c. k. galicyjskiego Towarzystwa Gospodarskiego.*
8. *Lipp A.* Verkehrs und Handelsverhältnisse Galiziens. Prag, 1870, S. 9—10.
9. *Galicya wobec handlu zbożowego,* s. 2—4, 18, tabl. 6. Lwów, 1887.
10. *Rołnik.* Lwów,
11. *Hempel K.* Stosunki większej własności ziemskiej w Galicyi. Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych, T. VII, cz. II. Lwów, 1882, s. 124—125.
12. *Rocznik statystyki Galicyi.* T. V. Lwów, 1898.
13. Львовская государственная научная библиотека АН УССР. Отдел рукописей, архив Потоцких.
14. Центральный государственный исторический архив во Львове, ф. 181, оп. 1, д. д. 2268, л. 19, 22; д. 2270, л. 10, 14.
15. *Diamond H.* Położenie gospodarcze Galicyi przed wojną. Lipsk, 1915.
16. *Rocznik statystyki Galicyi.* T. II. Lwów, 1889.
17. *Raczyński J.* Die galizische Landwirtschaft der Gegenwart. — In: *Wirtschaftliche Zustände Galiziens in der Gegenwart.* Wien und Leipzig, 1913, S. 60.
18. *Sering M.* Die verteilung des Grundbesitzes und die Abwanderung vom Lande. Berlin, 1910, S. 20, 26—27.
19. *Karo L.* Emigracja i polityka emigracyjna. Poznań, 1914, s. 57.
20. *Экономист,* 1906, № 5, с. 6.
21. *Bujak F.* Wirtschaftsgeschichte Galiziens. — In: *Wirtschaftliche Zustände Galiziens in der Gegenwart.* Wien und Leipzig, 1913, S. 19.
22. *Brzeski T.* Parcelacja własności tabularnej w Galicyi. Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych. T. XXIII, zesz. II. Lwów, 1912.
23. *Podręcznik statystyki Galicji.* T. IX, zesz. I. Lwów, 1913, s. 154.
24. *Stomka J.* Pamiętniki włościanina. Kraków, 1912, s. 100.
25. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.

¹⁴ Задолженность табулярной земельной собственности с 1900 по 1910 г. возросла с 515,9 до 751,3 млн крон, т. е. в полтора раза [23]. Расчет и понятие рентабельности должны были войти и в крестьянское хозяйство. В западной, более развитой части Галиции, снижение цен на землю и замедление темпов парцелляции наблюдалось уже в конце 1900-х годов [24].

ЗОЛОТУХИН М. Ю.

РОССИЯ И БОЛГАРИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА НА БАЛКАНАХ СЕРЕДИНЫ 80-Х ГОДОВ XIX В. (сентябрь 1885 г.—апрель 1886 г.)

В результате побед русского оружия в войне с Турцией 1877—1878 гг. и подъема национально-освободительного движения на Балканском полуострове Сербия, Черногория и Румыния по Сан-Стефанскому прелиминарному договору 1878 г. получили полную независимость, а Болгария стала автономным княжеством. Но западноевропейские державы, которые не могли примириться с созданием крупных национальных государств на Балканах и значительным усилением здесь России, вынудили ее подписать Берлинский договор, резко изменивший положение в ущерб южнославянским народам. Территория Болгарии была сокращена, часть ее земель оставалась в пределах Османской империи. Северная Болгария объявлялась вассальным от султана княжеством. Южная Болгария (Восточная Румелия), получавшая автономию, возвращалась Османской империи. Решения Берлинского конгресса вызвали взрыв возмущения в Болгарии, который в дальнейшем вылился в общенародное движение за объединение страны. Вопрос об объединении был главной общенациональной задачей болгарского народа. Итогом этой борьбы явилось восстание 18 сентября 1885 г. в столице Восточной Румелии Пловдиве (Филиппополь) и провозглашение объединения Болгарского княжества с Восточной Румелией.

Сентябрьские события, подрывавшие положения Берлинского договора, привели к резкому обострению противоречий между великими державами и возникновению продолжительного международного кризиса. Между державами шла ожесточенная борьба за преобладающее влияние в Болгарии, и царское правительство приняло в этой борьбе самое активное участие.

Значение болгарского вопроса, по мере развития освободительного движения на Балканах, неуклонно возрастало, а в последней четверти XIX в. он стал главным в восточной политике России. Это определялось рядом причин: важным стратегическим положением Болгарии, граничившей с европейскими владениями Османской империи и ближе всего расположенной к черноморским проливам; многовековой дружбой и тесными связями двух братских славянских народов. Надо отметить также, что царское правительство, ранее считавшее Сербию главным центром сосредоточения славянства и опорой Петербурга, с начала 70-х годов XIX в. стало видеть в Болгарии гаранта русского влияния на Балканах. Международный кризис показал, в какой мере политика царского правительства могла обеспечить эту установку.

В свою очередь, развитие и результаты кризиса во многом определялись деятельностью самого болгарского правительства и положением внутри страны. В Болгарии постоянно велась борьба за власть и внешне-политическую ориентацию между партийными группировками.

Исследование дипломатии русского и болгарского правительств в середине 80-х годов XIX в. представляет значительный научный интерес. Это объясняется не только ролью болгарского вопроса во внешней политике России и тем местом, которое занял кризис в системе международных отношений последней четверти XIX в., но и важностью изучения связей русского и болгарского народов, выяснением того, что в историческом прошлом расширяло эти связи, а что мешало их развитию. Понимание этого способствует укреплению дружбы и союза между двумя странами в наши дни. Ни в советской, ни в болгарской марксистской историографии нет специальных работ о политике России и русско-болгарских отношениях во время кризиса, а большинством буржуазных авторов эти сюжеты представляются в искаженном виде.

В настоящей статье ставятся задачи: исследовать позицию России с момента пловдивского восстания до апреля 1886 г., т. е. в период, когда решалась проблема международного признания объединения Болгарии; проследить политику софийского кабинета и его попытки заручиться поддержкой Петербурга. Представляется важным изучить действия султанского правительства и характер русско-турецких дипломатических переговоров о путях разрешения кризиса, показать их влияние на развитие отношений между Россией и Болгарией в 1885—1886 гг.

События 18 сентября в Пловдиве своей неожиданностью потрясли европейские столицы. В правительственных кругах России они вызвали растерянность. Александр III, находившийся в сентябре 1885 г. в Фреденсбурге под Копенгагеном, получив в тот же день информацию о восстании, отметил это событие в своей записной книжке лишь 24 сентября [1, ф. 667, д. 278, л. 9 об.]. Правда, о движении болгарского народа за объединение еще задолго до пловдивского восстания было известно в Петербурге из донесений русских дипломатов в Болгарии, которые постоянно (особенно с весны 1885 г.) сообщали о народных выступлениях в пользу объединения. Авторы этих донесений уверяли, что настроения в пользу объединения не имеют широкого распространения в народе и являются исключительно делом борьбы партий за власть в Восточной Румелии [2, д. 16, л. 2, 69—70, д. 14, л. 24—25]. Генеральный консул России в Болгарском княжестве А. И. Кюндер, пользовавшийся полным доверием царя и руководства МИД, заверял, что болгарское правительство не допускает никаких акций в пользу объединения [3, 1885 г., д. 100, л. 27, 49]. В Петербурге проявляли озабоченность и выражали неодобрение этому движению, но в то же время не придавали ему серьезного значения. Все же, накануне восстания русский посол в Константинополе А. И. Нелидов, в ответ на тревожные сообщения из Пловдива, телеграфировал В. Г. Игельструму¹ о необходимости категорически заявить властям и населению Восточной Румелии, что императорский кабинет самым серьезным образом порицает всякие движения, имеющие цель изменить существующий порядок вещей в Болгарии [3, 1885 г., д. 24, л. 1]. Но телеграмма была получена с опозданием.

Утром 18 сентября в Петербург пришло известие о свержении румелийского правительства и провозглашении объединения Восточной Румелии с Болгарским княжеством. В отсутствие министра иностранных дел Н. К. Гирса² товарищ министра А. Г. Влангали писал 19 сентября царю, что Россия должна заявить о своем неодобрении болгарского движения, но вмешиваться, пока все не выяснится, не следует и «лучше всего сохранить за собой полную свободу действий, чтобы принять деятельное участие лишь тогда, когда потребуют прямые интересы России». Далее Влангали сообщал, что обсуждал этот вопрос с начальником Главного штаба Н. Н. Обручевым и разделяет его мнение о необходимости

¹ С августа 1885 г. в связи с отъездом в Россию в отпуск русского генерального консула в Восточной Румелии А. Г. Сорокина его обязанности исполнял секретарь консульства Игельстром.

² Гирс в момент пловдивского восстания находился на курорте в Мариенбаде (Австро-Венгрия). 1 октября он приехал к царю в Копенгаген; 11 октября вернулся в Петербург.

отозвать русских офицеров, служащих в Болгарском княжестве и Восточной Румелии. Александр III целиком одобрил эти предложения [4, д. 2159, л. 3—4; 5, ф. 430, д. 177, л. 34]. Соответствующие инструкции были направлены в Софию и Пловдив, а спустя некоторое время Игельстром и военный аташе при консульстве М. М. Чичагов получили указания не вступать ни в какие сношения с болгарским князем Александром Баттенбергом, который приехал в Пловдив вскоре после провозглашения объединения.

Этим русское правительство показывало свое отрицательное отношение к акту 18 сентября и лично к князю Александру, уверенное в том, что он несет основную ответственность за происшедшее³. Петербург желал избежать участия русских военных в междуусобной борьбе, которая, по его мнению, была неизбежна. Русское правительство хотело также опровергнуть версию об участии в болгарских событиях (это обвинение выдвигала против России почти вся европейская печать) и продемонстрировать свою лояльность по отношению к Турции⁴. Вместе с тем в Петербурге с большой тревогой отнеслись к мобилизации турецких войск и их сосредоточению у румелийской границы. По поручению царского правительства Нелидов решительно заявил султану Абдул Хамиду и великому визирю, что Россия не может допустить вторжения турецких войск в Восточную Румелию [3, 1885 г., д. 21, т. II, л. 49—50, 64], на что по условиям Берлинского договора Османская империя имела право⁵.

Чем же объяснялись эти действия царского правительства?

Хорошо известно, что создание единой Болгарии было главной целью русской дипломатии в Сан-Стефано и в Берлине в 1878 г. Интересны суждения по болгарскому вопросу, высказанные крупным русским политическим деятелем, военным министром Д. А. Милютинным в то время, когда в Берлине начинал свою работу международный конгресс. В своем дневнике он писал: «Какие бы ни поставлены были теперь европейскою дипломатиею ограничения в самостоятельности Южной Болгарии, какие бы тесные границы ни были ей назначены, положенное на севере Балкан зерно самостоятельного государства болгарского разовьется, притянет к себе все силы болгарской народности и рано или поздно народ болгарский объединится и составит одно самостоятельное тело» [12, с. 70]. Проблема объединения Княжества с Восточной Румелией оставалась в поле зрения петербургского кабинета и после подписания Берлинского договора. Определяя задачи русских представителей в Европейской комиссии по разработке Органического статута (конституции) Восточной Румелии, Гирс писал, что они должны помнить задачу русской политики — «объединение этой провинции с Болгарским княжеством» [13, с. 215]. Общие условия для этого были подготовлены непосредственным участием России в создании болгарской государственности — учреждение ею государственно-административного аппарата и разработка конституций Северной и Южной Болгарии. Была проведена и дипломатическая подготовка. В Петербурге добились включения в текст австро-русско-германского договора 1881 г. пункта о том, что Австро-Венгрия и Германия не будут препятствовать возможному объединению двух частей Болгарии и, если это произойдет, то союзники приложат все усилия, чтобы не допустить занятия турецкими войсками

³ На телеграмме Гояндера от 22 сентября 1885 г., где консул сообщал о возможном участии болгарского князя в происшедших событиях, Александр III оставил свою пометку: «Я был уверен в этом» [3, 1885 г., д. 100, л. 205]. Возмущение в Петербурге князем Александром усилилось еще более после того, как стало известно, что незадолго до пловдивского восстания во время пребывания Гирса в Мариенбаде князь Александр заверил русского министра, что в Болгарии все спокойно, и дал обещание ничего не предпринимать, не поставив его в известность [6, с. 89; 7, S. 187—188].

⁴ Нельзя согласиться с американским историком Ч. Елавичем, который утверждает, что отзыв русских офицеров объяснялся желанием петербургского кабинета вызвать хаос в Болгарии [8, p. 304].

⁵ Следует заметить, что многие буржуазные историки сознательно замалчивают роль России в предотвращении военной интервенции Турции в Восточную Румелию, усматривая в этом заслуги исключительно английского правительства [9, с. 94; 10, p. 145—146; 11, p. 25].

Восточной Румелии [14, с. 231—233]. И в дальнейшем русское правительство в принципе оставалось сторонником единства болгарского народа. Иного отношения к этому вопросу и быть не могло, если Россия намеревалась сохранить свое влияние в Болгарии.

Как одну из возможностей решить вопрос об объединении Болгарии царизм видел в утверждении России в районе черноморских проливов. Это высказывал Александр III вскоре после пловдивского восстания в письме к начальнику Главного штаба [15, с. 181]. Обручев, всегда проявлявший большой интерес к международной политике, полностью поддержал эту мысль. Но оба они хорошо понимали, что ставить вопрос о проливах несвоевременно, так как Россия не была готова к войне. Царь в указанном письме, анализируя болгарские события, писал, что «ссориться и вести войну с Турцией, а может быть и с Европой, — было бы непростительно и даже преступно в отношении России». Руководство МИД не выступало против плана осуществить объединение Северной и Южной Болгарии одновременно с решением вопроса о проливах и считало возможным достигнуть последнего мирным путем, заключив союз с Турцией [15, с. 183; 1, ф. 568, оп. 1, д. 97, л. 1—6]. Царское правительство опасалось также, что открытая поддержка им объединения приведет к выступлению против России западноевропейских держав, и прежде всего Англии, тем более, что с начала 80-х годов в русско-английских отношениях постоянно возрастала напряженность, вершиной которой стал афганский кризис 1885 г. Все эти соображения имели прямую связь с решением сохранить status quo на Балканском полуострове, принятом на свидании глав Союза трех императоров в Скерневицах (сентябрь 1884 г.) и в Кремле (август 1885 г.).

На позицию царского правительства в вопросе объединения во многом влиял характер отношений, сложившихся между Петербургом, с одной стороны, и болгарским правительством П. Каравелова и князем Александром — с другой. Не вдаваясь в рассмотрение русско-болгарских отношений первых семи лет существования Болгарского княжества, укажем на следующее. К 1885 г. стало очевидным, что влияние России в Болгарии вытесняется влиянием Англии и Австро-Венгрии. Болгарские политические деятели все чаще искали и находили одобрение и поддержку в столицах Европы. Вину за создавшуюся ситуацию царская дипломатия возлагала на кабинет Каравелова и особенно князя Александра, которого царь считал своим главным врагом в Болгарии. Александр Баттенберг, немец по рождению и лютеранин по вере, являлся проводником интересов Австро-Венгрии и Англии и торговавшей с Западной Европой болгарской буржуазии. Лицемерно выдавая себя за друга России, он постоянно интриговал против нее, разжигая в Болгарии антирусские настроения. Преследуя свои корыстолюбивые и властолюбивые цели, князь Александр стремился использовать объединительное движение. Поддержка Петербургом в этих условиях князя укрепила бы еще более престиж и власть последнего.

Таким образом, традиционная политика России — защита интересов болгарского народа — вступила в противоречие с нежеланием в тот момент, по ряду причин, содействовать объединению Болгарии. Это обусловило большие трудности для царского правительства в выработке линии поведения в болгарском вопросе.

Многочисленные документы неопровержимо свидетельствуют, что русская дипломатия понимала невозможность возвращения Восточной Румелии Турции. Одним из первых высказал это посол в Константинополе Нелидов. Умный и опытный дипломат, он хорошо разбирался в балканских делах и являлся сторонником энергичной восточной политики. Помимо официальных донесений в МИД, Нелидов непосредственно обращался к царю, который прислушивался к его мнению. Проявив политическую дальновидность, Нелидов 20 сентября 1885 г. телеграфировал в Петербург, что после совершившегося разъединить Северную и Южную Болгарию невозможно [3, 1885 г., д. 22, л. 509]. Более подробно он развивал ту же мысль спустя десять дней, утверждая, что настаивать

на возвращении к status quo — дело безнадежное, ибо «в объединении двух частей Болгарии был бы прогресс нашей политики на Балканском полуострове, проводившейся в течение веков, и временная неблагодарность болгар и их князя не должна изменять ее направления», — писал он. На этом донесении Александр III сделал пометку: «Много верных мыслей, но трудно еще остановиться на чем-нибудь окончательно. Вопрос слишком запутан» [3, 1885 г., д. 21, т. II, л. 120]. Несмотря на некоторые сомнения, царь и МИД в то время разделяли точку зрения Нелидова. Когда сразу после восстания в Пловдиве султан обратился с просьбой оказать давление на болгар, Нелидов, по указанию Петербурга, отклонил ее, сказав Абдул Хамиду о невозможности возвращения к прежнему положению вещей в Болгарии [3, 1885 г., д. 22, л. 496, 555]. Об этом также говорил Александр III и на приеме болгарской делегации во главе с митрополитом Климентом 3 октября 1886 г. в Фреденсбурге. Он заявил, что чувства России к болгарскому народу не изменились, мысль об объединении понятна — его желала и Россия, и теперь о разъединении речь идти не может. При этом было замечено, что русское правительство не одобряет средств, какими было осуществлено объединение, поставившее Болгарию и Россию в тяжелое международное положение. Болгарам было обещано покровительство России и обеспечение их интересов [5, ф. 430, д. 177, л. 78; 16, ф. 14, оп. 2, д. 929, л. 1]. Но вернувшись в Болгарию, митрополит Климент в узком кругу лиц свидетельствовал, что царь дважды сказал депутации: пока в Болгарии настоящее правительство, оно не может рассчитывать ни на какую поддержку со стороны России [4, д. 1280, л. 503; 17, с. 6]. Кояндер писал Гирсу, что митрополит Климент и известный политический деятель Д. Цанков запросили его, кого подразумевал царь, говоря о правительстве — кабинет Каравелова или князя, добавляя, что, если имелся в виду премьер-министр, то он может подать тотчас же в отставку. На этом донесении есть запись Александра III: «К сожалению, я тогда не успел переговорить о князе с Климентом, так как не видел его одного» [4, д. 1282, л. 60—62]. Из этого следует, что царь имел в виду прежде всего Баттенберга. Склоняясь к необходимости поддержать объединение Болгарии, царское правительство не могло допустить только одного — чтобы в стране оставался князь Александр.

Дипломатическая переписка и свидетельства лиц, близких к трону, позволяют судить о том сложном плане действий, который в сентябре 1885 г. разрабатывался при дворе [3, 1885 г., д. 21, т. II, л. 77—78, 105—107; д. 2151; л. 46; 18, д. 4, 132 об.; 1, ф. 586, оп. 1, д. 96, л. 33—38]. Царское правительство считало самым важным выиграть время и предотвратить вступление турецких войск в Восточную Румелию. Затем оно предполагало направить туда русского и турецкого комиссаров, которые нормализуют положение в Пловдиве и создадут там новую администрацию. В Петербурге полагали, что тяжелая внутренняя и внешняя обстановка заставит болгар отвернуться от князя Александра и обратиться к России; тогда удастся освободиться от князя и Каравелова, создать новое болгарское правительство и, вслед за этим, открыто признать объединение. Предполагалось также, что изменениям подвергнется буржуазно-демократическая Тырновская конституция, которая, по мнению русских правящих кругов, способствовала развитию радикализма и порождала беспорядки и кризисы в стране.

Исполнение своего плана русский МИД мыслил добиться дипломатическим путем при поддержке своих союзников — Германии и Австро-Венгрии⁶. В качестве первого шага 25 сентября Петербург обратился к державам, подписавшим Берлинский договор (исключая Турцию), с предложением созвать совещание послов в Константинополе, чтобы выработать коллективное обращение от имени Европы к Порте и софийскому правительству с целью сохранения мира.

Рассмотрим теперь политику болгарского правительства после провозглашения объединения. Деятельность кабинета Каравелова прохо-

⁶ О взаимоотношениях членов Союза трех императоров во время кризиса см. [19].

дила в напряженной внутривластной ситуации при крайне сложном внешнеполитическом положении страны. Всеобщая мобилизация и реквизиции, проводившиеся болгарским правительством в связи с провозглашением объединения, упадок производительных сил и нарушение торговых связей в результате воспного нападения Сербии на Болгарию 14 ноября 1885 г. привели в расстройство экономику страны. Существенным образом на сложившуюся обстановку влиял тот факт, что в момент, когда решался вопрос о будущем болгарского народа, правящую либеральную партию раздирали внутренние противоречия. Уже вскоре после пловдивского восстания в оппозицию к кабинету Каравелова встали организаторы объединения во главе с известным общественным деятелем и публицистом З. Стояновым, к которым примкнул глава правительства Восточной Румелии Г. Странский. Они заявляли о своей полной поддержке князя Александра и противопоставляли дружбе с Россией идею сближения с Турцией. Эта группировка развернула широкую кампанию против своих политических противников и преследовала всех, кто придерживался русофильских взглядов [3, 1885 г., д. 100, л. 230, 224, 1886 г., д. 109, л. 208, д. 92, л. 115; 20, д. 293, л. 10—11; 21, с. 547—551; 22, с. 98]. Произошел раскол и в самом софийском кабинете. В либеральной партии сложилось радикальное крыло во главе с министром юстиции В. Радославовым, к которому присоединилась группировка Стоянова. Радикалы обвиняли Каравелова в умеренном курсе, уступчивости великим державам, чрезмерном властолюбии и нежалании считаться с другими лидерами партии. Резко осуждая болгарскую политику царского правительства, они отстаивали князя Александра как символ независимости страны. Вокруг Радославова, твердо придерживавшегося австро-германской ориентации, сплачивались наиболее предприимчивые и алчные элементы болгарской буржуазии, желавшие получить полную свободу действий для своего обогащения и сотрудничества с западноевропейским капиталом [4, д. 1285, л. 147—151; 16, кол. № 28, д. А II 9776, л. I, д. А II 9775, л. 1—2; 22, с. 153—154; 23, с. 26—28; 24, с. 220, 226].

Основную оппозицию болгарскому правительству составляла довольно многочисленная группа умеренных либералов во главе с Д. Цанковым и его соратниками М. Балабановым и Т. Бурмовым. Бывший товарищ и единомышленник Каравелова Цанков, испытанный в политической борьбе, не раз менявший убеждения за свою долгую карьеру, во время международного кризиса выступал ярким русофилом. Он ратовал за нормализацию отношений с Россией и, используя недовольство царского правительства пловдивским восстанием, а позже разочарование широких масс населения соглашением с Турцией от 1 февраля 1886 г., обвинял премьер-министра в ухудшении русско-болгарских отношений и незавершенности объединения. Зная отрицательное отношение Петербурга к софийским властям, цанковисты требовали создания нового правительства, избрания другого князя и пересмотра Тырповской конституции, но считали, что инициативу в этом вопросе должна проявить Россия [4, д. 1289, л. 17—24; 20, д. 784, л. 12—14; 25, с. 377—379]. Поддерживая тесные связи с русскими дипломатическими представителями в Софии, Цанков не раз заявлял им, что в Болгарии нужно ввести временное русское управление [26, с. 10—11; 4, д. 2212, л. 5; 16, ф. 14, оп. 4, д. 3399, л. 189 об.]. В рядах оппозиции правительству оказались также члены бывшей консервативной партии, которые вместе с цанковистами выступали за необходимость сближения с Россией, но в отличие от последних были готовы поддержать князя Александра, если он помирится с царем [27, с. 590—592, 595—599, 603—607, 618—620]. Сложность положения правительства Каравелова усугублялась и тем, что князь Александр, вынужденный считаться с огромной популярностью Каравелова, внешне проявлял расположение к своему премьер-министру, а тайно интриговал против него. Князь оказывал большую материальную помощь газете радикального крыла либеральной партии «Независимость», которая нападала на кабинет Каравелова и Россию [28, с. 16—14].

Премьер-министр, он же глава либеральной партии, отражавшей

интересы широких слоев болгарского народа, вынужден был лавировать между партийными течениями для проведения своего курса, направленного на укрепление независимости Болгарии. На базе буржуазно-либеральной платформы Каравелов последовательно боролся за сохранение и развитие демократических преобразований, но радикалом и революционером, каким он представлялся правящим кругам России, Каравелов не был. Он высоко ценил узы дружбы, связывавшие болгарский и русский народы, и помощь России в освобождении Болгарии. Но, будучи горячим патриотом, Каравелов остро реагировал на вмешательство европейских держав, в том числе и самодержавной России, в дела своей родины.

Восстание в Пловдиве произошло без ведома правительства Каравелова⁷. Хорошо понимая необходимость объединения обеих частей Болгарии, Каравелов считал момент для этой акции неблагоприятным. Но после совершившегося факта, в обстановке общенародного подъема он стремился сделать все необходимое для решения общенационального дела. Желая скорейшей нормализации внутривосточной обстановки, правительство объединяло одну за другой административные и государственные службы Княжества и Восточной Румелии, спешило поставить их под непосредственное свое руководство. При этом Каравелов действовал тактично по отношению к прежней румелийской администрации. Вместе с тем в Софии понимали, что главной задачей являлось международное признание объединения. И в этом вопросе болгарское правительство проявило большую активность. В течение сентября 1885 г. князь Александр и министр иностранных дел И. Цанов несколько раз обращались к великим державам через их представителей в Софии с просьбой поддержать объединение и не допустить вторжения турецких войск, гарантируя обеспечение спокойствия и порядка в Княжестве и Восточной Румелии [32, с. 567, 571, 574, 581].

Естественно, что взоры болгар были направлены, в первую очередь, на Россию. Сразу же после восстания Александру III была послана телеграмма за подписью председателя временного правительства Восточной Румелии Странского, в которой он просил взять под защиту объединение [4, д. 2150, л. 3]. С той же целью члены софийского кабинета часто посещали Кояндера, убеждая его, что объединение не направлено против России. Народное собрание (третья сессия которого открылась 23 сентября 1885 г.) направило царю просьбу взять под свое покровительство дело объединения и, как указывалось выше, послало депутацию в Копенгаген. По инициативе Каравелова, Народное собрание просило также оставить русских офицеров для продолжения службы в Болгарии [33, с. 3—6]. Из Петербурга пришел ответ о неодобрении пловдивского восстания; отказавшись оставить русских офицеров в Болгарии, царь разрешил отсрочить отзыв лишь для военных врачей и тех, кто служил во флоте [16, ф. 43, д. II В 5298, л. 1; 4, д. 2162, л. 40, д. 2160, л. 14; 2, д. 42, л. 45]. Князь Александр, едва получив в Варне известие о восстании, телеграфировал царю, умоляя его поддержать объединение. Подобного рода телеграммы он посылал царю еще четыре раза из Пловдива в период с 21 по 23 сентября [3, 1885 г., д. 100, л. 130; 4, д. 2165, л. 17—18, 21, 25]. Все они остались без ответа. На телеграмму князя Гирсу от 30 сентября, где он отрицал свою осведомленность о подготовке восстания и участие в нем, министр отвечал лаконично и холодно [4, д. 2165, л. 44; 34, р. 107]. В Софии должны были сделать вывод, что все попытки получить поддержку царского правительства ни к чему не приведут.

Реакция петербургского кабинета на объединение была в Болгарии во многом неожиданна. Правительство Каравелова, чтобы не уронить своего престижа, старалось скрыть истинную позицию России. Так, не был опубликован ответ царя на обращение Народного собрания, а из ответа Александра III болгарской делегации в Копенгагене появилась в печати только фраза о неизменном сочувствии России к болгарскому на-

⁷ О подготовке объединения и отношении к нему софийского кабинета и князя Александра см. [29; 30; 31].

роду и объединению [20, д. 291, л. 66, 76—78]. В стране усиленно распространялась версия, что царское правительство поддерживает объединение, а противоположные этому высказывания и действия русских дипломатов и военных в Болгарии представляют собой лишь хитрый дипломатический ход Петербурга. В то же время среди части болгарской интеллигенции, благодаря публичным выступлениям Александра и отдельных правительственных чиновников, утвердилось мнение, что неодобрение царским правительством пловдивского восстания приведет к признанию объединения Европой [20, д. 783, л. 6—7, д. 291, л. 63—64; 4, д. 2165, л. 46; 3, 1885 г., д. 100, л. 230]. Все это не могло не влиять на возникновение напряженной обстановки в стране.

На кого, кроме России, могла опереться Болгария? На Германию и Австро-Венгрию, которые высказались отрицательно по отношению к объединению, надеяться было трудно. Оставались Англия и Франция⁸. 21 сентября князь Александр направил английскому премьер-министру Р. Солсбери телеграмму с просьбой признать объединение [32, с. 568]. Вслед за этим в Лондон для переговоров прибыл из Копенгагена член болгарской делегации, видный политический деятель И. Е. Гешов. Он провел в Лондоне около месяца, в течение которого неоднократно встречался с политическими руководителями Англии. В донесениях Цанову Гешов отмечал благожелательность и симпатии английского правительства и общественности к делу объединения и резкое осуждение ими воинственных настроений Сербии. О конкретных обещаниях Лондона Гешов ничего не сообщал, но по тону этих писем видно, что он был удовлетворен результатами своей миссии и надеялся на реальную поддержку Англии [39, с. 148—164]. Цанов в своих воспоминаниях утверждает, что Гешову посоветовали «войти в прямое соглашение с Портой на базе персонального соединения» [17, с. 5]. Из Лондона болгарский делегат отправился в Париж, где в ноябре 1885 г. получил частную аудиенцию у Ш. Фрейсине. Глава французского правительства также говорил о своих симпатиях к Болгарии, но посоветовал выполнить решение международной конференции, которая в то время открылась в Константинополе. Визит во Францию разочаровал и обеспокоил Гешова [39, с. 164—167; 40].

Помимо стараний добиться европейского признания объединения болгарская дипломатия в начале кризиса должна была предотвратить возможные военные выступления Турции, а также Сербии⁹. В конце сентября — первой половине октября 1885 г. в Софии готовили миссию в Белград. Доверенное лицо князя Александра должно было передать сербскому королю Милану его письмо с предложением выработать единую линию поведения и укреплять узы дружбы между двумя странами. Но эту миссию Милан не принял, и военные приготовления Сербии продолжались усиленными темпами [32, с. 595—597, 606, 609]. В несколько другом ключе развивались отношения Болгарии с Турцией. 21 сентября князь Александр в телеграмме к султану, заверяя, что объединение двух частей Болгарии произошло без враждебных намерений по отношению к Порте, просил признать объединение под сюзеренитетом Абдул Хамида. Аналогичная телеграмма была направлена Цановым в турецкий МИД [32, с. 567, 576]. Одновременно в Константинополь были посланы два румелийских представителя (С. Чомаков и И. Петров), чтобы установить связь с турецким правительством. Они имели также письма в посольства Германии и Австро-Венгрии, но ни Портой, ни послами приняты не были [3, 1885 г., д. 23, т. I, л. 152; 43, с. 237, 309; 44, S. 371]. Для установления личных контактов, по совету английских дипломатов, 6 октября князь Александр направил с письмами к султану и великому визирю своего секретаря К. Стоилова и члена бывшего временного правительства Восточной Румелии К. Калчева. Письма эти были приняты и, по донесениям Нелидова, между Портой и князем установились прямые связи. Русский посол с озабоченностью сообщал, что, по полученным сведениям, Абдул

⁸ Об отношении правительств этих стран к объединению см. [35; 30; 36; 37; 11; 38].

⁹ О реакции балканских стран на объединение Болгарии и их политике во время международного кризиса см. [41; 42; 24, с. 170—179].

Хамид склоняется к тому, чтобы признать князя Александра генерал-губернатором Восточной Румелии [3, 1885 г., д. 22, л. 345, 331; 32, с. 589]. Но в сентябре — октябре 1885 г. никакого соглашения с Турцией болгарское правительство достигнуть еще не могло, ибо султан ждал решения великих держав и не оставлял мысли добиться прежнего положения в Восточной Румелии. Однако эти миссии подготовили почву для дальнейших переговоров о выработке соглашения между Болгарией и Турцией.

Хотя вопрос о судьбе болгарского народа решался «концертом» держав и сама Болгария была отстранена от участия в переговорах, кабинет Каравелова уже в октябре 1885 г. достиг определенных успехов. Болгарское правительство ознакомило Западную Европу с положением дел внутри страны и со своим твердым намерением защищать провозглашенное объединение. Оно заручилось поддержкой Лондона и установило первые контакты с Портой.

4 октября в Константинополе для обсуждения румелийского вопроса открылось совещание послов шести великих держав — России, Германии, Австро-Венгрии, Англии, Франции и Италии. В это время стали поступать тревожные известия об усилившихся военных приготовлениях Сербии и Греции, требовавших территориальных компенсаций за объединение обеих Болгарий. Хотя на совещание послов державы пришли с разными целями и задачами, объединяющая всех заинтересованность сохранить мир на Балканах заставила их 13 октября принять декларацию, которая была направлена Порте и болгарскому правительству [3, 1885 г., д. 21, т. II, л. 131—138, д. 22, л. 387, 376 об.]. В ней высказывалось большое удовлетворение «мудростью» султана, который не прибегнул к силе, осуждалось нарушение существующих договоров и незаконное введение болгарских войск в Восточную Румелию после провозглашения объединения. Вопрос о дальнейшей судьбе обеих Болгарий в декларации был сознательно опущен, так как он не входил в задачи совещания. Ответ софийского кабинета на декларацию, данный в дипломатическо-вежливой форме, главный вопрос об отводе болгарских войск из Восточной Румелии обходился молчанием [32, с. 610—611]. Таким образом, практического значения декларация не имела.

Возможность войны на Балканах с участием европейских держав заставила царскую дипломатию пересмотреть первоначальную позицию по отношению к объединению. Новый план действий петербургского кабинета Гирс излагал в личном письме к Нелидову 14 октября 1885 г. [3, 1885 г., д. 25, л. 132]. Министр писал, что после выступлений Сербии и Греции с их территориальными притязаниями кризис принял «новый аспект». Стала очевидной невозможность признать изменения Берлинского договора по одному вопросу без нарушения других, а это ставит Европу перед «лицом ликвидации восточного вопроса в целом, что в настоящее время не соответствует интересам России». Для недопущения этого на планируемой международной конференции Россия должна добиваться восстановления status quo. Крайне желательно на конференции поставить вопрос об устранении князя Александра. Далее Гирс указывал Нелидову на необходимость тесного сближения с султаном, добиваясь, чтобы он по праву сюзерена, во имя общих интересов, отрешил князя от власти. Вслед за этим царское правительство намеревалось провести в жизнь разработанный в начале кризиса план, предусматривавший объединение Северной и Южной Болгарии.

Почва для русско-турецкого сближения была подготовлена, так как еще в феврале 1885 г. Порта предложила Петербургу заключить союз, подобно Ункяр-Искелесийскому договору 1833 г., чтобы обеспечить себе военную поддержку России против Англии в Египте¹⁰. Хотя царское правительство поддержало Турцию в египетском вопросе, но от подписания союзного договора отказалось, мотивируя это тем, что в настоящий момент «никто не угрожает ни столице, ни трону султана», а также непод-

¹⁰ Англо-турецкий кризис 1885 г. был вызван тем, что Англия отказывалась выполнять требование Турции о выводе своих войск из Египта, где они находились с 1882 г.

готовленностью России к военным действиям [3, 1885 г., д. 20, т. I, л. 96, 108—111]. Теперь, получив предписание из Петербурга, Нелидов начал секретные переговоры с султаном и его доверенным лицом. В их ходе выяснилось, что Абдул Хамид желает действовать совместно с русским правительством. Он выразил также готовность отстранить от власти князя Александра и признать генерал-губернатором нового болгарского князя, которого предложит царь. В то же время султан высказал твердое намерение вернуться к status quo. В этом он надеялся на Александра III. Однако к концу октября у Нелидова создалось впечатление, что Абдул Хамид не будет требовать отречения от власти князя Александра, несмотря на заверения доверенного лица султана о том, что последний не отказался от своего обещания [3, 1885 г., д. 22, л. 405, 287 об., д. 21, т. II, л. 122—125].

Русско-турецкие переговоры в октябре ни к чему конкретному не привели. Абдул Хамид видел, что среди держав нет единства, что Англия и Австро-Венгрия расположены в пользу князя Александра и далеки от мысли способствовать его падению. В конце октября, в связи с подписанием в Константинополе англо-турецкой конвенции относительно Египта, напряженность в отношениях между Англией и Турцией значительно сгладилась, и султан стал внимательно прислушиваться к советам лондонского кабинета. Неудаче русско-турецких переговоров способствовало и то обстоятельство, что между Портой и князем Александром установились прямые связи. В этой двойственной политике султана проявилась общая слабость Османской империи, следствием чего было решение пойти с той стороной, которая сильнее.

Русско-турецкие секретные переговоры продолжались и во время работы международной конференции в Константинополе (ноябрь 1885 г.), которая должна была решить вопрос об объединении Болгарии. Председательствовал на ней турецкий министр иностранных дел. Интересы шести великих держав представляли их послы в Османской империи. Главным содержанием конференции была борьба между русской и английской дипломатиями за позицию Порты. Кабинет Солсбери, стремясь ослабить русское влияние в Болгарии, изменил свое первоначальное отрицательное отношение к пловдивским событиям, твердо решив поддержать объединение Болгарского княжества с Восточной Румелией и добиться персональной унии для князя Александра. В то время, как Нелидов в переговорах с султаном и великим визирем настойчиво требовал, чтобы Порта проявила инициативу в вопросах восстановления status quo в Болгарии и отречения от власти князя Александра, английский посол У. Уайт усиленно склонял султана к достижению компромисса с князем Александром, утверждая, что только поддержка последнего обеспечит мирное разрешение кризиса, в чем была крайне заинтересована Турция. Уайт убеждал Абдул Хамида, что царское правительство, добившись низложения Баттенберга и возведя на болгарский престол своего ставленника, признает объединение, и султан потеряет свои права на Болгарию. Одновременно английский посол всячески затягивал работу конференции, саботируя предложения, вносимые Россией и другими державами. В итоге длительных переговоров 25 ноября все участники конференции, кроме английского представителя, подписали резолюцию, которая предусматривала: послать в Восточную Румелию турецкого комиссара в качестве временного правителя, пока там не будет восстановлено положение, существовавшее до 18 сентября; создать смешанную комиссию (из европейских и турецких представителей) для опроса населения Восточной Румелии, что послужит основой для улучшения Органического статута; после восстановления власти султана в Восточной Румелии Порта назначит туда генерал-губернатора [45, р. 368—408]. Таким образом, русская дипломатия настояла на принятии резолюции о восстановлении status quo в Болгарии, но добиться от султана, чтобы он отрешился от власти князя Александра, ей не удалось.

Во исполнение решения конференции 29 ноября султан отправил своих делегатов Лебиба эфенди и Гадбана эфенди в Пловдив с целью подготовить прибытие турецкого комиссара. В прокламации, которой были снабжены де-

легаты, говорилось о восстановлении status quo в Восточной Румелии и ее население призывалось подчиниться воле султана под угрозой ввода в нее турецких войск [46, с. 379—382]. Послы России, Германии, Австро-Венгрии и Италии дали обещание поддерживать турецких делегатов и направили своим консулам в Пловдив соответствующие указания. Французский посол всячески затягивал выполнение решения конференции, а английский — категорически от него отказался [3, 1885 г., д. 23, т. I л. 360]. Переписка болгарского премьер-министра с пловдивским префектом П. Димитровым во время нахождения там турецких делегатов (со 2 по 6 декабря), а также воспоминания самого Димитрова [46, с. 360—376; 43, с. 113—119] показывают причины краха турецкой миссии и гибкую тактику болгарской дипломатии в этих сложных и драматических для болгарского народа событиях. Префект с ведома и одобрения Каравелова отказался признать официальный характер миссии турецких делегатов (проявив к ним при этом вежливость и предупредительность), ссылаясь на отсутствие инструкций от своего правительства. Он также заявил, что не может допустить распространения прокламации султана в связи с военным временем, когда все румелийские войска сражаются с общим для Болгарии и Турции врагом. Выполнение поэтому решений конференции, утверждал префект, не только несправедливо, но и невозможно. В это время в Пловдиве и других населенных пунктах под контролем властей проходили многочисленные собрания в защиту национальных интересов. На них принимались обращения в иностранные консульства с заявлениями о невозможности возвращения к прежнему положению [27, с. 529—533, 541—542]. В такой ситуации действовать турецким представителям оказалось крайне сложно. 6 декабря консулами России, Италии, Австро-Венгрии (последний исполнял в то время обязанности и германского консула в Восточной Румелии) в Пловдиве и двумя турецкими делегатами был подписан протокол. В нем говорилось, что ввиду военного положения и отсутствия румелийских войск, всеобщего возбуждения, а также в связи с тем, что префект Пловдива не имеет инструкций правительства, распространение турецкой прокламации будет крайне опасным [46, с. 376—377]. Протокол был направлен в Константинополь, куда в тот же день выехал Леиб эфенди, а Гадбан эфенди отправился в Софию, чтобы занять место представителя Турции в Болгарском княжестве.

Невозможность проведения в жизнь решений константинопольской конференции была вызвана не только колеблющейся позицией султанского правительства и последовательными действиями Англии, но, в первую очередь, новой обстановкой, сложившейся на Балканах в результате сербо-болгарской войны. Победа болгарского народа в его борьбе за защиту независимости и целостности своей страны оказала серьезное влияние на политику европейских держав и дальнейший ход международного кризиса. Не касаясь причин нападения Сербии на Болгарию при активном содействии в этом Австро-Венгрии и хода военных действий, остановимся на отношении русского правительства к сербо-болгарской войне.

Не желая дальнейших осложнений на Балканах и войны между двумя славянскими народами, правящие круги России высказывались против назревавшего конфликта. «Если сербы приступят к военным действиям, — писал Гирс Нелидову накануне выступления Сербии, — можете заявить, что императорский кабинет неизменно стоит на почве Берлинского договора и не признает того, кто нарушит его условия» [3, 1886 г., д. 25, л. 229]. Царское правительство еще задолго до начала войны неоднократно советовало Сербии «проявлять умеренность и осторожность», ждать решения великих держав [47, р. 63, 96]. Когда же сербо-болгарская война все же началась, то петербургский кабинет, следуя своей традиционной балканской политике и учитывая симпатии русского общества к болгарскому народу, взял на себя инициативу решительно содействовать прекращению сербо-болгарской войны. Вскоре после начала военных действий Александр III обратился к правительствам Вены и Берлина с просьбой совместно направить предложения королю Милану в целях остановить

его войска, что и было осуществлено [3, 1885 г., д. 5, л. 28]. 23 ноября русские послы при великих державах получили инструкции, где указывалось на необходимость прекратить пролитие крови и заключить перемирие между двумя враждующими сторонами. Представители трех императорских кабинетов сделали в Белграде и Софии соответствующие демарши [47, р. 205—206, 218]. Французское правительство поддержало инициативу Петербурга, кабинет Солсбери под давлением русской дипломатии выразил согласие принять участие в этой акции [34, р. 139; 47, р. 107; 3, 1885 г., д. 66, т. II, л. 475]. Из-за невозможности достигнуть соглашения между воюющими сторонами была создана международная комиссия в составе военных атташе великих держав в Вене и представителя Турции. Комиссия выработала условия перемирия, которое 21 декабря 1885 г. было подписано уполномоченными Болгарии и Сербии. Русский атташе в Вене генерал-майор Н. В. Каульбарс, получив специальные инструкции из Петербурга, во время переговоров энергично защищал интересы Болгарии. Так, он отстаивал перед австрийским коллегой требования болгар, чтобы сербские войска прежде всего освободили занимаемую ими болгарскую территорию, что и было зафиксировано в условиях перемирия [4, д. 2180, л. 2—4; 3, 1885 г., д. 108, л. 262—265].

Одержанная болгарским народом победа в войне с Сербией, укрепившая внешнеполитическое положение Болгарии, а также бесплодная попытка держав решить вопрос в рамках европейского «концорта» заставили русское правительство вновь пересмотреть свое отношение к объединению. Нелидов и на этот раз первым из русских дипломатов проявил понимание политической обстановки. Еще 30 ноября 1885 г. он высказал твердое убеждение, что в сложившейся ситуации необходимо признать объединение Болгарии как совершившийся факт [3, 1885 г., д. 21, т. I, л. 152]. В декабре эта точка зрения была принята петербургским кабинетом. «Министр иностранных дел, — сообщал в Лондон в конце 1885 г. английский посол в России, — первый раз отметил в разговоре со мной, что возвращение к status quo теперь невозможно» [48, р. 244]. О признании объединения русским правительством писал Гирс послу в Берлине Павлу Шувалову 11 января 1886 г., замечая, что это официально еще не объявляется, чтобы не создать видимость покушения на права султана [3, 1885 г., д. 19, л. 202 об.]. Таким образом, в Петербурге вернулись к своей первоначальной точке зрения в болгарском вопросе. Как и раньше, Россия готова была признать свершившийся факт, только после устранения «революционного правительства» Каравелова и князя Александра. В отличие от западноевропейских держав, стоявших за персональную унию в лице князя, русская дипломатия предполагала провести «явное и полное» объединение, которое могло обеспечить нормальное развитие болгарского государства. Новое в этом плане было и то, что именно России должна была выступить с предложением признать объединение. Петербургский кабинет решил ждать благоприятного момента, когда можно будет проявить инициативу в этом направлении [3, 1885 г., д. 19, л. 364—365; 4, д. 2158, л. 9, 13].

В вопросе удаления ненавистного ему князя Александра царское правительство большие надежды продолжало возлагать на Порту. Основанием для этого послужило предложение султана, сделанное Александру III в начале декабря, заключить союзный договор, направленный против Англии. Подобная инициатива со стороны Абдул Хамида объяснялась его сильным недовольством поведением Лондона во время работы константинопольской конференции и страхом перед возросшим влиянием Англии в Болгарии. Султан серьезно подозревал английскую дипломатию в намерении создать между Россией и Турцией «большое славянское либеральное государство», которое угрожало бы его власти, о чем упорно говорили в Константинополе. Для оправдания заключения русско-турецкого союза в глазах англофильски настроенных правительственных кругов Абдул Хамид просил царя отсрочить на десять лет выплату контрибуционных платежей за издержки в войне 1877—1878 гг., давая, в свою очередь, обязательство закрыть черноморские проливы для англий-

ского флота [3, 1885 г., д. 25, л. 306, д. 23, т. I, л. 237; 49, с. 68]. Русское правительство, встретив это предложение с большим интересом, проявило готовность пойти на отсрочку турецких платежей, но потребовало от Порты реальной поддержки в болгарском вопросе. Нелидов должен был передать султану, что Россия не имеет теперь оснований выступать против объединения Болгарии, но при обязательном условии отставки нынешнего софийского кабинета и князя [3, 1885 г., д. 25, л. 319, 329, 334]. В Петербурге знали, что одновременно с русско-турецкими переговорами султан договаривается с князем Александром о признании объединения, и понимали невозможность в настоящее время требовать, как раньше, от Абдул Хамида устранения Баттенберга. Поэтому русская дипломатия желала, чтобы султан заключил с болгарским правительством такое соглашение, которое максимально принизило бы князя Александра и открыло возможность для устранения его в будущем. В Петербурге была даже обсуждена форма секретного русско-турецкого договора по образцу Союза трех императоров 1873 г., т.е. в виде подписанных монархами протоколов, которыми они бы обменялись [3, 1885 г., д. 25, л. 346, 356].

Русско-турецкие переговоры велись до середины января 1886 г. в Константинополе Нелидовым и в Петербурге турецким послом Шакир пашой, но договор подписан не был. Видимо, вопрос о союзе с Россией султан поднял, чтобы выиграть время для определения своей позиции, а также продемонстрировать перед лондонским кабинетом независимость турецкой политики. В Константинополе по-прежнему боялись одновременно и России, и Англии. Именно так это было расценено в русском МИД, где с самого начала выражали сомнения в успехе соглашения с Турцией. Подводя итог переговорам, Гирс писал Нелидову: «Дружба, которая не имеет другой базы, кроме страха, и длится, пока существует этот страх, не может иметь основой серьезное соглашение» [3, 1886 г., д. 108, л. 82].

Политика Порты определялась в известной мере и действиями софийского кабинета. Победопосное окончание войны активизировало усилия болгарской дипломатии по международному признанию объединения. Ее взоры вновь устремились на Россию. В конце 1885 г. Каравелов и князь Александр предприняли новые попытки примирения с царским правительством, чему, казалось, благоприятствовали многие факторы. Русское правительство во время сербо-болгарской войны оказало Болгарии не только дипломатическую, но и материальную помощь. Из Одессы в Рущук было направлено 30 тысяч солдатских шинелей. Петербург разрешил русским консулам в Софии и Пловдиве помогать деньгами семьям болгар, пострадавших во время войны [20, д. 291, л. 92; 4, д. 1284, л. 53, 55]. С декабря 1885 г. по апрель 1886 г. в Болгарии находилась миссия русского Красного Креста. Своей плодотворной работой ее медицинский персонал заслужил благодарность и уважение со стороны болгар [4, д. 1284, л. 67; 1, ф. 677, д. 114, л. 113—114; 50, с. 248—250]. 30 ноября 1885 г. был опубликован приказ царя по армии, где выражалось одобрение действиям болгарских войск и благодарность русским офицерам в воспитании и обучении болгарской армии. Когда после неудачи с посылкой в Пловдив турецкого комиссара военная партия в Константинополе вновь подняла вопрос о направлении турецких войск в Восточную Румелию, Нелидов решительно предупредил султана о невозможности применения силы [3, 1885 г., д. 23, т. II, л. 565, 1886 г., д. 29, л. 18]. Все это производило на болгар большое впечатление и внушало надежды на скорое примирение между русским и болгарским правительствами.

22 декабря в приказе по армии князь Александр, поздравляя войска с одержанной победой, с благодарностью признал, что болгарская армия своими успехами обязана русскому императору и образцовой деятельностью русских инструкторов [27, с. 545]. Одновременно князь направил с членом военной международной комиссии Каульбарсом письмо царю, где снова, выражая признательность за службу русских офицеров, просил разрешения приехать в Петербург для личного объяснения. Надо сказать, что за идею договориться с князем Александром выступала часть

русских правящих кругов. Очень энергично в пользу примирения с князем действовал начальник Главного штаба Обручев, исходя из желания видеть сильную прорусскую Болгарию. Для скорейшего достижения этого Обручев готов был принять верноподданические заверения князя. Открыто сочувствовали и поддерживали князя Александра русский посол в Вене А. Б. Лобанов и военный атташе Каульбарс [4, д. 2180, л. 4; 51, с. 9—11, 238, 273—277, 293]. Группировка англофилов считала несчастливым для России ненависть царя к Баттенбергу, которая мешала не только скорейшему урегулированию болгарского вопроса, но и сближению с Англией. Об этом писал поверенный в делах германского посольства в Петербурге Б. Бюлов, цитируя письмо известного дипломата Н. П. Игнатьева государственному секретарю П. П. Толстому, где развивались мысли о важности скорейшей нормализации русско-болгарских отношений [52, S. 339]. Горячими приверженцами примирения с болгарским князем выступали и некоторые члены императорской фамилии [51, с. 126, 142, 259, 260, 320]. Но Александр III, продолжавший считать Баттенберга своим главным врагом, просьбу князя отклонил, и в ответе, переданном через русское консульство в Софии, дал понять, что никаких переговоров с ним не будет [4, д. 1288, л. 7].

Серьезную попытку возобновить контакт с русским правительством кабинет Каравелова предпринял в конце 1885 г., когда в Петербург в качестве уполномоченного военного министерства был направлен майор С. Ванков, известный своими русофильскими взглядами. Из воспоминаний самого Ванкова [53, д. 303.2, л. 1—4; 54, с. 30—33] видно, что миссия имела две задачи: выяснить, что необходимо сделать, чтобы добиться расположения царского правительства; договориться о закупке вооружения для болгарской армии. Болгарский уполномоченный имел встречи с Гирсом, начальником Азиатского департамента МИД И. А. Зиновьевым и военным министром П. С. Ванновским. Ванкову прямо объяснили, что пока князь Александр в Болгарии, «Россия никаких дел с ней иметь не будет». Не удалось Ванкову добиться ничего конкретного и в отношении вооружения.

Миссия Ванкова, как и все предшествующие обращения болгарского правительства в Петербург, кончилась неудачей. Помимо решительного нежелания царя примириться с князем Александром это можно объяснить и тем обстоятельством, что в Болгарии позиции России были довольно слабыми среди большей части буржуазии. Торговый оборот между Россией и Болгарией значительно уступал обороту Болгарии с западноевропейскими странами, а русское правительство ничего не предпринимало, чтобы изменить это положение. Русские правящие круги были настроены враждебно к болгарской либеральной партии и тем более к ее радикальному крылу, а также не доверяли консерваторам. Последние не раз в прошлом обманывали надежды русского правительства, а теперь ратовали за примирение князя Александра с царем. К лидерам панковистов русская дипломатия относилась весьма сдержанно, не без основания считая, что их прорусские выступления в значительной степени связаны с использованием имени России в целях захвата власти. Из общественно-политических деятелей Болгарии в Петербурге с доверием относились к митрополиту Клименту и Т. Бурмову, которые, однако, в рассматриваемое время большим политическим весом не обладали [20, д. 92, л. 172, 627; 4, д. 1286, л. 51—54; 16, ф. 16, д. 312, л. 1].

Болгарское правительство, видя упорное нежелание петербургского кабинета оказать ему поддержку, снова начало активно искать соглашения с Турцией. Во время сербо-болгарских переговоров о заключении перемирия правительство Каравелова и князь Александр установили постоянные контакты с Константинополем, подчеркивая свое уважение к интересам Порты и желание действовать в согласии с ней. Это в значительной степени объяснялось и тем обстоятельством, что с начала 1886 г. все западноевропейские державы настойчиво заговорили о необходимости признания объединения в форме личной договоренности между Турцией и Болгарией. Императоры Германии и Австро-Венгрии писали князю

Александру доброжелательные письма, советуя ему пойти по этому пути [7, S. 249]. Особенно решительно на соглашение обе стороны подталкивала Англия, которая была очень напугана заявлениями русских дипломатов о признании объединения и тайными русско-турецкими переговорами [3, 1885 г., д. 23, т. II, л. 541, д. 23, т. I, л. 237, 1886 г., д. 29, л. 79, 169, 192, 204]. С конца декабря 1885 г. и в течение всего января 1886 г. между Софией и султанским дворцом велись переговоры о заключении двухстороннего договора. Абдул Хамид вел их через своего представителя в Болгарии Гадбана эфенди. В результате был разработан проект договора, для уточнения и подписания которого в Константинополь был направлен болгарский министр иностранных дел Цанов. 1 февраля Цанов и великий визирь подписали соглашение, которое было представлено Портой на утверждение великих держав [32, с. 717—719; 17, с. 9—15]. Договор, максимально приближенный к пунктам Берлинского трактата, предусматривал: управление Восточной Румелией, которая оставалась составной частью Османской империи, передавалось князю Александру сроком на 5 лет, по истечении которого он должен был снова (и так каждые 5 лет) утверждаться в должности генерал-губернатора султанским ферманом; мусульманские села Кырджалийской околии и в Родопских горах отходили к балканским владениям Турции; болгарский князь и султан заключали военный союз на случай нападения на одну из сторон; Болгарское княжество продолжало платить Турции за Восточную Румелию ежегодную дань; Порта и князь назначали комиссию, которая должна была в течение четырех месяцев пересмотреть Органический статут в соответствии с пожеланиями и нуждами румелиотов. Выработанное соглашение вполне устраивало западные державы.

Русское правительство, не выступая против самого соглашения между Болгарией и Турцией, отнеслось отрицательно к некоторым его пунктам. В Петербурге считали, что они могут вызвать осложнения, но решили занять выжидательную позицию, рассчитывая до утверждения этого договора обменяться мнениями с Берлином и Венной. Требования царского правительства по поводу изменения пунктов договора сподились к следующему: ликвидации статьи о военном союзе; генерал-губернатором Восточной Румелии каждые 5 лет султан назначает болгарского князя (без упоминания имени Александра Баттенберга), который утверждается великими державами; одобрение Европой пересмотренного Органического статута [20, д. 108, л. 2, 18, 36, 42]. Русские предложения, особенно по ликвидации пункта о военном союзе исходили из интересов не только России, но и Болгарии, так как были направлены на укрепление ее независимости. Это хорошо понимали в Софии. «Предлагаемые Россией изменения в нашу пользу», — писал Каравелов Цанову и давал ему указания действовать заодно с Нелидовым. И Цанов твердо придерживался этого указания [17, с. 18].

После соответствующих переговоров великие державы согласились аннулировать статью о военном союзе и выступили по этому поводу с демаршем перед Портой [47, р. 476]. Турция уступила, так как Россия на этот раз поддержала Англия. У. Гладстон, в начале февраля возглавивший английский кабинет, хотя и продолжал в болгарском вопросе политику Солсбери, но был сторонником смягчения русско-английских противоречий. Однако было бы неправильно думать, что английская дипломатия прекратила свою антирусскую деятельность в Константинополе. Английский посол Уайт оказывал давление на Цанова, чтобы он сопротивлялся русским требованиям, а когда увидел обратное, обвинил болгарского уполномоченного в бездеятельности и неспособности и добился, чтобы Цанов был отозван из Константинополя [20, д. 29, л. 60, 67, 75; 36, с. 119]. Вместе с тем Порта дала согласие на одобрение державами Органического статута. Более сложно обстояло дело со статьей о назначении генерал-губернатора. Англия и Австро-Венгрия настаивали, чтобы имя князя Александра было упомянуто в договоре (здесь их поддержала и Италия), и выступали за его бессрочное назначение генерал-губернатором [47, р. 479; 55, р. 114, 218—219]. В связи с этим новый

английский министр иностранных дел А. Розбери вступил в контакт с германским канцлером О. Бисмарком и просил последнего проинструктировать своего посла в Петербурге Г. Швейница, чтобы он вместе с английским послом Р. Морьером оказали давление на Гирса, заставив русское правительство отказаться от своей формулировки. Однако Морьер, будучи горячим сторонником англо-русского сближения и понимая, что вопрос о князе Александре имеет первостепенное значение для царской дипломатии, не выполнил этого предписания [55, р. 114, 218—219]. В Берлине и Вене, не желая обострять свои отношения с петербургским кабинетом, решили не возражать против русской позиции. Поддерживало интересы князя Александра и само султанское правительство. Абдул Хамид неоднократно через Нелидова обращался в Петербург с просьбой не препятствовать упоминанию имени князя в соглашении и отказаться от требования утверждения генерал-губернатора великими державами. Порта боялась срыва болгаро-турецкого договора, что ее крайне скомпрометировало бы и в своей стране, и в Европе. Но русское правительство решительно отстаивало свои предложения и выражало султану крайнее недовольство занятой им позицией [20, д. 29, л. 192, 269, 272, 284, 301].

15 марта собравшиеся у султана послы великих держав уполномочили русского и австрийского послов внести русские предложения в договор от 1 февраля и окончательно его отредактировать. Если кабинет Каравелова был вполне удовлетворен новой редакцией болгаро-турецкого договора, то у князя Александра она вызвала ярость. В телеграмме великому визирю он заявил о своем отказе принять выработанный акт [32, р. 788]. Видя решительность России в отстаивании своих требований и достигнув главного — признания персональной унии, западные державы приняли русские условия. В этом направлении они стали оказывать воздействие и на князя Александра, и на султана. 5 апреля 1886 г. в султанском дворце Топхане собрались на конференцию (она как бы явилась продолжением конференции, распущенной в конце ноября 1885 г.) послы шести великих держав и турецкий представитель. Ими был подписан акт, представлявший собой измененный согласно требованиям России болгаро-турецкий договор [32, с. 789—790]. Подписание Топханейского акта означало международное признание объединения двух частей Болгарии.

Политика русского правительства, сыгравшая большую роль в ходе международного кризиса, была различной в отдельных его фазах. Это определялось изменениями обстановки в Болгарии, взаимоотношениями России с Турцией и политикой западноевропейских держав. Основной задачей русской дипломатии было восстановить свое преимущественное влияние в Болгарии, утраченное в годы, предшествовавшие пловдивскому восстанию. Ее достижение царизм связывал с возведением на болгарский престол своего ставленника и созданием правительства, близкого ему по духу. Важное значение для политики петербургского кабинета во время кризиса имела позиция Турции. Русская дипломатия стремилась укреплять дружественные отношения с Портой и получить ее поддержку в вопросе отстранения от власти князя Александра. В переговорах между двумя странами возник даже вопрос о заключении союза, при помощи которого русский МИД усматривал возможность не только решить болгарский вопрос, но и проблему защиты Черноморского побережья России. Султан же искал опору против экспансионистской политики Англии на Ближнем Востоке. Но союз по ряду причин заключен не был.

Политика русского правительства в отношении Болгарии в крайне сложных и часто менявшихся условиях середины 80-х годов XIX в. была ошибочной, его попытка на константинопольской конференции возвращения к *status quo* в Восточной Румелии была обречена на неуспех. Россия не имела прочных позиций в Болгарии, что во многом обуславливалось отсутствием там опоры среди имущих и правящих слоев. В результате субъективистских представлений и намерений русской дипломатии пришлось пересматривать свои нереалистичные планы. Непоследователь-

ная позиция Петербурга стала причиной того, что инициативу в решении вопроса об объединении захватила Англия и русскому престижу в Болгарии был нанесен урон.

Говоря об ошибках царской политики и ее негативных последствиях, нельзя не отметить и другое. Несмотря на натянутость отношений между Петербургом и Софией, русское правительство не переставало интересоваться судьбой болгарского народа и оказывало ему практическую помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Централен държавен архив Октябърска революция.
2. Архив на външна политика на Русия (АВПР), ф. Дипломатическо агентство и генерално консулство в София (България), оп. 782/2.
3. АВПР, ф. Канцелария.
4. АВПР, ф. Политархив, оп. 482.
5. Централен държавен архив Военно-исторически архив.
6. *Ризов Д.* Княз Батенберг и Съединението.— Мисъл, 1895, кн. 1.
7. *Corti E. C.* Alexander von Battenberg. Sein Kampf mit Zaren und Bismarck. Wien, 1920.
8. *Jelavich Ch.* Tsarist Russia and Russian Nationalism. Russian Influence in the International Affairs of Serbia and Bulgaria, 1879 — 1886. Berkley and Los Angeles, 1958.
9. *Панайотов И.* Българска криза и Европа (1885—1889). София, 1924.
10. *Hyde A. M.* A Diplomatic History of Bulgaria 1870—1886.— University of Illinois. Studies in the Social Sciences, 1928, v. XVI.
11. *Smith C. L.* The Embassy of Sir William White at Constantinople. Oxford, 1954.
12. *Милютин Д. А.* Дневник. Т. 3. М., 1950.
13. Освобождение България от турското иго. Т. 3. М., 1967.
14. Сборник договори на Русия с други държави. 1856—1917. М., 1952.
15. Червен архив, 1931, т. 3(46).
16. Български исторически архив при Народна библиотека Кирил и Методий НРБ.
17. *Цанов И.* Из бележки ми по Съединението.— Български преглед, 1899, кн. VIII.
18. Отдел на писмените източници на Държавния исторически музей на име В. И. Ленин, ф. 224 «Князь В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий», оп. 2.
19. *Золотухин М. Ю.* Българският кризис 1885—1886 г. и крах на австро-руско-германския съюз.— Въпроси на историята, 1984, № 4.
20. АВПР, ф. Главния архив У—А₂, оп. 181.
21. *Маджаров М.* Спомена. София, 1968.
22. *Генадиев Н. И.* Мемоари. Т. I. София, 1923.
23. *Ризов Д.* Разлагающа се и възвращаща се България. София, 1894.
24. *Стателова Е.* Дипломатията на Княжество България 1879—1886. София, 1979.
25. *Икономов Т.* Мемоари. София, 1972.
26. Авантюризмът на руското царизма в България. Съставител П. Павлович. М., 1935.
27. Съединението, 1885. Сборник от документи 1878—1886 (Под ред. на Е. Стателова, Р. Попов, Д. Дойнов). София, 1985.
28. *Грънчаров С.* Политическите сили и монархическият институт в България 1886—1894. София, 1984.
29. *Дойнов Д.* Комитетите «Единство». Ролята и приносът им за Съединението 1885. София, 1985.
30. *Митев Й.* Съединението, 1885. Пловдив, 1985.
31. *Стателова Е., Пантев А.* Съединението на Княжество България и Източна Румелия 1885 година. София, 1985.
32. Външната политика на България. Документи. Т. I. София, 1978.
33. Дневници на Четвъртото Обикновено Народно Събрание (Трета извънредна сесия). София, 1886.
34. Documents diplomatiques francais (1871—1914). 1-re série, t. VI. Paris, 1934.
35. *Mitev Y.* L'attitude de la Russie et de l'Angleterre à l'égard de l'Union de la Bulgarie en 1885.— Etude Historiques. A l'occasion du XI-e congrès international des sciences historiques. Stockholm, août 1960. Sofia, 1960.
36. *Пантев А.* Англия срещу Русия на Балканите. София, 1972.
37. *Medlicott W. H.* The Powers and the Unification of the Two Bulgarias. 1885.— The English Historical Review, 1939, v. LIV, № 213, p. 1, № 214, p. 11.
38. *Дамьянов С.* Френската дипломатия и Съединението в 1885 г.— Исторически преглед, 1965, кн. 6.
39. Иван Евстратиев Гешов. Спомена и студии. София, 1928.
40. Митев Й. Дипломатическата дейност на Иван Евстратиев Гешов в Европа относно признаване на Съединението.— В сб.: Външната политика на България 1878—1944. София, 1978.
41. *Терезов В. К.* Сърбия и румелийският преворот 1885 г.— В сб.: Проблеми на всеобщата история. М., 1973.
42. *Попов Р.* Балканските държави и българската криза.— Известия на Института за история, т. 24. Проблеми на политическата история на България. София, 1978.
43. Спомена за Съединението от 1885 г. София, 1980.

44. *Gopčević S.* Bulgarien und Ostrumelien. Leipzig, 1886.
45. *Noradounghian G.* Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottomane, v. IV. Paris, 1903.
46. Архив на Възраждането. Т. II. Документи по Съединението. София, 1908.
47. *Affaires de Roumélie et de Grèce 1885—1886.* Paris, 1886.
48. Turkey. Correspondance Respecting the Affaires of Bulgaria and Eastern Roumelia, № 1. London, 1886.
49. Документи за българска история. Т. IV. Документи из турските държавни архиви (1863—1909). София, 1942.
50. *Лъвов Е.* България в период террора и анархии. Из личних воспоминаний. Т. I. Между двумя переворотамп, М., 1888.
51. *Карцов Ю. С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.
52. *Staatssekretär Graf Herbert v. Bismarck.* Aus seiner politischen Privatkorresponden. Göttingen, 1903.
53. Рукописное отделение Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 218 «С. Н. Ванков».
54. *Чакалова Л.* Симеон Ванков. София, 1973.
55. *Ratt A.* Sir Robert Morier. Envoy and Ambassador in the Age of Imperialism. 1876—1893. Oxford, 1973.

ПИСАРЕВ Ю. А.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА БАЛКАНАХ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА (90-е годы XIX в.—1918 г.)

В последнее время в мировой литературе — советской и зарубежной — все большее внимание уделяется проблеме создания и развития государственности в Юго-Восточной Европе. Издательство «Наука» в 1986 г. опубликовало книгу «Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII — 70-е годы XIX в.», подготовленную Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. В этом труде излагается история возникновения и становления национальных государств региона — Греции, Сербии, Черногории и Румынии, а также предыстория болгарского государства и тех земель Австрийской и Османской империй, где самостоятельных государств сформировано еще не было, но народы уже вели борьбу за автономию (Хорватия, Воеводина, словенские земли), а в Албании — за создание независимого от Турции государства.

Та же тема нашла отражение в статье В. Н. Виноградова «Процессы образования государств в Юго-Восточной Европе в XIX — начале XX в.» [1] и в обобщающем труде румынских ученых «Создание унитарных независимых национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе» [2], а также в двухтомном исследовании Ч. и Б. Елавичей [3]. Вышел в свет ряд работ, посвященных отдельным аспектам названной тематики. Наконец, она была предметом обсуждения на двух международных форумах — всеевропейском конгрессе историков в Майнце (ФРГ), созванном в связи со столетним юбилеем Берлинского конгресса 1878 г., и всемирном конгрессе балканистов в Анкаре в 1981 г.

Чем же объясняется повышенный интерес исследователей к этой проблематике, почему она имеет такой злободневный характер? Одна из причин этого — многогранность и научная значимость самой темы. В. И. Ленин писал, что по-существу история складывания национальных государств охватывает целый комплекс вопросов: освободительные движения народов, центральным лозунгом которых был лозунг создания суверенных государств; формирование отечественных рынков, без чего невозможно было само их существование; национальная культура, наука, просвещение, экономика и политическое устройство, т. е. все то, что объединяет в себе понятие «государственность». «Для полной победы товарного производства, — писал В. И. Ленин, — необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения» [4, т. 25, с. 258—259].

Эти положения приобрели особое значение в период империализма,

когда роль и функции национальных государств значительно возросли. Если раньше, в эпоху перехода от феодализма к капитализму, перед национальным движением стран региона стояли две основные задачи — освобождение от османского ига и создание условий для развития отечественных производительных сил, то на новом отрезке времени — в период империализма — к ним добавились задачи защиты национальных рынков и своей политической независимости от все возрастающей экономической и политической экспансии Австро-Венгрии и других империалистических хищников.

В 1898 г. в книге «Сербы и болгары» один из лидеров Сербской народной радикальной партии Милан Милованович писал: «Если балканские народы хотят иметь свои национальные государства, они должны руководствоваться тем, что будущее каждого из них непосредственно связано с будущим всех остальных, ни одно балканское государство — будь то Сербия, Болгария или Греция — не сможет сохранить свою самостоятельность, если подчинится чужеземному господству» [5]. В 1908 г., после того, как Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Милованович конкретизировал эту мысль: «Между Сербией и Австро-Венгрией примирение невозможно: либо Австро-Венгрия пересмотрит свою балканскую политику, либо Сербия подчинится ей, отказавшись от независимости и войдя в ее состав» [6]. Идентичные взгляды о роли государства в борьбе против внешней экспансии высказал в 1912 г. видный деятель Болгарского земледельческого народного союза С. Омрачевский. «Мощный союз... между всеми народами, населяющими Балканский полуостров... будет способствовать спасению полуострова и его процветанию... Только в этом союзе залог мира на Балканах и сохранения их независимости от нашествия германизма» (Цит. по: [7]).

В рассматриваемый период балканские государства вели таможенные войны, защищая свои национальные рынки: в 1886—1893 гг. — Румыния с Австро-Венгрией, в 1906 г. — Болгария с Австро-Венгрией, в том же году — Болгария с Турцией; в 1908—1909 гг. — Турция с Австро-Венгрией; в 1906—1911 — Сербия с Австро-Венгрией. В ходе этих войн Австро-Венгрия понесла значительные потери: в 1902 г. ее вывоз на Балканы составлял 123 млн крон, в 1913 г. — всего 97,5 млн крон [8]. Балканские государства, наоборот, расширили свой внешнеторговый оборот почти в пять раз [9, с. 207—228]. В те же годы страны региона отразили натиск австро-венгерского и итальянского империализма в железнодорожном вопросе. Вена и Рим пытались навязать Сербии, Болгарии и Черногории свои проекты железнодорожного строительства, предусматривавшие проложение таких линий на территории этих стран, которые привязывали бы их к австрийскому и итальянскому рынкам. Балканские государства, хотя и испытывали финансовые трудности, отклонили эти проекты, построив железные дороги за свой счет. В Сербии было проложено 521 км железнодорожного полотна, в Болгарии — 543 км, в Черногории — около 400 км [9, с. 209—210].

В начале XX в. наметилось сближение балканских стран под общим лозунгом «Балканы — балканским народам» для отпора экспансии великих держав [10]. В 1905 г. был подписан болгаро-сербский договор о таможенном союзе, который открыл широкие возможности для развития отечественной экономики обеих стран. Сербия через Болгарию получила выход к Черному морю, турецкому и русскому рынкам. Болгария, благодаря посредничеству Сербии, открыла себе путь в Центральную Европу, Греция и Румыния установили связи с обоими этими государствами.

Экономический фактор способствовал политическому сближению балканских стран. В 1912 г. Сербия, Болгария, Греция и Черногория объединились в военно-политический блок — Балканский союз [11]. «Экономически и политически необходимый союз стал союзом балканских монархий», — констатировал В. И. Ленин [4, т. 22, с. 156].

Балканский союз, хотя и представлял собой коалицию буржуазных монархий, а не объединение демократических республик, сыграл значительную роль в истории региона. Его война против Османской империи

1912—1913 гг., в результате которой произошло национальное и социальное освобождение славянского и греческого населения Европейской Турции, имела значение буржуазно-демократической революции. В. И. Ленин отметил это обстоятельство дважды — в заметке «Новая глава всемирной истории» (октябрь 1912 г.) [4, т. 22, с. 155—156] он подчеркнул национальный аспект проблемы, в статье «Социальное значение сербско-болгарских побед» (ноябрь 1912 г.) [4, т. 22, с. 186—188] — ее экономическую сторону.

В марксистской литературе уже исследовались оба эти вопроса. В настоящей работе обращается внимание на их причинно-следственную связь. Почему национальное и социальное освобождение петурецких народов на Балканах произошло в результате войны, а не революции, в чем причина того, что война эта вспыхнула сравнительно поздно — в XX в., когда западные державы не только не участвовали в ней (в отличие от России, которая оказывала активную помощь Болгарии в 1877—1878 гг.), но и прешествовали ее возникновению? Какова специфика всех этих явлений?

В названных трудах В. И. Ленина дается ключ как к объяснению этих вопросов, так и к пониманию исторических событий того времени на Балканах в целом. Прежде всего в них можно найти ответ на вопрос о причинах исторического отставания Балкан по сравнению с передовыми странами Европы. Здесь, в отличие от других государств континента, по выражению Ленина, — сохранились «могучие остатки средневековья» в экономике и политической жизни. Развитие капиталистических производительных сил на Балканах шло медленно, эволюционным, а не революционным путем, что сыграло негативную роль в трансформации производственных отношений и их надстройки — буржуазного государства.

Все балканские страны были монархиями, которые оказывали противодействие прогрессу государственного строительства. Под влиянием времени они вынуждены были осуществлять на отдельных этапах реформы государственного аппарата, вводить буржуазные конституции и разрешать деятельность парламента, но одновременно оставляли в неприкосновенности многие старые звенья государственной машины, восходящие своими корнями к эпохе феодализма. На Балканах сильнее, чем в каком-либо другом регионе Европы, ощущалась власть монарха, которую Ленин называл «абсолютистской».

Особенностью государственной жизни на Балканах было то, что в большинстве стран монархами являлись иностранцы, которым были чужды национальные интересы народа. Так, в Греции в течение полувека царствовал ставленник Англии Георгиус I, которого сменил Константинус I, находившийся в родственных связях с германским императором Вильгельмом II, в Болгарии главой государства был представитель немецкой династии Кобургов Фердинанд I; в Румынии — немец Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген; в Албании — бывший немецкий принц Вильгельм Вид.

В Черногории и Сербии у власти стояли «свои» монархи, но и они находились в большой зависимости от великих держав. Король Черногории (до 1910 г. — князь) Николай I Негош-Петрович имел династические связи с итальянским, сербским и русским монархами; в Сербии династия Обреновичей испытывала влияние Австро-Венгрии, а сменившая ее в 1903 г. династия Карагеоргиевичей — царской России.

Балканские монархи имели значительные prerогативы. Они являлись главами государств, верховными главнокомандующими вооруженных сил, от их имени подписывались законы, международные соглашения и договоры, объявлялись войны и заключался мир. Монарх мог ввести в стране чрезвычайное положение, приостановить действие конституции, распустить парламент.

В разных странах наряду с типологическими чертами монархическо-буржуазной диктатуры в государственном механизме существовали свои особенности. В Черногории, например, король сохранил значительные позиции и после принятия в 1905 г. конституции. Почти все вопросы жизни государства решались здесь двором, а нередко и семейством короля, пар-

ламент — Народная скупщина — и даже правительство играли в Черногории второстепенную роль.

В Болгарии и в Румынии парламенты, наоборот, имели значительные права, но и в этих государствах монарх осуществлял свою диктатуру. Российский посланник А. А. Савинский констатировал: «Вся политическая власть в Болгарии, особенно внешняя политика, направляется царем. Министры являются слепым орудием в его руках» [12]. В Румынии конституционные «свободы» попирались на каждом шагу. К юбилею короля Кароля I социалисты выпустили манифест под красноречивым заголовком «Сорок лет нищеты, рабства и позора» [13].

Наиболее специфическим государственным управлением было в Сербии. Здесь король «царствовал, но не управлял» — он зависел от двух противоположных сил: Народной скупщины и придворной преторианской гвардии, которые возвели на престол Петра I Карагеоргиевича — военщина путем заговора низложила старую династию Обреновичей, скупщина же приняла постановление о воцарении новой. Между парламентом и военной в Сербии велась борьба: милитаристские элементы настаивали на введении в стране военной диктатуры, парламентарии боролись за расширение своих прав. Секретарь Сербской социал-демократической партии (ССДП) Д. Тузович отмечал, что эти противоречия не выходили за рамки правящих классов. В статье «Преторианство и демократия» он писал: «Это — конфликт между офицерской кастой и правящей буржуазией, военными и гражданскими властями, между милитаризмом и парламентаризмом, конфликт между казармой и скупщиной» [14].

В Греции монархия делила власть с парламентом и правительством, а при дворе шла борьба двух влияний — английского и германского. Как и в Сербии, здесь существовала сильная военная организация — Офицерская лига, которая подталкивала государство к военным авантюрам.

В Албании монархический строй установился позже, чем в других странах: в марте 1914 г. Комиссия шести великих держав возвела на престол принца Вильгельма Вида, который был чужд албанскому народу, прозвавшему его «опереточным королем» или «королем в лайковых перчатках». Король Вид управлял государством при помощи иностранных советников и недолго удержался на престоле: в сентябре того же года, через месяц после пачала первой мировой войны, он бежал из Албании.

В буржуазной историографии в последнее время наблюдается тенденция к апологетизации монархического строя на Балканах и в Центральной Европе. Игнорируя роль национально-освободительной борьбы народных масс — главного фактора становления, развития и укрепления государственности в регионе — буржуазные историки преувеличивают деятельность монархов и других консервативных сил в «европеизации» государственного механизма стран Юго-Восточной и Центральной Европы. В таком ключе написана, например, работа западногерманского историка Х. Лемберга «Роль консервативных сил в национальном движении западных славян перед первой мировой войной» [15]. По словам автора, прогрессивные реформы в области государственного строительства на Балканах и в Центральной Европе проводились по личной инициативе монархов и высших государственных сановников, а не в результате завоеваний, достигнутых в ходе национально-освободительной борьбы.

Разновидностью этой концепции является мнение австрийских буржуазных историков сороковых годов Г. Бенедикта и Г. Србика [16] о том, что правящие круги монархии Габсбургов создавали условия для развития национальной государственности в рамках Дунайской империи. По их словам, Австро-Венгерская монархия была искомой «моделью многонационального государства», в котором все народы имели возможности самостоятельного существования. Из историков новейшего времени той же точки зрения придерживался американский исследователь Р. Канн, который утверждал, что монархия Габсбургов была не «тюрьмой народов», каковой ее считали современники, а их покровительницей [17].

В турецкой буржуазной историографии также прослеживается тенденция к апологетизации культуртрегерской и реформаторской роли Осман-

ской империи. На конгрессе балканистов в г. Анкаре многие турецкие ученые выступали с позиций идеализации деятельности султанского правительства в национальном вопросе, пытаясь доказать, что Порта представляла широкие возможности автономного и государственного строительства в негусецких районах Османской империи.

Наконец, на Западе распространяется еще одна концепция о государственном строительстве на Балканах, внешне несхожая с названными, но по существу исходящая из той же презумпции игнорирования фактора национальных движений. Согласно этой точки зрения большую помощь в создании национальных государств на Балканах и в модернизации их государственного механизма оказали Франция, Англия, Швейцария, Австро-Венгрия и другие западные державы, по примеру которых балканские монархи проводили в жизнь свои государственные реформы. На международном конгрессе историков в Майнце этот вопрос обсуждался на специальной секции под названием «Политика великих держав и проблема модернизации в Юго-Восточной Европе во второй половине XIX в.» [18]. Идентичные взгляды нашли отражение в работах американских историков А. Драгича и Ц. Бика, которые утверждали, что идеи парламентаризма в Сербии и Болгарии были заимствованы у Запада, а не возникли на национальной почве [19].

В советской и зарубежной марксистской историографии этот вопрос освещается с принципиально иных позиций [20]. Не отрицая передовых государственно-правовых идей Европы на реформаторскую деятельность монархии, ученые рассматривают историю развития национальной государственности региона в общем контексте освободительной борьбы балканских народов, главным лозунгом которой было создание национально независимых государств.

Первое десятилетие XX в. характеризовалось новым ее подъемом. Наиболее крупными событиями этого периода на Балканах были: иллинденское антиосманское восстание 1903 г., младотурецкая революция 1908 г. в Османской империи, стимулировавшая развитие центробежных движений в ряде ее национальных районов, восстания в Албании 1908, 1910, 1911 и 1912 гг. под лозунгом образования суверенного национального албанского государства и освободительная война Балканского союза 1912—1913 гг. против Турции, приведшая к отделению от нее ряда территорий со славянским и греческим населением и их воссоединению с созданными ранее национальными государствами — Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией. Результатом развития революционных процессов на Балканах явилась консолидация национальных государств. В 1908 г. Болгария объявила о ликвидации прежней системы формального подчинения государства султану, став независимой; в 1910 г. полностью самостоятельной стала Черногория; в 1912 г. об отделении от Османской империи заявила Албания.

Важным итогом освободительной борьбы балканских народов были их социально-экономические завоевания. В. И. Ленин называл эти результаты «историческими», подчеркивая, что ликвидация османского гнета открыла для стран региона перспективы ускоренного развития капиталистических производительных сил.

Таким образом, то, что было начато в XIX в., в эпоху буржуазно-демократических революций против феодализма, завершилось в ходе национально-освободительных движений первого десятилетия XX в. Решающую роль в этих событиях сыграли не консервативные силы, как утверждали буржуазные историки, а прогрессивные круги общества, в том числе социал-демократы [11].

Балканские социалисты, хотя и считали, что их главной задачей является социальная, а не национальная борьба и не реорганизации буржуазно-монархического государства, не уклонились от участия ни в национально-освободительных движениях, ни в демократизации существующего государственного строя. По словам лидера Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) Д. Благоева, решение этих задач не было «безразличным» социалистам, которые вы-

ступали как за прогрессивные реформы, обеспечивавшие расширение прав рабочего класса, так и за осуществление в интересах народных масс лозунгов национального освобождения от османского ига территорий Европейской Турции и за их воссоединение с уже сложившимися национальными государствами [21]. Орган БРСДП (т.с.) газета «Работнически вестник» четко определила позицию партии в этих вопросах. «Если мы выступаем против национализма, — писала она, — то это еще не означает, что мы против объединения и национальной независимости. Разница между ними и националистами состоит не в том, что мы против национальной независимости и национального объединения, как это утверждают апостолы национализма, а в том, что мы считаем балканскую федерацию единственно верным и возможным путем достижения национальной независимости и национального объединения балканских народов» [22]. Секретарь ССДП Д. Туцович, подобно Д. Благоеву, также последовательно отстаивал национальную программу партии, которая предусматривала право «всех народов на самоопределение» [23].

Национально-государственная концепция балканских социал-демократов была сформулирована в резолюции Первой балканской конференции, состоявшейся в Белграде в декабре 1909 г.: «Целью социал-демократических партий, — говорилось в ней, — является создание федерации балканских республик, основанной на полном равенстве вошедших в нее государств, уважении их независимости и суверенитета» [23]. После конференции идея балканской республиканской федерации была конкретизирована в ряде работ видного деятеля партии тесняков Хр. Кабакчиева и других социалистов.

Под балканской федерацией социалистами понималось объединение государств с республиканским управлением, где все народы пользовались бы равными правами и свободами, сохранили бы в неприкосновенности свой национальный язык, свою культуру и имели бы широкое местное самоуправление [24]. Государственная концепция социалистов была наиболее демократической среди национальных программ других политических партий.

С идеей балканской федерации была тесно связана проблема объединения югославян в единое и независимое государство. Социал-демократические партии проводили четкую грань между прогрессивными стремлениями народов к национальной независимости и попытками великодержавных кругов использовать эти стремления для захвата новых территорий. Наиболее отчетливо позиция социал-демократов в этом вопросе проявилась во время межсоюзнической войны 1913 г., когда ССДП и БРСДП (т.с.) выступили против братоубийственного конфликта. Еще накануне его они предупреждали, что путь военных авантур может помешать укреплению национальной государственности, ослабить балканские страны перед лицом экспансионистской политики империалистических держав. Так, в статье «Против шовинистического безумия», опубликованной в газете «Радничке новине» (орган ССДП), читаем: «Наша обязанность — пресечь шовинистическое сумасшествие (буржуазной. — Ю. П.) печати, которая с каждым днем становится все необузданней, разжигая в умах своих читателей ненависть к болгарам...» [25].

Болгарские тесняки, в свою очередь, решительно выступили против антисербской кампании буржуазии и монархии. 1 мая 1913 г. ЦК БРСДП (т.с.) опубликовало антивоенный манифест, подписанный Д. Благоевым [26]. Обе партии вместе с русскими большевиками заняли интернационалистские, антивоенные позиции и во время первой империалистической войны 1914—1918 гг., тогда как остальные организации II Интернационала скатились к оборончеству, социал-шовинизму.

В исторической литературе на эту тему написано значительное количество работ, но до сих пор недостаточно четко сформулированы причины самого этого явления: почему ССДП и партия тесняков в Болгарии оказались на более правильных, интернационалистских позициях в вопросах войны и мира, чем социалистические партии Запада. Эта безусловно важная тема требует специального освещения. В настоящей статье мы ограничимся общими выводами.

1. На Балканах и до периода империализма наблюдалось развитие передовых революционных идей, которые оказывали влияние на формирующийся пролетариат и его социалистические партии. Еще в XIX в. в Сербии и Болгарии появились видные мыслители-революционеры, призывавшие к революционному, а не реформистскому пути преобразования государственного строя. Св. Маркович в Сербии, Хр. Ботев в Болгарии, В. Целагич в Боснии были предшественниками Д. Тудовича, Д. Благоева и Г. Димитрова, которые наряду с идеями своих предшественников восприняли идеи Маркса, Энгельса и Ленина, перенесли их на балканскую почву. Балканский полуостров уже в 90-е годы XIX в. стал передовым форпостом марксизма. Здесь шире, чем на Западе, распространялись передовые труды Маркса и Энгельса. В 1893 г. Ф. Энгельс в письме болгарскому журналу «Социал-демократ» писал: «Мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое Марксом знамя современного пролетариата» [27]. С 1897 г. на Балканах стало известно имя В. И. Ленина, в начале XX в. через Болгарию, Сербию и Румынию пролегли маршруты ленинской «Искры», издававшейся в Мюнхене, а затем в Лондоне. «Влияние „Искры“ в тот период, когда последней руководил тов. Ленин,— констатировал один из деятелей БРСДП (т.с.) Г. Бакалов,— наложило на рабочее движение Болгарии неизгладимый отпечаток. Оно помогло этому движению справиться с соглашательством и, отбросив его, заложить прочные основы единственной партии революционного пролетариата Болгарии» [28]. Аналогичный вывод сделал современный югославский историк С. Димитриевич: «Появление ленинских идей в нашей социалистической печати оказало теоретическую помощь в борьбе за организационное развитие и сохранение уже созданной политической партии пролетариата» [29].

2. Влияние реформизма в балканских странах было меньшим, чем на Западе, в силу двух причин: отсутствия среди балканского пролетариата так называемой «рабочей аристократии» и сравнительно раннего преодоления в социалистическом движении оппортунизма. Здесь уже в начале XX в. произошло размежевание между революционным и реформистским течениями в социалистическом и рабочем движениях, что сыграло позитивную роль в их развитии.

3. Значительное влияние на формирование революционной идеологии СДП балканских стран оказала Россия, куда на рубеже двух веков переместился центр международного революционного движения. «Россия более не та, что была,— констатировал в 1911 г. Д. Тудович,— в настоящее время можно сказать: у дверей Европы не стоит более казачья Россия; напротив, у дверей России стоит милитаристская и империалистическая Европа и своими миллиардами спасает русский абсолютизм от полного банкротства» [30].

Балканы и Россию объединяли общие или сходные задачи. В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» писал: «Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего „востока“» [4, т. 25, с. 269].

Революционные события в России — революции 1905—1907 гг. и февральская 1917 г. — нашли широкий отклик на Балканах. Еще большее значение для стран региона имела Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., открывшая новую эру в развитии человечества. Она положила начало большевизации социал-демократических партий балканских стран. «Русская революция,— писал видный деятель ССДП Ф. Филипович,— вбила глубокий клин между левыми и правыми; ... поставила всех перед дилеммой: за или против социализма» [31].

На Балканах большую роль в прогрессивном развитии государственности сыграли Болгарский народный земледельческий союз и радикальные круги интеллигенции. Так, БЗНС, подобно социалистам-теснякам, выступал за создание на Балканском полуострове федерации государств, левое крыло этой партии выдвигало требование о радикальных изменениях конституции в сторону расширения прав народных масс, а отдель-

ные, наиболее передовые члены союза, стояли за республику. В 1913 г. во время межсоюзнической войны лидер БЗНС А. Стамболийский выступил с разоблачением захватнического характера войны, потребовав привлечь к ответственности ее инициатора — царя Фердинанда. «Подлинным виновником войны является царь, — заявил он, — по справедливости его надо было бы повесить» [32].

В Сербии с прогрессивных позиций выступала профессура Белградского университета и значительная группа радикально настроенных членов Академии наук во главе с всемирно известным ученым-географом Й. Цвиичем [33]. К ним были близки организации радикальной интеллигенции «Югославянская демократическая лига» и «Свободная Сербия». Лига стояла за создание централизованного югославянского государства, но высказывалась одновременно за предоставление в нем широких прав автономии и самоуправления всем народам и нациям [34]. Общество «Свободная Сербия» пропагандировало идеи демократизма и народовластия. Читаем: «Наш принцип — народный суверенитет и самоопределение, наши идеалы — демократия и равенство, наш лозунг — свобода и отечество» [35].

Косвенную, но позитивную роль в развитии и модернизации государственного механизма на Балканах сыграли видные деятели литературы — писатели Б. Нушич, И. Вазов, М. Садовяну, И. Андрич и многие другие, которые в своих произведениях критиковали старые, отжившие формы государственного управления и пропагандировали новые, более демократические, подталкивали правительства на путь радикальных преобразований. Сатирические вещи «Обыкновенный человек» Б. Нушича и «Искатели теплых местечек» И. Вазова, его обличительная драма «Казаларская царица», социальные романы М. Садовяну «Жители землянок» и «Подстрекатели», критические статьи И. Андрича о времени черногорского владыки Петра Негоша будировали общественность, разоблачали монархические режимы, призывали к расширению демократических свобод [36].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балканские исследования, 1984, вып. 9. с. 87—97.
2. Afirmarea statelor naționale independente unitare din central și sud-estul Europei (1821—1923). București, 1947.
3. Jelavich Ch. and B. The Establishment of the Balkan States 1804—1912. Washington, 1977.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
5. Миловановић М. Срби и Бугари. Београд, 1898.
6. Државни архив Социјалистичке републике Србије, Ф. Хартије М. Миловановића, Куверт X, № 1, с. 211—212.
7. Валев Л. Болгарский земледельческий союз и идея балканской федерации (1908—1919).— Etudes historiques, 1973, t. IV, p. 307.
8. Statistik des auswärtigen Handels der Vergangszollgebiete 1906—1914. Wien, 1914, S. 858, 869.
9. Ђорђевић Д. Србија и Балкан на почетку XX века (1903—1906).— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967.
10. Стателова Е. За българо-србските отношения в периода 1909—1912.— Исторически преглед, 1969, № 5.
11. Писарев Ю. А. Балканский союз 1912—1913 гг. и Россия. Совесток славяноведение, 1985, № 3, с. 58—69.
12. АВПР, ф. Политархив, д. 3770, л. 200.
13. Виноградов В. Н., Писарев Ю. А. 1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах.— Вопросы истории, 1976, № 6, с. 67.
14. Туцовић Д. Изабрани списи, књ. II. Београд, 1950, с. 257—260.
15. Lemberg H. Die Rolle der konservativen Kräfte in den nationalen Bewegungen der Westslawen vor dem ersten Weltkrieg.— In: Die Bömischen Länder zwischen Ost und West. München, 1983, S. 215—227.
16. Benedikt H. Monarchie der Gegensätze. Österreichs Weg durch die Neuzeit, Wien, 1947; Srbik H. Aus Oesterreichs Vergangenheit. Salzburg, 1949.
17. Kann R. The multinational Empire. New York, 1950, v. I—II.
18. Der Berliner Kongress von 1878. Die Politik der Großmächte und die Probleme der Modernisierung in Südosteuropa in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhundert. Wiesbaden, 1982.
19. Dragnich A. N. The development of parliamentary government in Serbia. New York, 1978; Beak C. The establishment of constitutional government in Bulgaria. Princeton, 1943.

20. *Манолова М.* Формирование и развитие на българския буржуазен апарат.— Годишник на Софийски университет. Юридич. факултет. LXVIII, с. 87—147; *Митев И.* Турската конституция от 1876 г. и български вопрос. (България и европейските страни 1900—1903.)— В кн.: Великите сили и балканските взаимоотношения в края на XIX и началото на XX в. София, 1981, с. 191—219; *Митев И.* Политическите сили и монархически институт в България 1886—1894. София, 1984; *Јевтић Д.* Успостављање и спровођење централистичког система управљања у Србији 1804—1888.— Анали правног факултета у Београду. 1981, № 5—6; *Стојковић С.* Уставни развитак Србије 1869—1888. Лесковац, б.г.; *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951.
21. *Благоев Д.* Съчинения. Т. 13. София, 1960, с. 284, 530.
22. Работнически вестник, 1913, 25 V.
23. Историјски архив КПЈ. Т. VI. Београд, 1950, с. 267.
24. Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите и пленумите на ЦК. 1891—1918. Т. I. София, 1957, с. 341.
25. Радничке новине, 1913, 3 V.
26. Работнически вестник, 1913, 1 V.
27. *Маркс К., Енгелс Ф.* Соч., т. 22, с. 424.
28. *Бакалов Г.* Старая «Искра» среди болгар.— Пролетарская революция, 1929, № 8—9 (91—92), с. 73.
29. *Димитријевић С.* Радован Драговић. Београд, 1951, с. 111.
30. *Туцовић Д.* Изабрани списи, књ. 1. Београд, 1949, с. 28.
31. Комунист. Београд, 1959, 16 IV.
32. Земеделско знаме, 1914, 14 VI.
33. *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији в XIX в. Београд, 1958, с. 478.
34. *Vastajić J.* Jugoslavenska demokratska liga i njeni predhodnici.— In: Zbornik pravnog fakulteta u Zagrebu, 1962, № 3—4.
35. Libre Serbie, 1918, 27 XI.
36. *Злыднев В. И.* Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв. М., 1959.

СОФРОНОВА Л. А.

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XVIII—XIX ВВ. В ТРУДАХ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Изучение культуры не сразу выделилось в самостоятельную область исследований в нашем Институте. На первых порах культура была предметом исторической науки и литературоведения, причем не первостепенным.

Историки привлекали культуроведческий материал, в основном, для того чтобы проиллюстрировать изменения, происходившие по мере развития народа, народности, нации в общественной жизни, просеивали наблюдения над историческим процессом и анализ его закономерностей непосредственно на культуру, обычно последовательно описывая отдельные ее области. В задачи исследователей не входило обнаружить их органическое единство, исследовать культуру в целом как динамическую систему, как исторический тип. Сказанное выше можно отнести к «Истории Польши», «Истории Болгарии», к историям других славянских стран [1].

Постепенно положение менялось. Перелом произошел в 60-е годы, когда в Институте началась стремительная дифференциация научных объектов. Культура из подспорья в исторических исследованиях превращалась в равноправную область изучения, осознавалась ее значимость, определялось ее место. Она перестала служить только призмой, с помощью которой велись исторические исследования.

Занимаясь историко-культурными вопросами, историки теперь расширяли краткие очерки до значительных по объему трудов, разрабатывали общие вопросы развития культуры. Их интересовали культурный процесс, культурные связи, соотношение культуры и национально-освободительного движения, национального самосознания [2]. В исторические труды историко-культурные очерки теперь входили на иных основаниях: изменилось их соотношение с исторической частью. Например, авторы, выступающие в серийном издании «Балканских исследований», выносят на обсуждение проблемы истории культуры как важнейшие составляющие исторического процесса. Их интересуют закономерности культурного развития, идеология, искусство, культурные отношения с древнейших времен до нового времени [3]. В коллективном труде «Освободительные движения народов Австрийской империи» историки исследуют культуру в связи с проблемами развития нации, национального самосознания и идеологии, «как компонент, средство и форму национально-освободительного движения» [4]; в работе «Польша на путях развития и утверждения капитализма» искусство рассматривается с социально-исторической точки зрения [5]; важное место занимает культура и в других исторических трудах [6].

В последнее время для создания историко-культурных очерков привлекаются специалисты по отдельным культурам народов Центральной

и Юго-Восточной Европы, что, естественно, является положительным начинанием.

Литературоведы, как и историки, всегда выходили и выходят за рамки историко-культурных исследований в целях воссоздания общественного, социального, культурного фона, на котором создавались художественные произведения, шла смена направлений и стилей. Эти исследователи также испытывают определенное влияние историко-культурных исследований [7].

Итак, историей культуры в первые пятнадцать лет существования Института занимались, соответственно, историки и литературоведы. Культуроведческую направленность имели уже работы В. И. Пичеты, Н. С. Державина. Свойственная трудам В. Д. Королюка, И. С. Миллера, она становится определяющей во многих работах Л. С. Кишкина, И. И. Ленцловской, А. С. Мыльникова, Б. Н. Флори, А. И. Рогова. Продолжая изыскания в области литературоведения и истории, эти специалисты участвовали и в становлении новой области исследования — истории культуры [8].

В самостоятельную сферу изучения она выделилась в 1961 г., что было подтверждено созданием группы истории культуры славянских народов, руководимой И. Ф. Балзой. На координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения 1961 г. ставились задачи комплексного изучения культуры, и группа должна была их решить. В Институте теперь изучались не только литература, но и театр, музыка, архитектура, изобразительное искусство, причем, не с узко музыковедческих, театроведческих или искусствоведческих позиций: каждый вид искусства рассматривался как часть единого целого, развивающегося вместе с поступательным ходом истории — как часть славянской культуры. По крайней мере, таковы были устремления исследователей.

Отдельные виды искусств не изолировались от общего историко-культурного процесса, его исторических закономерностей. В культуре видели важнейшую область жизни народа. Выявление ее народных истоков было существенной задачей исследователей. Эти истоки определяли самобытность, подлинное своеобразие культуры славянских народов. В этом аспекте польскую и чешскую музыкальную культуры изучал И. Ф. Балза, опираясь на собственные архивные разыскания. Он открыл многие достижения славянских музыкантов и представил их на широком историко-культурном фоне, поставил в один ряд с величайшими свершениями всей европейской культуры [9].

Большое внимание на этом этапе развития, в 60-е годы, уделялось межславянским связям и их роли и значению в развитии национальных культур [10]. В динамике взаимодействия, пронизанные идеей славянской взаимности и единства, представляли отдельные области славянской культуры. Они оказались прочно связанными общими темами и мотивами и, конечно, общественными задачами. Их объединяли общие истоки, сближали художники, работавшие не только у себя на родине, но и в других славянских странах. В лучших случаях работы по связям не сводились к прослеживанию путей проникновения отдельных художественных произведений в новую среду, к наблюдениям личных контактов культурных деятелей. Они послужили основой для создания в дальнейшем, в 70-е годы, сравнительно-типологических исследований, в частности и на материале национального самосознания [11; 12, с. 114—126].

Изучение межславянских связей не прекращается и по сей день: исследователи выявляют все новые основания для общности и сближения различных культур. В эпоху формирования наций, как показали последние работы, такой основой стало национально-освободительное движение [13]. Так углубляется и развивается на новом теоретическом уровне постоянная тема историко-культурных исследований.

Работы по межславянским связям постоянно пополняют фонд науки о культуре. Л. С. Кишкин внес значительный вклад в изучение чешско-русских культурных связей с древнейших времен до наших дней [14].

Ставились вопросы о культурных связях народов Восточной Европы отдельных эпох, например, XVI в., в области литературы, историографии, изобразительного искусства, книгопечатания. В плане взаимных контактов представлена культура в совместном труде «Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья» [15]. Историки польской культуры совместно с польскими коллегами разрабатывали проблемы польско-русских связей XVIII—XIX вв. на материале театра, изобразительного искусства, музыки, решая их в типологическом аспекте [16]. Они освещали и проблемы национального самосознания, в частности, на материале фольклористики (Л. Н. Виноградова) и национально-освободительного движения (В. А. Дьяков).

Изучение межславянских связей уже с 60-х годов дополнялось исследованием общеевропейских связей славян. Историки под руководством В. Д. Корольюка разрабатывали вопросы славяно-германских связей [17]. И. Ф. Бэлза внес значительный вклад в изучение связей славян с романской культурой. В настоящее время он ведет плодотворную научную деятельность в этом направлении, выявляя значимость славянского вклада в европейскую культуру. Оказались чрезвычайно результативными его предложения изучать не только конкретные культурные контакты, но и «этико-эстетические концепции, лежащие в основе художественного творчества и обуславливающие его направленность... приемы раскрытия образов, воплощающих эти концепции» [12, с. 104].

Взаимодействие с Западной Европой — обязательная характеристика национальной культуры славянских народов. Она учитывается в коллективном труде историков культуры, литературоведов и историков искусства «Запад и славяне», в сборнике «Данте и славяне», в выпусках «Дантовских чтений» под редакцией И. Ф. Бэлзы, в его недавно вышедшем труде о судьбах романтизма [18].

Проблемы соотношения славянской культуры с мировым культурным процессом получили теоретическое освещение и существенным образом разработаны в последнее время. Их рассматривали на международной конференции под эгидой ЮНЕСКО (Минск, 1982). Связи славянской культуры с западноевропейской были показаны на этом международном форуме как часть историко-культурного процесса. Воспринять опыт западноевропейских деятелей культуры славяне могли только имея все условия для этого восприятия. «Каждая культура воспринимала и усваивала опыт тот, к которому она внутренне, в силу своего историко-культурного развития, была подготовлена» [13, с. 144]. Роль славянской культуры в мировом культурном процессе от древних времен до наших дней, вклад славян в общий процесс культурного развития, типологические сопоставления различных культур — вот круг проблем совместной работы ученых-славистов разных стран, отраженный в недавно вышедшей книге [13].

Итак, многие темы исследования были еще в 60-е годы выбраны верно. Их научная значимость определяется и доказывается появлением все новых трудов, их развивающих. Но в целом, несмотря на значительный сдвиг в историко-культурных исследованиях по сравнению с 50-и годами, на расширение области исследования и последовательное применение принципов исторического анализа, история культуры не сразу приобрела внутреннее единство и стала цельной (этот процесс складывания идет и в настоящее время). Она все же распадалась на относительно самостоятельные участки, что приводило к замещению предмета историко-культурных исследований предметом искусствоведения или истории. Историки культуры долгое время публиковали свои работы в исторических сборниках и коллективных трудах, и не могли окончательно объединиться для разрешения собственных задач. Круг историко-культурных проблем не был очерчен достаточно четко, не были определены хронологические рамки исследования, период, на котором следовало сконцентрировать усилия немногочисленных специалистов.

Нехватало теоретической основы, разработанной методики анализа. Было очевидно, что для изучения культуры требуется интеграция раз-

личных дисциплин. Их представители должны объединиться для изучения культурных феноменов, кроме того, каждый специалист должен уметь оперировать данными других наук и применять их методику. Поиски в этом направлении велись и приносили ощутимые результаты.

В 1970 г. был создан Сектор историко-культурных проблем под руководством В. И. Злыднева; перед сотрудниками встала задача, с одной стороны, продолжить начинания группы историко-культурных исследований, и с другой — выработать теоретические основания историко-культурных исследований, привлечь обширный материал культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. На первых порах (до 1980 г.) сектор занимался и культурой эпохи социализма. Затем специалисты, разрабатывающие эту проблематику, выделились в самостоятельную группу.

С созданием Сектора историко-культурных проблем значительно расширились комплексные исследования культуры. Акад. Д. Ф. Марков предложил анализировать культуру как целостную, многоуровневую систему в историческом и структурном аспектах. Диахронный и синхронный аспекты дополнялись типологическими исследованиями и сравнительно-историческим подходом, с помощью которого выявляются скрытые особенности историко-культурного процесса, его специфические закономерности. Только так возможно с максимальной полнотой и адекватно отразить сложнейшие явления, которыми изобилует культура, добиться точности в определении ее типов, выявить их общность и национальные различия. Только так можно «увидеть различные ее типы в историческом развитии общества, их внутреннюю дифференциацию, общность и национальную специфику, проявляющиеся в многообразных формах» [19]. Комплексный подход, соответственно, требуется при изучении одной национальной культуры, культуры целого региона, при соотнесении ее с мировым культурным процессом.

Изменились географические границы историко-культурных исследований. Не только славянская культура, но и культура других народов Центральной и Юго-Восточной Европы сделалась объектом изучения в Институте, что естественным образом создало более широкую основу для сравнительно-типологических исследований. Была запроектирована специальная серия трудов «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры». Уже не одна книга из этой серии вышла в свет.

В центре внимания оказалась культура нового времени, но следует сказать, что и эпоха перехода к новому времени не исчезла из поля зрения историков культуры.

XVII — первая половина XVIII в., эпоха барокко, рассматривалась как фаза историко-культурного развития, обобщившая опыт средневековья и Ренессанса и одновременно создавшая новые культурные ценности. В эту эпоху славянские культуры включились в систему европейской культуры на новой основе, участвовали в создании культурно-исторических типов нового времени; барокко, определившее художественный облик эпохи, сказалось в идеологии, быте, во всей культуре в целом.

Отдельным предметом исследования стал театр. С точки зрения поэтики, в динамическом взаимодействии содержательных и идейных факторов на широком историко-культурном фоне он исследуется в монографии Л. А. Софроновой, выявляющей также общие принципы системы культуры Польши, России, Украины.

В ходе изучения культуры XVII — первой половины XVIII в. возникли проблемы преемственности эпох, их типологических соотношений, вопросы функции традиций. Книга «Барокко в славянских культурах» положила начало исследованию в этом направлении, но, к сожалению, за ней не последовало работ такого типа [20].

В целом Сектор историко-культурных проблем сразу был нацелен на изучение истории культуры второй половины XVIII—XIX вв. Результаты исследований сотрудников отразились в сборниках и коллективных трудах: «Культура и общество в эпоху становления наций», «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной

Европы», «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.», «Комплексные проблемы истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследования», «Славянские культуры и мировой культурный процесс» [21; 12; 22; 1; 13]. Эти книги были свидетельством и итогом работы последних пятнадцати лет. В них выкристаллизовывалось понятие культуры и ее национальных вариантов, развивались представления о соотношении и месте этих вариантов в системе мировой культуры, проводились идеи о связи историко-культурного и исторического процессов, о роли культуры в формировании национального самосознания.

Историки культуры не вели долгих споров о том, что такое культура, и как рабочее определение приняли следующее: культура есть совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеком в процессе трудовой деятельности и в практике его общественного развития [21, с. 8]. Они сконцентрировали интересы на национальной культуре, т.е. культуре эпохи складывания наций.

Определение — национальная — имеет темпоральное, а не качественное значение. Оно указывает в первую очередь на свойства культуры, связанные со временем протекания процесса, т.е. с формированием нации в эпоху перехода от феодализма к капитализму, с формированием буржуазного общества. Национальная культура характеризуется единым национальным языком, слиянием локальных школ в национальные. В это время происходит преодоление сословных различий, формируются общие задачи всей культуры, эстетические идеалы [23]. Более ранние исторические периоды культуры предлагается рассматривать как подготавливающие почву для создания национальной культуры, как ее предысторию.

Историки культуры показали связь изменений в системе культуры со сменой общественно-экономических формаций, их развитием, роль социальных отношений и форм политической жизни в организации культурных институтов. Содержание культуры, языковые процессы, развитие форм культурной жизни зависят от исторической политической ситуации [13, с. 180—183]. Исторический процесс определяет постепенную демократизацию форм культурной жизни, возникновение таких культурных центров, как города, усиление роли государства в культурной жизни, создание художественного рынка, формирование национальной творческой интеллигенции и форм посредничества между произведением и потребителем искусства, развитием прессы [12, с. 68—77].

Большое значение исследователи уделяют выявлению характеристик культуры в зависимости от этнических процессов, от формирования нации и развития национального самосознания. Культура рассматривается как форма, в которой складывалось национальное самосознание, или как его составная часть и даже организатор [12, с. 49]. «У народа, лишенного иной возможности заявлять о себе на общественном форуме, кроме как в формах культуры, именно в силу этого в формах культуры же, борьбы за национальную культуру находили свое выражение глубинные процессы формирования нации», — пишет И. А. Богданова [21, с. 63].

Важнейшей частью своей работы исследователи считают определение функций культуры и отдельных ее областей в общественной жизни в разные исторические периоды. Функциональный подход представляется продуктивным, так как он позволяет включить отдельный историко-культурный этап в динамику развития, например, выяснить, что национальное возрождение в Словакии имело функции Просвещения и Ренессанса. При таком подходе становится понятной особая роль народного творчества в сербской национальной культуре, филологии — в Чехии, литературы — в Словакии, где она взяла на себя национальные и политические задачи, которые в других случаях бывают распределены между несколькими областями культуры [21].

Указав на органическую связь культуры с национальным самосознанием, с развитием нации и историческим процессом в целом, исследователи наметили ряд обязательных признаков национальной культуры,

В. И. Злыднев считает таковыми секуляризацию, просвещение, формирование литературных языков, интерес к историческому прошлому народа и его творчеству, усиление межславянских связей [13, с. 145—146].

Совершенно справедливо указывалось на то обстоятельство, что национальные культуры в регионе развиваются неравномерно, что между ними нет хронологических соответствий, но есть соответствия стадийные, совпадает эпоха — эпоха формирования наций. Она характеризуется отсутствием национальной самостоятельности. Культура большинства народов региона в это время развивалась под инациональным гнетом, существовала благодаря широкому общественному движению, а не государственной культурной политике. У многих народов лингвистическая ситуация, как в Чехии, все еще оставалась сложной, так же как и конфессиональная, например на Балканах. Но культура приняла на себя формообразующую роль в становлении нации и складывании национального самосознания.

В. И. Злыднев и А. С. Мыльников выработали принципы периодизации истории культуры времени формирования наций, с середины XVIII в. до 70-х годов XIX в.: выделили этап Просвещения и этап утверждения и формирования концепций национальной культуры. В облике первого этапа определяющую роль играли просветительство и многие явления, типичные для Просвещения. Этот этап не выпадал и из хода истории культуры тех стран, где Просвещение в чистом виде не было. Второй этап определялся подъемом национально-освободительного движения [23, с. 10]. И. С. Миллер писал, что национально-освободительное движение не следует понимать узко. «Это борьба против национального угнетения и порабощения, за свободное развитие нации, ее языка, культуры, она сосуществует с социально-политической антифеодальной борьбой» [23, с. 30].

Эта периодизация верно отражает переход к культуре нового типа, хотя определение периодов и неоднородны. В целом они указывают на главные тенденции взаимоотношения культуры и общества с середины XVIII до 70-х годов XIX в. Эти тенденции прослеживаются на широком материале культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в большом коллективном труде, готовящемся в настоящее время к изданию. «Очерки культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы» обещают стать фундаментальным исследованием: в них будут полностью, во всем своеобразие, с учетом типологической общности, представлены оба этапа развития национальной культуры. В первый том войдут работы, посвященные национальной культуре на этапе Просвещения, во второй — работы о культуре времени развертывания национально-освободительного движения (так теперь именуется второй этап). Культура будет представлена в тесном взаимодействии идеологии, науки, художественных форм, в неразрывной связи с историей и национальным самосознанием.

Общая характеристика национальной культуры в монографических исследованиях и коллективных трудах приобретала конкретные очертания. В них на первый план выдвигалась не столько художественная природа, сколько общественная функция явлений культуры. Ю. И. Ритчик, постулируя задачи изучения чешского театра, предполагает его вести не в плане «конкретной художественно-эстетической практики», а «общей, многосторонней борьбы чешского общества за национальное самоутверждение» [21, с. 36]. Именно это направление предпочли исследователи театра Центральной и Юго-Восточной Европы [24]. Общественная функция театра, его место в системе культуры интересуют их прежде всего. Театр они рассматривают как часть городской культуры, прослеживая движение от любительской сцены к профессиональной, как средство распространения просветительской программы. В театре выражалось и отражалось самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы, он был трибуной общественного мнения. Национально-освободительное движение и театр — важная проблема ряда глав этой книги, которая представляет собой удачную попытку создать картину типологической общности театра Центральной и Юго-Восточной Европы.

Проблемам взаимодействия театра и общества посвящена и монография Л. Н. Титовой [25], которая рассматривает связь профессионального театра с любительской и народной сценой, сплав театральных форм с музыкальными, воспитательную функцию чешского театра, его значение в национально-освободительном движении. Она выявляет способы, какими деятели театра откликались на запросы общества: чешский театр всегда свободно использовал язык народного искусства, потому так легко привлекал к себе различные слои публики. Театр, вокруг которого собирались лучшие силы общества, показан и как часть системы культуры. Вместе с его развитием и утверждением активизируется критика. Извлечения он превращается в центр борьбы за формирование национального языка. Национальный репертуар завоевывает свои права и становится важнейшим проявлением самосознания народа. Театральная культура оказывается одной из реализаций права чешского народа и его культуры на самостоятельность.

Польский профессиональный театр эпохи Просвещения Л. А. Софронова представляет как естественное продолжение театральных традиций, как один из вариантов просветительской системы ценностей в ее конкретной реализации [26]. Эта система обогащена национальными элементами, что доказывается анализом репертуара Национального театра, его стиля и жанров, а также постоянных семантических категорий, на которых строилось содержание просветительских пьес. В триаде: автор — произведение — читатель (зритель) исследователь изучает срединное звено, и все свои предположения и выводы относительно взаимодействия культуры и общества сверяет и соотносит с текстами пьес.

И. И. Свирида на материале изобразительных искусств в этой триаде подробно разбирает крайние ее члены: взаимодействие искусства и общества через взаимодействие художника и заказчика [27]. Справедливо считая, что в круг изучения вопросов национальной культуры входит и вопрос об условиях, «в которых создается и существует произведение национального искусства, в которых оно находит путь к своему адресату» [21, с. 9], она обращается к тем процессам в области художественной жизни, которые и создавали ее национальный характер. В книге представлены художник, его путь в профессиональное искусство, и заказчик, частный и государственный, их взаимодействие. Прослеживаются пути проникновения художественных произведений в общество (коллекционирование, выставки, галереи). Эта работа представляет реальные измерения польской художественной жизни.

Изобразительному искусству посвящена также монография Л. С. Кишкина о М. Алеше, где интересно показано взаимодействие профессионального и народного искусства, живописи и литературы, а также работа П. А. Прокофьевой о К. Пуркине, художнике и общественном деятеле, портрет которого дан на фоне чешской культуры середины XIX в. [28]. Давно изучает болгарское изобразительное искусство Е. П. Львова, автор «Очерков развития болгарского искусства», книги «Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения» [29], в которой выявляется специфика болгарского искусства XVIII — XIX вв., его связь с древними художественными формами, прослеживается становление новых видов искусства и изменение старых. Огромное внимание уделяет автор связям болгарских художников с Россией XIX в., роли изобразительного искусства в национально-освободительном движении. Интересует Е. П. Львову и изобразительное искусство всего балканского региона [30]. Исходя из того, что «формирующиеся художественные школы нового времени имеют во многом близкие исторические судьбы, определившие особенности их развития в эпоху становления капиталистических отношений и формирования наций» [30], она указывает на типологические особенности формирования искусства Румынии, Сербии, Болгарии, на сходство условий их бытования.

Театр, изобразительное искусство, музыка прежде всего исследовались в Институте в историко-культурном плане. Кроме того, историко-культурный подход был применен и к книге [31], которая фиксирует и отражает

все изменения в общественной жизни. А. С. Мыльников показал книгопечатание, бытование книги в различных историко-культурных аспектах. Он проследил их изменения в связи с развитием национального самосознания, с возрастанием патриотической настроенности чешского общества.

М. Н. Кузьмин поставил важные культурологические проблемы на материале еще одной значительной области культуры: школы и образования Чехии и Словакии эпохи национального возрождения [32]. К сожалению, пока эта работа остается единственным начинанием. Аналогичные процессы у других народов в области образования и просвещения пока рассмотрены не были.

Историки культуры, как следует из этого краткого обзора, занимаются преимущественно одной областью культуры. Пока только А. С. Мыльников сделал довольно удачную попытку расширить сферу историко-культурных исследований и дать полную картину эпохи Просвещения в Чешских землях [33]. Он привлекает и литературу, и архитектуру, и живопись, и музыку, и общественную мысль. Отдельные произведения он рассматривает не как явления того или иного стиля, а как слагаемые историко-культурного процесса, процесса складывания национального самосознания. Аналогично он подходит и к культуре национального возрождения [34].

Для исследования культуры важным представляется не только описать ее факты и связать их воедино, но и определить концепцию культуры в целом. Цели, которые ставили перед собой деятели культуры, составляют такую же важную часть истории культуры, как и их реализация. Не только теоретические построения, но и результаты отношения деятелей культуры к современному им искусству, сказавшиеся в критике, в создании общественного мнения, свидетельствуют о характере концепции культуры. Важным представляется и материал, в котором эти концепции выражаются, нормативные ли это поэтики, декларации, манифесты. Все говорит о глубинных процессах внутри культуры, о ее осознании обществом. Участники коллективного труда «Концепции художественной культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы» [35] огромное внимание уделяют как самим концепциям, так и их реализации. Они выявили специфические явления отдельных культур, их общие черты, проследили соотношение с историческим процессом и формированием национального самосознания.

Историки культуры с целью расширения круга проблем, углубления исследования, во время которого вскрываются все новые и новые пласты истории культуры, постоянно сотрудничают и с литературоведами, и с лингвистами, и с историками. Их работы получают высокую оценку как в отечественной науке, так и за рубежом.

Большое значение для популяризации их достижений имеет бюллетень МАИРСК, в подготовке которого участвуют многие члены Сектора историко-культурных проблем. Этот бюллетень является своеобразным научным дневником нашей и зарубежной слаистики.

Историко-культурные исследования продолжают. Они идут параллельно с исследованиями лингвистов, этнолингвистов, историков и литературоведов. На стыке этих наук, который намечается все более явно, возможны новые интересные результаты, достижение более высокого теоретического уровня, получение результатов, которые обогатят все области славяноведения и балканистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комплексные проблемы истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследования. М., 1979.
2. Польское освободительное движение XIX—XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966.
3. Балканские исследования. М., 1976; 1980; 1982; 1984.
4. Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980—1981.
5. Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1981.
6. История и культура Болгарии. М., 1981.

7. История польской литературы. Т. I—II. М., 1964—1968; Очерки развития чешской литературы. М., 1963; Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973; Просвещение. Эпоха национального Возрождения. М., 1982; Развитие литературы в эпоху формирования наций. М., 1983.
8. *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV—XVI в. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития.) М., 1961; Славяне в эпоху феодализма. М., 1978; *Державин Н. С.* История Болгарии. Т. 1—4. М., 1945; *Державин Н. С.* Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., 1946; *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романы в эпоху раннего средневековья. М., 1985; Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. Т. I—III. М., 1956—1958. Ред. и сост. И. С. Миллер, И. С. Нарский; *Лециловская И. И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1969; *Мьяльников А. С.* Иозеф Юнгман и его время. М., 1973; *Рогов А. И.* Русско-польские связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966; *Флора Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. М., 1984; *Кишкин Л. С.* Сватошлук Чех. Очерк жизни и творчества (1846—1908). М., 1959.
9. *Бэлза И. Ф.* История польской музыкальной культуры. Т. I—II. М., 1954—1972; *Бэлза И. Ф.* История чешской музыкальной культуры. Т. I—II. М., 1958—1973; *Бэлза И. Ф.* Шопен. М., 1960; *Бэлза И. Ф.* Забытые польские музыканты. М. К. Огинский, К. Курпийский, Ю. Зарембский. М., 1963.
10. Межславянские культурные связи. М., 1971.
11. *Лециловская И. И.* Идеологические аспекты национального Возрождения южнославянских народов в Австрийской империи. Доклад на III Международном съезде по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974.
12. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
13. Славянские культуры и мировой культурный процесс. М., 1985.
14. *Кишкин Л. С.* Чешско-русские литературные и исторические контакты. М., 1983.
15. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976; Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1980.
16. *Kultura polska i jej związki z kulturą rosyjską, XVII—XIX w.* Warszawa, 1984.
17. Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
18. Запад и славяне. М., 1975; Данте и славяне. М., 1965; Дантовские чтения. М., 1979; М., 1982 и др.; *Бэлза И. Ф.* Исторические судьбы романтизма и музыка. М., 1985.
19. *Марков Д. Ф.* Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М., 1983, с. 62.
20. Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979; *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. Польша, Украина, Россия. М., 1984; Барокко в славянских культурах. М., 1982.
21. Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974.
22. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978.
23. *Свирида И. И.* К характеристике понятия «национальная художественная культура». — Советское славяноведение, 1974, № 5.
24. Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1976.
25. *Титова Л. Н.* Чешский театр эпохи национального возрождения. М., 1980.
26. *Софронова Л. А.* Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985.
27. *Свирида И. И.* Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в. М., 1978.
28. *Кишкин Л. С.* Микулаш Алеш и чешская культура. М., 1979; *Прокофьева Н. А.* Творчество К. Пуркине и чешская живопись середины XIX в. М., 1980.
29. *Львова Е. П.* Искусство Болгарии. Очерки. М., 1974; *Львова Е. П.* Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального возрождения. М., 1975.
30. *Львова Е. П.* О некоторых типологических тенденциях изобразительного искусства конца XVIII — первой половины XIX в. Бухарест, 1974, с. 2.
31. *Мьяльников А. С.* Чешская книга. Очерки истории (Книга. Культура. Общество). М., 1971.
32. *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XIX в.). М., 1971.
33. *Мьяльников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
34. *Мьяльников А. С.* Культура чешского возрождения. М., 1982.
35. Концепция художественной культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985.

ЕДЛИНСКАЯ А. Н.

ТВОРЧЕСТВО ДРАГОСЛАВА МИХАИЛОВИЧА И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СЕРБСКОЙ ПРОЗЫ КОНЦА 60-Х И 70-Е ГОДЫ

Известность пришла к Драгославу Михайловичу сразу после выхода в свет первого сборника рассказов «Спокойной ночи, Фред» (1967). Произведения, публикуемые ранее поодиночке, казалось, не обратили на себя особого внимания, собранные же воедино, они убедительно показали новаторство и неповторимую индивидуальность творческой манеры писателя. Книга была отмечена ежегодной Октябрьской литературной премией в 1968 г. Критики и литературоведы в многочисленных откликах единодушно приветствовали приход в сербскую прозу нового мастера со своим видением мира и оригинальным стилем. Вместе с тем, уже первое серьезное выступление Михайловича свидетельствовало о том, что основное направление его художественных поисков находится в русле новых общих идей и тенденций, которые уже в середине 60-х годов формировались в литературе Сербии. В это время наблюдались существенные перемены в тематике произведений, выборе героя, языке и стиле повествования. Они проявились и в произведениях некоторых писателей «старшего поколения», — например А. Исаковича или М. Булатовича, и в творчестве прозаиков «среднего поколения», начинавших свою жизнь в литературе в шестидесятые годы, — Д. Михайловича, В. Стевановича, С. Селенича, Б. Пекича, М. Ковача, — и самых «молодых», появившихся на литературной арене уже в семидесятые — М. Савича, М. Йосича-Вишничича, В. Стойшина, Р. Адамовича.

В предисловии к своей антологии нового сербского рассказа, вышедшей в 1972 г., югославский критик Л. Еремич охарактеризовал этот процесс как «...создание особого круга рассказчиков, произведения которых уже который год называют „новой прозой“, что свидетельствует о значительном изменении литературных вкусов и введении новых норм повествования» [1, с. XXIV].

В югославской критике и науке о литературе творчество этих писателей вызвало большой интерес и оживленные дискуссии. Так, в июле того же 1972 г. на страницах журнала «Дело» обсуждалась сербская проза последних лет: проблемы новаторства в области повествовательных приемов, жанровых образований; изменение авторской позиции в тексте; возрождение интереса к факту, документу; обращение к разговорной практике, просторечию, диалекту, жаргону и т. д. В потоке самых разноречивых мнений, колеблющихся от утверждений о появлении «нового артистического реализма» (П. Прогич), «конструктивистской прозы» (С. Лукич), до «обновления критического реализма как наиболее плодотворной традиции» (Л. Еремич), и наконец, признания существования «новой литературы, к которой неприменимы устоявшиеся формулировки», «...которая не является ни реалистической, ни неореалистической, ни фольклорной, ни просветительно-апологетской, ни натуралистической,

ни провинциальной, но полиформной, комплексной и символической» (В. Стеванович) [2, с. 667, 695], выделяется все же ряд единодушных критических наблюдений и положений. Среди них наиболее существенна констатация поворота в поэтике современной прозы от увлечения абстрактно-символическими приемами, характерными для романа-параболы, к реалистической конкретике тем и образов, четкой организации фабулы и пространственно-временных отношений в структуре художественного целого.

«Новая проза», «новый реализм», «проза действительности», «натурализм», «критический реализм», «магнитофонная проза», «черный реализм» — такой разноречивой в терминологии объясняется не только различиями в подходе к рассмотрению творчества нового литературного поколения у различных югославских критиков, но прежде всего — неоднородностью идейно-эстетических принципов, лежащих в основе нового художественного направления. В нем отчетливо наблюдается борьба различных тенденций: наряду со стремлением к реалистической убедительности, постановкой и решением серьезных социально-этических проблем, значительную роль играют натуралистические и символистские тенденции. Это вызвано как влиянием литературной традиции, так и повышенным интересом к микромиру отдельной личности, возродившем внимание к художественной детали, подробности и тщательность в воссоздании реалий места и времени, что, в свою очередь, обусловило обращение к опыту реалистической литературы прошлого и современности.

Вторая половина 60-х и 70-е годы нашего века для литератур народов Югославии в целом и сербской в частности, явились временем дальнейшего широкого развития реализма. В борьбе с апологизацией модернистских приемов, «нейтрализмом» и «эстетизмом», в которых писатели и критики второй половины 50-х — начала 60-х годов нередко видели главный залог продвижения вперед, происходит обновление и обогащение реалистических принципов, что приводит во второй половине 60-х годов к окончательной «реабилитации реализма» (П. Палавистра). Увидевшие свет в это время крупномасштабные произведения выдающихся писателей-реалистов М. Лалича «Военное счастье» (1972) и «Поборники» (1976), Д. Чосича «Время смерти» (1971—1979), корифея хорватской литературы М. Крлежи «Знамена» (1963—1968) вновь подтвердили неограниченные возможности развития граждански активного реалистического искусства. «В 70-е годы, — пишет советский славист Г. Ильина, — можно заметить процесс, обратный по сравнению с предшествующим десятилетием, — если раньше течения модернистские были гораздо активнее и оказывали влияние на реалистическое направление, то теперь реалистическое искусство несомненно влияет на модернистское» [3, с. 175].

Однако стремление к жизненной достоверности и аутентичности в творчестве ряда молодых прозаиков приобретает и натуралистическое содержание. Традиция натуралистического изображения биологического начала в человеке как доминирующего, подчиняющего себе его волю и психику, прослеживается в послевоенной сербской прозе уже в творчестве М. Булатовича, дебютировавшего еще в 1955 г. Волна увлечения натуралистической поэтикой появилась и во второй половине 60-х и захватывает многих писателей — как уже известных (А. Типшма, М. Ковач), так и находящихся в начале своего творческого пути (Д. Михайлович, В. Стеванович, М. Савич). Вместе с тем, в творчестве прозаиков различных ориентаций она получала различное преломление: писатели-реалисты использовали натуралистические приемы в общей системе реалистического письма; примером могут быть реалистические по методу произведения А. Типшмы, ранние произведения Д. Михайловича. Писатели модернистской ориентации насыщали свои произведения элементами натурализма с целью выдвинуть на первый план биологическую обусловленность человеческих чувств и поступков, фатализм и обреченность, правящие миропорядком.

Идейно-художественная неоднородность нового направления в сербской прозе сказалась и в трактовке «новыми прозаиками» современной

темы. Постановка некоторых актуальных проблем (безработица, эмиграция в поисках работы), насыщение произведений характерными приметами сегодняшнего дня, настоящее время повествования далеко не во всех случаях говорят о том, что целью авторов является всесторонний объективный анализ явлений действительности социалистической Югославии, попытка осмысления богатства новой жизни, разнообразия ее форм. Круг излюбленных молодыми авторами тем свидетельствовал скорее об определенной односторонности писательского взгляда на мир, нередко носил характер «выжвачных» из действительности отдельных обособленных фактов. Сосредоточенность внимания на жизни «социальной периферии», тех слоев, которые принято называть «задворками» общества, — людей с тяжелыми, искалеченными судьбами, обусловила появление нового литературного героя — «аутсайдера»¹, своеобразный вариант «маленького человека», одинокого чудака, мечтателя, далекого от насущных проблем социалистического строительства.

Этим объясняется и настойчивое варьирование от произведения к произведению темы трагического одиночества, которую можно назвать одним из главных мотивов творчества современных сербских прозаиков. Это позволило С. Пенчичу при определении типологических моделей современного сербского романа назвать первой и основной его разновидностью романную прозу экзистенциальной проэкции [5, с. 14].

Новые явления, характерные для сербской прозы конца 60-х и 70-х годов, при всем их разнообразии в первую очередь связаны с трансформацией образа автора и авторской позиции в художественном тексте. В этот период во всех жанрах прозы попытки активизации стиля, поиски его «энергии» сопровождаются отходом от традиционных форм объективного авторского повествования, от позиции «авторского всеприсутствия», как ее определил Г. Пелеш. Наступил период активизации композиционных и повествовательных форм, ориентированных на план героя, широкого употребления таких способов передачи чужого сознания и чужого слова (М. Бахтин), как сказ и внутренний монолог, введение в ткань художественного произведения документов, писем, записей и дневников, принадлежащих перу вымышленных или когда-либо существовавших личностей. Обращение к сказовым формам становится одним из важных элементов идейно-эстетической платформы «новых прозаиков».

Одним из первых в сербскую прозу второй половины 60-х годов вводит сказовые формы Д. Михайлович. Практически все произведения уже первой книги «Спокойной ночи, Фред» написаны как сказовые монологи. Сборник открывает небольшой рассказ-размышление «Мой сын». Его основной мотив — тревога отца о возможной судьбе маленького сына, — прообраз отношения писателя к своим будущим героям. Между понятиями «человек» и «мой сын» в творчестве Михайловича существует прочная взаимозависимость, которая материализуется в остроте авторского сопереживания, сопричастности к жизни человека, в способности вызвать у читателя чувство ответственности за происходящее. Все это находит свое конкретное художественное воплощение в индивидуальном стиле писателя, в приверженности к сказовой манере повествования.

К воображаемому «слушателю» обращена вся повествовательная структура следующего рассказа — «Гость». В нем речь идет о случае на первый взгляд пустячном и не заслуживающем внимания: возвратившись морозной ночью в свою комнатку, лирический герой-рассказчик замечает в ней присутствие «гостя» — «маленького и неважного», который, однако, умудрился создать большую суматоху в течение трех ночей. Гостем оказалась «обыкновенная мышь», неизвестно каким образом забежавшая в заваленную пыльным книжным хламом одинокую комнатку рассказчика. Своим шуршанием она не давала уснуть, и наблюдая за нею, герой оказывался во власти самых неожиданных ассоциаций. Абстрактный характер сюжета рассказа допускает двоякое толкование.

¹ Термин «герой-аутсайдер» в обиход югославской критики впервые вводит П. Зорич в своей статье «Аутсайдер — новый герой романа» [4, 1969, № 7, с. 15].

На фоне югославской прозы шестидесятых годов символическая история двух существ в изолированном мире комнаты-крепости, свидетельствующая о трагической невозможности их сосуществования, выглядела бы весьма характерной. Однако писатель избирает противоположную трактовку событий и каждой художественной детали, репликой рассказчика пытается подчеркнуть почти смехотворную незначительность эпизода, убедить читателя в его реальности. Определив рассказ «Гость» как один из программных в творчестве писателя, Л. Еремич отмечает: «Во время, когда наша культурная общественность еще училась овладевать своими слишком сильными эмоциями по поводу недавно переведенного Кафки, рассказчик Михайловича в „Госте“ ощущает необходимость подчеркнуть банальность и единичность предмета своего рассказа, чтобы именно в этом направлении искать возможности его тематического оформления» [6, с. 149]. Так уже в первых произведениях проявляется одна из наиболее примечательных черт художественного метода Михайловича — способность глубоко анализировать будничные, непримечательные явления жизни, в мелочах находить материал для обобщений философского содержания: «Вы скажете, такая мелочь, а при том столько шума. Да, да, именно так, это я и хотел сказать. В нас шум. В каждом из нас, из ничего на первый взгляд. Шум тысячеголосый и тысячевековой, неслышимый и глухой. Услышит ли его когда-нибудь кто-то, этот загадочный крик, который с нами приходит, и так и не понятый, уходит вместе с нами?»

Рассказ «Путник» оформлен как речь бывшего связного партизанского отряда перед судьями военного трибунала, судящими его за убийство предательницы, совершенное через много лет после окончания войны. История этого человека — страшный, изобилующий натуралистическими деталями рассказ о муках и страданиях на войне. Его основная идея — несовместимость морали революционной борьбы и слепого мщения, ставшего содержанием жизни человека, психика которого была сломлена жестокостью.

Тема прошедшей войны — одна из ведущих в югославской прозе последних десятилетий — занимает важное место в творчестве Драгослава Михайловича. Однако в отличие от М. Лалича, Д. Чопича, Д. Чосича, А. Исаковича, которые создали своими произведениями подлинную эпопею героической борьбы своего народа за освобождение, Михайлович решает эту тему по-своему. «Путник» — единственное произведение писателя, где непосредственно описаны партизанские сражения с врагом и где уже определился угол зрения, под которым рассматривается военная реальность. Это — присутствие прошедших событий в современности, их роль в жизни сегодняшней Югославии.

Искалеченная судьба маленькой Милицы (рассказ «Лилика») — тоже эхо прошедшей войны. Мать девочки, падающая жертвой семьи от рук четников, безрадостным сиротским детством, уставшая от тяжелого труда, способна пожертвовать всем ради перспективы «нормальной» жизни с законным мужем. Даже собственной дочерью. В страхе перед мужем мать соглашается отдать девочку в приют. Сказ «Лилики» обладает особой экспрессией. Непосредственность ребенка, его чистосердечная откровенность — своеобразная призма, через которую преломляются все описываемые в рассказе события.

Девочка живет в среде падших, деградировавших во всех отношениях людей. Притулят ли нищета и жестокость близких ее инстинктивное стремление вырваться из этого окружения, способность к любви и состраданию? Прямого ответа на этот вопрос в рассказе нет, но художественные средства воспроизведения речи ребенка подчинены цели показать силу противопоставленности злу в его душе. Лилика не осознает подлинного значения того, что происходит, она может только чувствовать это: не давая оценок действиям окружающих, девочка имитирует, «играет» поведение и слова других людей, что стилистически реализуется автором в форме «диалога в монологе».

Автору удается мастерски подобрать эмоциональный тон повествования, усиливающий передачу борьбы отчаяния и надежды в сознании

рассказчицы. Интонационно-ритмический рисунок речи обладает большой выразительностью. Рассказывая о каком-нибудь случае или ситуации, Милица воодушевляется, забывая о всем грустном, — соответственно увеличивается объем фраз; нагнетание глаголов действия создает впечатление убыстренного ритма говорения; междометия, определительные местоимения, звукоподражательные слова «изображают» оживленную мимику героини. Но как только случайная ассоциация поворачивает ее к мысли о приюте, выражения становятся скупыми и лаконичными. Эта характерная для детского сознания резкая смена настроений, неспособность концентрироваться на отрицательном и мрачном используется автором как контраст, оттеняющий неестественность жестокости, с которой девочка сталкивается.

Вполне справедливой представляется точка зрения советских авторов (Вл. Огнела, С. Туркова) [7], рассматривающих суровую достоверность этого произведения как свидетельство гуманистического реализма писателя.

Рассказ «Оспа» представляет своеобразный вариант сказового повествования: свою речь записывает неграмотная рассказчица сама. Героиня — Милица Стефанович, вдова замученного фашистами партизана, находится в госпитале для заключенных с новорожденным сыном. У ребенка оспа, и пока он болен, мать может находиться рядом. Когда младенцу станет легче, их разлучат: мать расстреляют как коммунистку, а сына отправят в концентрационный лагерь для детей.

Рассказ сформирован в виде коротких записочек, которые Милица посылает доброй «госпоже» Йованке, не побоявшейся откликнуться на просьбу забрать ребенка. Записочки пишутся исподтишка, в страхе быть замеченной. Ряд обрывочных фраз вменяет и рассказ о гибели мужа, и о своей жизни, и мольбу о спасении сына, и наставления матери, каким он должен вырасти, чтобы быть достойным своих родителей.

Покойный муж обучил Милицу писать буквы, но грамматику ей подсказывает собственная интуиция. Стилль ее записок резко отличается от литературной нормы своей диалектной окраской, а также лексическими, морфологическими, синтаксическими особенностями. Так, героиня употребляет прописную букву по собственному усмотрению; основная синтаксическая функция этого знака, — обозначение первого слова в предложении, — уступает место функции логического акцента на ключевых понятиях, имеющих для нее жизненно важное значение: Сын, Свекровь, Отец, Тетка, Кум, Дед, Начальник больницы, Лагерь, Шпион, Записочки, Морковь, Окно и т. д., существительные со значением родства. Особое место занимают в рассказе Милицы лексемы для обозначения страданий, мук: Страх, Траур, Кровавый, Несчастный, Слеза, Палач, Оспа и т. д.

Кульминацией рассказа является ответ Милицы коменданту лагеря для военнопленных, почему она не хочет отдать ребенка в «материнское общество», где он был бы «Чистым и Хорошо воспитанным и Красивым. А я сказала скажите госину коменданту, что у Нас сербы не те Самые красивые, которые Воспитаны и хорошо Одеты и чистые». Удивленный храбростью матери, гитлеровец бросил ребенку бисквит. Но женщина возвратила его, вынув из ручонки сына: «скажите Спасибо госину коменданту Мы Бисквиты не едим Зубов не имеем потому привыкли к Просу пусть их даст господину начальнику».

Этот эпизод, окончательно решивший судьбу Милицы, обрисован «ею» с большой выразительностью, несмотря на внешнюю скудость использования стилиевых средств и приемов грамматического оформления. Художественный эффект речи героини в ее контрастном звучании по отношению к литературной норме. Акцентируя внимание читателя на содержании каждого необычно написанного знака, автор обогащает его новым смысловым оттенком, вытекающим из его сопоставления с общепринятым, закрепленным за ним словарным значением (в данном случае — это лексемы «воспитанный», «чистый», «одетый», «самый», «сельский» и т. д.). Так строится подтекст произведения, передающий его основное содержание. Не примитивный рассказ неграмотной женщины,

но великая сила матери-патриотки, гордой и беззаветно любящей, глубоко волнует читателя в рассказе «Оспа».

Личность рассказчика является не просто композиционным центром таких рассказов как «Путник», «Лилика» и «Оспа». Строй сказового повествования каждую художественную деталь подчиняет раскрытию эмоционального и психологического состояния, индивидуальности протагониста. В этих произведениях проявились некоторые существенные черты созданной писателем сказовой модели, которые найдут свое более полное воплощение в его романах. В первую очередь это оригинальное использование автором специфической системы контактоустанавливающих средств в форме вопросов, обращений рассказчика к подразумеваемому собеседнику, образ которого в некоторых случаях (как, например, в рассказах «Путник» и «Оспа») угадывается на основании их содержания. Сказы Михайловича отличает также виртуозная способность к стилизации разговорной речи самых разнообразных социальных слоев и возрастных групп, передаче интонации «звучащего» говорения, мимики и жеста рассказчиков, в чем отчасти и проявляется свойственное сказу то «особое, самоценное значение языка как средства изображения определенных сфер жизни» [8, с. 166].

Следует отметить и некоторые слабые стороны первых произведений писателя. Не сразу удается ему овладеть сложным мастерством сказа реалистического, создать средствами этого повествовательного приема динамичный и объемный образ событий. Рассказам героев свойственна непосредственная простота в воссоздании художественной реальности (констатация фактов в мельчайших подробностях, отсутствие выводов, обобщений). Монотонность монолога компенсируется подчас нагнетанием трагических обстоятельств, повествование отягощено обилием деталей, присутствуют элементы натурализма и символики. Развитый изобразительный план доминирует над действенным, картина жизни воссоздается достоверно, но статично. Существенным оказывается в этих произведениях контраст между слабостью человека и жестокостью законов существования.

Немного времени отделяет публикацию романа «Когда цвели тыквы» (1968) от первой книги — сборника рассказов «Спокойной ночи, Фред», но в творческом методе писателя наблюдается заметный качественный сдвиг (Михайлович осваивает новые формы реалистического восприятия действительности). Основным и единственным способом организации прозаического целого остается сказ, однако совершенствуются способы реалистического раскрытия внутреннего мира героя, усиливается философское осмысление действительности.

Оригинально найдено композиционное решение произведения — форма исповеди-интервью, как бы записанного автором-репортером на магнитофон, который включается когда герой говорит: «Нет, не вернусь. Уехал уже двенадцать лет назад, а здесь, в Эстерсунде уже восемь. Есть семья. Видите того белоголового мальчишку? Да, похож. Он и есть швед»². Начало рассказа югославского эмигранта Любы Сретеновича напоминает стандартные ответы журналисту из Югославии, готовящему материал о жизни своих соотечественников в Швеции. После первых сухих и конкретных фраз повествование приобретает новую окраску. Как только речь заходит о семье, о приемном сыне, о причинах отъезда с родины, в душе героя словно прорывается плотина невысказанных чувств, переживаний, он оказывается во власти сильного желания поведать сразу все незнакомому собеседнику.

Перед читателем жизненный путь боксера Любы Сретеновича, прозванного за былые спортивные победы Чемпионом. Тяжелые годы: копец войны, восстановление страны из руин, детство на одной из белградских окраин... События конца сороковых годов стали причиной разрушительных перемен в семье Сретеновичей: погиб брат, беда с отцом, бандиты доводят до самоубийства младшую сестру. В кулачном бою спортсмен убивает Столета Апаша, виновного в смерти сестры, после чего вынужден

² Здесь и далее роман цитируется в переводе автора статьи.

бежать, покинуть родину. Герой сталкивается с трагедией жизни в эмиграции: трудно приспособиться к чужим условиям жизни, нравам, обычаям. Под «устроенной» и «обеспеченной» жизнью Любы Сретеновича скрывается тоска по родному краю, угрызения совести; они толкают героя на краткие безумные «бегства» в Югославию, к которым уже привыкли и члены его семьи и даже руководство предприятия, где он работает. Любовь жены и маленького сына не могут заглушить боль от осознанной бесповоротности совершенного.

Чувство ответственности рассказчика за каждый упоминаемый им факт придает исповеди острый драматизм. Это не просто воспоминания, тщательное воспроизведение событий двенадцатилетней давности, но попытка объяснить собеседнику, какой же в действительности была его жизнь, что было в ней истинного, а что мутного и несправедливого.

Полемический характер исповеди (рассказчика), адресованной слушателю как судье напоминает о сказе «Путника». В стилиевой структуре обоих произведений четко прослеживается их принадлежность к исповедальному типу прозы, сходство в выборе героев-рассказчиков, в подобию жизненных ситуаций. Вместе с тем, особый интерес представляют не только черты сходства, но и существенного различия. Партизанский курьер, к примеру, не комментирует и не объясняет своих действий: натуралистическое описание тщательно подобранных фактов достаточно красноречиво само по себе. Рассказ его состоит из «произвольно» отобранных им эпизодов бывшей жизни, но первое впечатление произвольности начинает исчезать по мере уяснения читателем цели рассказчика — оправдаться перед трибуналом. Хронологическая последовательность изложения как композиционный прием играет роль мотивационного фактора: выявить естественный ход событий.

Однако линейная композиция стилизованного повествования подчас служит подавлению авторской активности, в результате чего герой живет «своей», самостоятельной от автора жизнью, интерпретируя ее исключительно исходя из своего сознания. Авторское начало не преодолевает той «внутренней конфликтности персонафицированного сказового повествования», от которой предостерегают большинство его исследователей. Натуралистическая статичность детализированного повествования «примитивного рассказчика» отчасти компенсируется активизацией читательского соучастия. Определенность читательской позиции (рассказчик обращается к читателю как к судьям трибунала) и создает ту неповторимую атмосферу «присутствия», которую критики отмечают как одну из наиболее примечательных новаторских черт писательского стиля. Однако «магнитофонная проза» первых рассказов не всегда достигает уровня мастерской «иллюзии сказа», основа которой — точно выверенный баланс планов автора и героя. Художник-стилизователь здесь пока еще не стал художником-реалистом в подлинном смысле.

Линейный принцип композиции сказа в «Тыквах» уступает место принципу параллелизма. Она условно подразделяется на два плана: рассказ о жизни Душановца послевоенных лет, о семье героя, его взаимоотношениях с окружающим миром соседствует с отдельным повествованием о спортивной карьере боксера. Эти два плана постоянно проецируются один на другой, вступают в сложные взаимоотношения. О «симметричности композиции» как особой логике распределения событий писал М. И. Бандич, увидевший в ней сходство с киносценарием [10, с. 334]. На наш взгляд, в композиции этого произведения имеет место не просто формальная симметрия взаимообуславливающих событий, но и взаимодействие двух планов повествования, которое служит усилению динамики, действительности сказового стиля. В нем отчетливо проступает продуманный авторский прием, который разрушает субъективный монологизм повествования, идущий от сознания героя. Повествовательные планы то вступают в противоречие, оттеняя друг друга по принципу контраста, то взаимообуславливают друг друга (беспомощность героя во время бедствия в семье оборачивается кризисом в спорте), то, совпадая, взаимно усиливают свое звучание (тяжелый нокаут в загребском матче

совпадает с известием о смерти сестры) и т. п. Но всякий раз на их стыке в повествовательной ткани произведения возникает дополнительный динамический импульс. Так, реальность отражается и интерпретируется не только в сознании рассказчика — мастерским подбором и сопоставлением фактов автор подчеркивает относительность и ограниченность суждений своего героя. Исповедь Любы Чемпиона характеризует также качественно иной по сравнению с рассказами уровень осмысления собственного «я» в произошедших событиях, и, соответственно, иные критерии оценки самих событий. Беспомощная растерянность Путника здесь уступает место довольно мрачной и беспощадной трезвости человека, осознавшего суть событий слишком поздно для того, чтобы их исправить. Но деятельная натура его не может смириться с бесповоротностью сложившейся жизненной ситуации: принимаемая реальность умом, в душе он все же продолжает искать выход и надеяться.

Активное начало натуры рассказчика реализуется в стиле его повествования. Автору мастерски удалась стилизация грубого и нагловатого хулиганского жаргона городских окраин, который создает особую интонированность речи героя, привносит в нее элемент беспашабной самоуверенности. Лаконизм обрывистых фраз передает импульсивность, действенность характера героя-протагониста. Мысленно сопоставляя опыт жизненной и спортивной борьбы, он подводит своего слушателя к очень важным для себя, выстраданным выводам: «Ложь это все, что есть такие боксеры, у которых нет слабого места. У всех оно есть! А те, о слабых которых просто еще не узнали, конечно, молодцы, но и улыбулось им счастье не повстречать такого хлонца, который бы его нащупал». И хотя образ Любы Сретеновича все еще несет на себе заметную печать концепции «героя-аутсайдера», однако на всех уровнях произведения четко прослеживается его кардинальное отличие — способность к критической самооценке. Таким образом, в «Тыквах» появляется новый для Михайловича тип героя — личности сложной, переживающей полное нравственное перерождение, не сломленной до конца. Его исповедь — не просто трагедия единичного существования, как это увидели некоторые критики. Через большую личную беду герой осознал себя и главные жизненные истины: без Родины, без родных и близких жизнь бессмысленна и не нужна.

Символично-аллегорический план в романе естественно и органично вырастает из художественной реальности произведения, воплощенной в конкретных жизненных формах. Образы-символы, к числу которых относятся сложный и многозначный образ Душановца, воплотивший в себе представление героя о родине, и образы птицы-судьбы и цветка тыквы³, и весь рассказ о спорте, — все они так или иначе рождаются при участии сознания рассказчика, ибо крепко и непосредственно связаны с его судьбой. Эта важная особенность использования образно-символических средств и приемов, на наш взгляд, также является следствием значительных перемен, характеризующих метод писателя в «Тыквах» по сравнению с рассказами его первой книги. Этот метод отражает качественно иную реалистическую природу символов-обобщений, взятых из жизни и несущих в себе наряду с субъективно-эмоциональным глубокий объективный смысл. Он показывает и работу автора по преодолению примитивности, однозначности образа героя-протагониста, сознание которого становится способным осваивать больший объем жизненных явлений, их сложную и подчас противоречивую сущность.

Освоение писателем новых средств и приемов реалистического сказа, способность вместить глубокое философское содержание, отобразить более многопланово жизнь человека, его взаимоотношения с окружающим миром предопределили пути дальнейшего творческого роста прозаика. С наибольшей полнотой и талантливостью эта тенденция проявилась в романе «Венок Петрии» (1975) [11], за который в 1976 г. его автору была

³ Название романа «Когда цвели тыквы» пародирует название известной новеллы сербского писателя конца XIX в. М. Ускоковича «Когда цвели розы».

присуждена Андричевская премия, подтвердившая справедливость мнения о том, что «... Драгослав Михайлович сейчас считается одним из наиболее талантливых и значительных сербских писателей» [4, 1978, № 2, с. 135].

Идейное содержание романа и способы его воплощения в образе главной героини свидетельствуют о том, что метод и индивидуальный стиль Михайловича приобретает своеобразную завершенность. «Венок Петрии», подобно предыдущим произведениям, повествует о многотрудной и драматичной судьбе «маленького человека» и написан в манере уже традиционного для автора стилизованного сказа. Здесь он снова использует композиционный прием исповеди-репортажа, воспроизводимого с «аутентичностью магнитофона». Историю своей жизни рассказывает случайному гостю старая Петрия, неграмотная крестьянка, одиноко доживающая свой нелегкий век в захолустном городишке Окно. «Никого у меня не осталось. Не с кем посидеть, словом перемолвиться, душу излить. Некому будет и за руку меня подержать, когда смерть придет»⁴.

Острая потребность в собеседнике как результат одиночества Петрии, стремление «разговорить» слушателя, занять его своим рассказом — все эти особенности напоминают и о Лилике, и о Путнике, и о Любе Чемпионе. Вместе с тем, основная идейно-содержательная и стилевая характеристики романа свидетельствуют о том, что в контексте творчества Михайловича он представляет собой явление новое.

Обращение к реалистической традиции сербской литературы усматривается в выборе писателем образа героини-рассказчицы, женщины из народа, на долю которой выпали большие жизненные испытания, не убившие ее нравственной чистоты и жизнеспособности. Традиционная форма исповеди, привнесение в литературу живой разговорной речи, диалекта, жаргона. Предшественниками Михайловича на этом пути были первые сербские реалисты — М. Глишич, Л. Лазаревич, Я. Веселинович, и крупные мастера реалистической прозы конца XIX и начала XX в. — С. Сремац, С. Матавуль, С. Ранкович и, в особенности, Б. Станкович. Именно в творчестве Б. Станковича получила яркое воплощение тема женской судьбы в старой Сербии, судьбы, исполненной трагизма, но не властной над духом его героинь — Аницы (рассказ «Жена покойника»), бабы Станы (рассказ «Баба Стана»), Софки (роман «Нечистая кровь»), Коштаны (драма «Коштана») и многих других.

В сербской прозе XX в. подлинную галерею разноплановых женских образов создал в своем творчестве И. Андрич. Героини писателя живут в разные исторические эпохи, являются представительницами различных национальностей, социальных слоев, но каждая из них — красавица Аника и несчастная Мара-наложница, эфемерная Елена — «женщина, которой нет», и молодая жительница Синтры, очаровавшая Байрона, рабыня, не вынесшая неволи, и даже жестокая старая Барышня — по-своему обладают обаянием женственности и большой силой духа. В андричевском прочтении женщина загадочна, прекрасна, хрупка, но и коварна, непредсказуема, как сама жизнь, которую она олицетворяет в его произведениях.

Неуничтожимой силой духа, в которой заключен секрет ее жизнеспособности и мудрости, наделяет свою Петрию Джорджевич и Д. Михайлович. Однако героиня предстает перед читателем в новой роли. Писатель дает Петрии «право голоса»: она повествует о своей жизни сама, являясь «единственным повествователем и интерпретатором этой жизни» [8, с. 165].

На испорченном тимокском диалекте, забавно искажая в своей речи отдельные лексемы городского языка, медицинские и политические термины, старая Петрия рассказывает об извечных проблемах человеческого бытия: рождении и смерти, любви и семейных взаимоотношениях, недугах и врачевании, труде и поэзии природы. В жизни этой женщины много тяжкого и даже трагичного, но автор романа далек от смакования страданий, апологии фатальной безысходности и предрешиности человеческой судьбы, характерных для многих произведений «черного

⁴ Здесь и далее роман цитируется в переводе автора статьи.

реализма». Роман противостоит подобным тенденциям гуманистическим решением проблемы. Михайловичу удается создать исторически конкретный и вместе с тем имеющий аллегорический смысл образ женщины, матери-страдальцы, восходящий к древнему архетипу фольклорного образа матери. Параллельно с трагической темой звучит пафос жорнеутверждения, который исходит от оптимизма Петрии, ее стойкости и мужества в сопротивлении жизненным трудностям. И в этом автору удается избежать излишней декларативности, патетики, идеализации своей героини.

Примитивность сознания рассказчика-протагониста, свойственная предыдущим его произведениям, и выступающая в них как основной прием сказовой характерности, в «Венке Петрии» несет явно двойную нагрузку. В помещенной на первых страницах романа небольшой притче «Пей воду и помалкивай» — своеобразный ключ к пониманию всего романа. Ничто, — утверждает здесь героиня, — не может заменить человеку воды, т. е. извечных жизненных ценностей, без которых ему не иметь ни здоровья, ни счастья. Этот вывод общего, универсального характера проецируется в дальнейшем на конкретные события из жизни Петрии. Так, с самого начала произведения в создаваемой автором речевой перспективе героини постоянно присутствуют как бы два измерения: трезвая народная оценка реального события и обобщающий символический подтекст. Такой строй повествования генетически сродни фольклорному параллелизму. Здесь необходимо отметить блестящее стилизаторское мастерство Михайловича, великолепное владение им богатствами народного языка. Автор не стремится к обильному использованию слэнга, диалектных форм, эмоционально-экспрессивной лексики, что превратилось в некую литературную моду в отдельных произведениях «новых прозаиков». Повествовательный строй речи героини отличает редкое чувство меры и совершенство, выдающее почерк большого мастера. Язык Петрии на всем протяжении рассказа остается средством создания художественного образа, его реалистической типизации. Этому способствует обращение к средствам фольклора, народнопесенным образцам, присутствующим в сказе Петрии. В произведении широко используются элементы таких фольклорных форм, как народные плачи («гужбалице»), рассказы («приче»), семейно-бытовые и любовные лирические песни, пословицы, поговорки, заговоры, «ругалице» — типичные для сербских «прич» отрицательные характеристики нравов односельчан (Петрия честит своих окненцев). Все это подчинено главной цели — созданию через речевую манеру и языковые особенности рассказчицы образа женщины из народа, воплощающей его высокие гуманистические начала.

В духе фольклорных «прич» обыгрывается автором и обращенность сказа героини к формально присутствующему в произведении слушателю. Роль слушателя в «Венке Петрии», как и в предыдущих произведениях писателя, велика, он — обязательное звено в структуре сказового повествования. Образ слушателя наделен высокой степенью конкретности: он вырисовывается из обращенных к нему реплик Петрии. Удивляясь его необычным сигаретам, просвещая о нравах и обычаях старой патриархальной деревни и провинциального городка, наставляя в уважении и боязни иррациональных сил (ведьм, упырей, «сглаза»), героиня сама обрисовывает для читателя образ его интеллигентного современника — горожанина. Так при помощи средств и специфики созданной Михайловичем формы адресованного сказа достигается большой, удачный экспрессивный эффект: голос старой Петрии звучит из прошлого в настоящее, напоминая нашим современникам о необходимости хорошо знать и беречь традиции своего народа, понимать их, ибо здесь источник его жизненных и духовных сил.

Такое чувство меры, обеспечившее выдержанность всей книги в едином повествовательном ключе, автору удается сохранить благодаря глубокому проникновению в народное мирозерцание, обращению к основам народной этики и морали. Следует отметить, что обращение к чистым истокам человеческого сознания, фольклору, мифу, привнесение в литературу устопозитического элемента, — является одной из важных тенденций, оп-

ределяющих развитие прозы большинства социалистических литератур на современном этапе. Здесь творческие поиски Д. Михайловича перекликаются с советской так называемой «деревенской прозой» Ф. Абрамова, Ф. Распутина, С. Залыгина, проблематикой книг И. Друце, Ч. Айтматова, В. Земляка, творчеством прозаиков социалистических стран И. Радичкова и Н. Хайтова, Ю. Кавальца, Я. Козака, В. Ржиги и др. Вместе с тем, в литературе Сербии семидесятых годов Д. Михайлович выступил одним из пионеров народной темы, существенно отличаясь от современников своей интерпретацией женских образов, обращением к фольклорному мирозерпанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Јеремий Л.* Нова српска приповетка. Београд, 1972.
2. *Delo.* Београд, 1972, № 6.
3. *Ильина Г. Я.* Взглянуть в лицо времени. Панорама: 70-е годы в литературах социалистических стран Европы.— Иностранная литература, 1981, № 3, с. 175.
4. *Savremenik.*
5. *Пенчић С.* Типолошки модели савременог српског романа.— Књижевне новине, 1980, № 610.
6. *Јерemić I.* Proza novog stila. Београд, 1976, с. 149.
7. *Огнев Вл.* Эхо большой войны.— В кн.: Последняя высота. М., 1970; *Турков С.* Предисловие.— В кн.: Д. Михайлович. Венок Петрии. М., 1978.
8. *Яковлева Н. В.* Современный роман Югославии. М., 1980.
9. *Михайлович Д.* Кад. су цветале тивне. Београд, 1980.
10. *Бандић М. И.* Роман и романсијери у 1968.— Летопис Матице Српске. Нови Сад, 1969, књ. 403.
11. *Михайлович Д.* Петријан венац. Београд, 1975.

ЛУЦЕНКО Н. А.

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В исследованиях по славянской сопоставительной аспектологии бросятся в глаза два взаимообусловленных, пока что медленно преодолеваемых недостатка: 1) отсутствие нетривиальных, теоретически надежных положений, объясняющих не только общие черты видо-временных систем славянских языков, но и их характерные различия; 2) преобладание взгляда, согласно которому в отношении вида на парадигматическом уровне между языками нет или почти нет различий (различия касаются только функционирования, дистрибуции, синтагматики видов), и, далее, заданный этим взглядом чисто описательный, констатирующий, неконцептуальный, подход к рассмотрению фактов различной дистрибуции видов в славянских языках. Тем самым, однако, игнорируются давно замеченные корреляции между парадигматической спецификой языковых элементов и их дистрибуциями, а в более общем плане — диалектическая (обусловленная) связь между синтагматикой и парадигматикой, именно то, что «синтагматика языка есть форма существования и проявления парадигматики языка» [1].

Лингвистам, разумеется трудно было пройти мимо того факта, что видо-временная парадигматика южнославянских языков в достаточной мере специфична, в той или иной степени сохраняет очевидные связи со старославянским языковым состоянием (из чего делались даже определенные типологические выводы), поэтому прежде всего в работах исследователей южнославянских языков можно найти утверждения о том, что в аспектуальном плане между славянскими языковыми группами существуют значительные различия [2, с. 134] и со ссылкой на Св. Иванчева [3]). Такие утверждения, однако, имеют целью подчеркнуть или обосновать, главным образом, своеобразное системное проявление вида именно в южнославянских языках. Что касается, например, аспектуальных различий между восточнославянскими и западнославянскими языками, то обычно они толкуются только как различия функционального объема, не затрагивающие семантико-смысловой (парадигматической) организации категории вида, т. е. относящиеся только к поверхностной структуре этой категории [4; 5].

Задача настоящей статьи — показать, что, несмотря на общность (изоморфизм) принципов, «положенных» в основу категории вида в различных славянских языках, системы отдельных языков могут обладать определенной спецификой в плане организации семантики и формально-структурного проявления вида — причем не только на уровне отдельных явлений, но и на уровне их взаимных, детерминативных, отношений. Различное семантико-функциональное проявление видов в избранных для сопоставительного анализа языках здесь толкуется как отражение различного системного устройства (распределения) категории вида в этих языках. Рассуждения ориентированы прежде всего на выявление структурно-типологических различий (алломорфизма) видо-временных парадигм в рус-

ском (как одном из восточнославянских) и западнославянских языках), хотя, как это будет видно дальше, автор в ходе изложения стремится установить и то, как вообще разнится распределение конкретных видовых признаков от одного славянского языка к другому.

В числе фактов функционального видового различия между русским и западнославянскими языками, которые теоретически важно проанализировать с точки зрения системы, парадигматики, самым интересным, пожалуй, можно считать неодинаковую способность форм совершенного вида выражать значение повторяемости. Примеры, иллюстрирующие такого рода различие, приводились в лингвистической литературе, но или были интерпретированы в духе критикуемых выше воззрений [4, с. 293], или по сути теоретически никак не объяснены [6]. Конкретно изначальное распределение отношения различных форм совершенного вида к выражению признака повторяющегося действия выглядит следующим образом. В системе форм настоящего-будущего может быть констатирована общая способность таких форм сочетаться с показателями кратности и общности действия: *Здесь всегда помогут; Часто скажет что-нибудь сгоряча, а потом жалеет*; чешск. *Někdy se vracíme* 'По временам мы возвращаемся (букв. возвратимся)'; словц. *Niekedy k nam príde* 'Иногда он заходит (букв. зайдет) к нам' и т. п. Различия касаются частных специфических условий такой сочетаемости и действительно могут быть истолкованы как в большей степени функциональные, чем системные различия. В системе форм прошедшего времени, наоборот, должно быть отмечено, с одной стороны, отсутствие у форм восточнославянского совершенного претерита способности сигнализировать повторяемость и общность действия (ср., однако, ниже), с другой стороны, наличие подобной способности у тех же форм в чешском, словацком и польском языках¹, выражающейся в возможности этих форм иметь при себе распространители (детерминанты) кратности или общности действия [4, с. 294; 6, с. 106; 7]. Это различие в свою очередь должно быть расценено прежде всего как системное и отнесено к дифференцирующим указанные две группы славянских языков. Речь идет о сочетаемости типа польск. *Czasem spotkał go na ulicy* 'Временами встречал (букв. встретил) его на улице, словц. *Každé ráno vstal v určitú hodinu* 'Каждое утро вставал (букв. встал) в определенное время', чешск. *Vždy přišel pozdě* 'Всегда приходил (букв. пришел) поздно' и других, в смысловом отношении аналогичных случаях, функционально связанных в русском языке с формами несовершенного претерита, в чешском, словацком и, в меньшей степени, в польском — с формами совершенного претерита. Ср., например, словц. *Vetry od Poľskej cez noc vždy zmrazili všetko, čo slnce zľúbalo dňom* (P. Jilemnický) 'Ветры из Польши всегда на ночь замораживали (букв. заморозили) все, что солнце обласкало днем'; чешск. *Bylo тихо, jen občas, když se zvedl vítr, zašramotilo listí* (M. Stoniš) 'Было тихо, только иногда, когда поднимался ветер, начинали шуршать (букв. зашуршали) листья'; польск. *Brzęk go czasem obudził z zamyślenia, w które znowu wpadał, mrugając oczu i jakdy do snu się zabierając* (J. I. Kraszewski) 'Иногда звон вывождал (букв. пробудил) его из состояния задумчивости, в которое снова погружался, смежая веки и как бы собираясь вздремнуть'.

Следует сказать, что указанное различие в употреблении между восточнославянским и западнославянским претеритом применительно к выражению признака повторяемости может быть рассмотрено в свете славяно-латинских и особенно славяно-греческих параллелей. М. Кравар, исследуя славяно-греческую видовую аналогию на уровне систем, указал, что аспектуальная семантика этих систем «в основном тождественна» [8, с. 25]. Проецируя этот вывод в сферу функционирования греческих и славянских видов, автор отметил следующее: «Это делает возможной высокую степень соответствия на функционально-синтаксическом уровне, т. е. в рамках предложения, где видовые структуры двух систем ведут себя явно, хотя и не без остатка, аналогично» [8, с. 25]. В этом плане для нас более

¹ В дальнейшем формы прошедшего времени этих языков условно называются западнославянским претеритом.

всего существенны, конечно, прежде всего особенности сочетаемости греческих (и латинских) видовых форм с детерминантами повторяемости. Наблюдения показывают, что в древнегреческом из двух аспектуально соотносительных форм, аориста и перфекта, *πολλάκις*, часто, неоднократно, предпочитает сочетаться с аористом, избегая сочетаемости с имперфектом; в латыни же *saepe*, часто, почти всегда употребляется в сочетании с перфектом, который по значимости соотносят с греческим аористом. Ср. греч. *Πολλάκις ἐθαύρασα* (Хен.) 'Я часто удивлялся (аорист)'; лат. *Testamentum saepe fecit* (Сис.) 'Часто делал (перфект) завещание'. Параллелизм распространяется также на употребление форм при отрицании, где в греческом обычен аорист и очень редок перфект: *Οὐδέεις ἐτι οὐδαμῶς ἐφθέγγατο* (Хен.) 'И нигде никто больше не издавал (аорист) звука'; ср. чешск. *Od toho večera jsem tam už přese nezašel* (М. Stoniš) 'С того вечера я туда уже, конечно, не заходил (букв. не зашел)'. При всем том, что, как отметил тот же М. Кравар, славянская и греческая видовая системы «совпадают в отношении основного семантического содержания видовой корреляции» [8, с. 19], в данном случае следует, конечно, говорить об аналогичности только главных функциональных особенностей употребления различных глагольных форм прошедшего. Однако и при таком, осторожном, подходе очевидно, что подключение указанных параллелей к установлению системных различий между западнославянским и восточнославянским перфективным претеритом дает определенные, достаточно заметные, преимущества. Становится ясно, что по значимости восточнославянский и западнославянский претерит различны: первый «ведет себя» прежде всего как греческий перфект (не употребляется при отрицании, с показателями кратности), второй — как греческий аорист (употребляется при отрицании², с показателями кратности). Отсюда, опираясь на данные о системно-смысловом различии между перфектом и аористом, можно было бы более конкретно истолковывать такие же различия между западным и восточным славянским перфективным претеритом и, далее, сделать выводы о характере специфики видо-временной парадигматики соответствующих языков.

Итак, как взаимно дополняют и объясняют друг другу уже известные, в большинстве изложенные выше следующие факты, в частности, то, что: 1) перфект и аорист в греческом, имея различия в дистрибуции, различаются также семантически — прежде всего тем, что по-разному «реагируют» на признак повторяемости; 2) способность обозначать повторяемость различает формы перфективного презенса и претерита в русском и не различает в западно-славянских языках; 3) в русском языке перфективный презенс выражает повторяемость преимущественно в кратно-цепных конструкциях (*Часто скажет что-нибудь сгоряча, а потом жалеет*), а претерит — суммарно (*Трижды оглянулся*)? Обозревая эти факты, приходим к выводу: все дело в характере видового признака, выражаемого перфектом и аористом в греческом, с одной стороны, перфективным презенсом и перфективным претеритом в русском, с другой стороны, восточнославянским и западнославянским перфективным претеритом, с третьей стороны. Учитывая характер подобных соотношений, считаем, что было бы неверно игнорировать или сводить к нет семантическую неоднородность парадигмы форм совершенного вида в русском языке, как это наблюдается в некоторых исследованиях (ср. [10]).

Теоретически важное с точки зрения потребностей настоящего анализа семантическое различие между аористом и перфектом в греческом, упомянутыми их аналогами в других языках заключено в абсолютности (перфект) и относительности, преходящести (аорист) выражаемого этими формами видового признака законченности. Вопрос решается, таким образом, на основе проникновения в механизм взаимодействия категорий вида и времени, понимания поступательных процессов видоизменения этого взаимодействия, затрагивающих систему определяющих друг друга категориальных смыслов и — в разной степени — их воплощение в поверхностной структуре (системе форм). По наш взгляд, противоположность

² Обстоятельное рассмотрение фактов такого рода дано в [9].

мнений относительно того, как в относительной хронологии распределялись категории времени и вида [11; 12], отражает прежде всего исходное совпадение, изначальный синкретизм в индоевропейской системе глагола этих категорий (ср. несколько специфическое истолкование этого факта Е. Куриловичем [13]). Наличие подобного синкретизма как фактора, регулирующего обусловленные отношения между видом и временем, требовало, чтобы конституирующим признаком вида (время сводилось к виду) была именно переходящая законченность: переходящий характер законченности определял относительный характер временного значения, а относительный характер временного значения требовал возобновляющегося, динамического характера законченности. Вот почему «вид с трудом может быть ограничен от времен, которые традиционная грамматика называет относительными и вторичными» [14]. Ср. также замечания о том, что относительная временная функция глагольных форм исторически обусловлена видовым признаком законченности [15]. Дальнейшее развитие привело к тому, что вид, расходясь со временем, преобразовал переходящую (относительную, динамическую) законченность (=видовой признак а о р и с т а; ср. отчетливо динамический характер аориста в сербохорватском [16]) в абсолютную (=видовой признак п е р ф е к т а), а время — относительное значение (ориентация на другой процесс, поступательность, ряд действий, а не на момент речи), соответственно, преобразовало в абсолютное.

Вследствие этой тенденции в восточной и западной славянских языковых областях система перфекта возобладали и постепенно вытеснила систему аориста-имперфекта; при этом западнославянский претерит принял на себя и прежнюю функцию аориста — выражать признак относительной, переходящей (и потому способной быть повторяющейся; ср. ниже) законченности. Русский перфективный претерит, напротив, не воспринял этой функции, целиком передав ее имперфективному претериту, который по этой причине, как аналог одновременно аориста и имперфекта, получил в системе статус формы, немаркированной по виду (*Я вам писал — В это время он писал письма другу*), а в употреблении дистрибуцию, аналогичную дистрибуции западнославянского перфективного претерита (*По вечерам он писал письма друзьям*). Следовательно, все дело в том, что признак относительной законченности и сменяющий его признак абсолютной законченности в ходе семантико-смысловой эволюции по-разному распределялись в глагольных системах, а в пределах последних — между глагольными формами, обуславливая специфику взаимодействия категорий вида и времени в употреблении членов видо-временных парадигм, отражающуюся в их избирательной дистрибуции.

Как ясно из сказанного, сдвиг типа «относительная → абсолютная законченность» в истории славянских языков отражался прежде всего в тех видоизменениях, которые претерпевала здесь система аориста-имперфекта. Столкнув абсолютное значение основ с относительным значением форм аориста и имперфекта и допустив на первых порах как компромисс прямое и перекрестное сочетание этих значений — образование имперфекта от основ совершенного вида и аориста от основ несовершенного вида, лингвистическая система затем двигалась к семантическому и формальному ограничению и устранению этого компромисса, вследствие чего славянские языки и отражают теперь различные степени снятия данного компромисса, ср. [17; 18]. Условно можно считать, что противоположными точками в этом движении являются русский и болгарский языки с формальной близостью последнего к старославянскому (сохранением паряду с системой перфекта стилистически неотмеченной претеритально-видовой оппозиции аориста-имперфекта), хотя в некоторых отношениях ближе болгарского к исходному состоянию, на наш взгляд, располагаются сербохорватский и словенский (при том, что в словенском и нет теперь системы аориста-имперфекта). По функциональным особенностям словенский язык, однако, близок к западнославянским языкам; такой же западнославянский язык, как серболужицкий, наоборот, ближе стоит к болгарскому и сербохорватскому, чем к чешскому и словацкому. Последние вместе

с польским заметно приближаются к русскому, но отличаются от него распределением видовых значимостей среди форм претерита. Сказанное здесь и выше, таким образом, в главном сводится к тому, что основное аспектуальное типологическое различие между русским и чешским и другими языками их языковых групп проходит через форму перфективного претерита. В русском языке перфективный претерит, реализовав сдвиг от относительной к абсолютной законченности, больше чем где бы то ни было оказался отличным от перфективного презенса, который, пережив подобный сдвиг, хотя и стал носителем значения будущего времени (ср. ниже), тем не менее сохранил способность обозначать преходящую законченность — или как единичный, точечный, момент настоящего (*Не моргнет, не дрогнет*), или как относительный момент ряда действий (*То сядет, то встанет*). Вследствие своей системно-смысловой архаичности точно так же, как, например, аорист в греческом или перфект в латыни, русский перфективный презенс характеризуется гномическим употреблением (*Ворон ворону глаз не выклюет*), и, как и аорист в древнегреческом, сочетаемостью с детерминантами повторяемости действия. Ср.: *Грузин тоже возьмется гуляющими хавроньями, хотя своих за калитку возьмет да и выгонит иногда* (Литературная газета, 1982, 17 II).

По той причине, что в русском языке перфективный презенс — форма, обозначающая прежде всего преходящую законченность действия, повторяемость, выраженная такой формой (*Часто придет, посидит, помолчит и уйдет; То ляжет, то встанет* и т. п.), отличается от суммарной повторяемости претерита (*Трижды оглянулся*) своей незакрытостью, относительностью, динамичностью. В сочетании, например, с частицей *бывало*, так же, как и с наречиями повторяемости *часто, иногда* и под., которые одновременно можно было бы рассматривать как показатели преходящести действия, происходит взаимное согласование значимостей формы и ее окружения. Ср.: *Заседатель земского суда как, бывало, попадет туда на следствие, так месяца два, три и не выедет: все по гостям...* (А. Писемский). Наблюдения над такого рода согласованием, как известно, используются для установления одной или нескольких системных характеристик формы; в данном случае они дают вскрыть ее аспектуальную специфику, состоящую в преходящести сигнализируемого видового признака законченности. Суммарная дистрибуция перфективного претерита в свою очередь — ввиду заключенного в показателях суммарности представления об абсолютности предела повторяемости — обнаруживает иной, абсолютный (перфектный) характер видового значения законченности этой формы. В области способов действия аналогичное различие между двумя типами законченности и, соответственно, повторяемости обнаруживается, например, между прерывисто-смягчительными глаголами, выражающими относительную законченность отдельных действий и потому незакрытую повторяемость (*постукивать, позвякивать, позевывать* и т. п.) и дистрибутивными глаголами, выражающими абсолютную законченность и потому — закрытую повторяемость (*потоптать, повьбрасывать, похватать, переколоть, переловить* и т. д.). Реальность обсуждаемого различия между преходящей и абсолютной законченностью как аспектуальными признаками отображают также оппозиции типа *пришел — приходил, слез — слезил* (на чердак), *слетел — слетал* (в магазин): в первом случае обозначена абсолютная, во втором — преходящая (и потому снятая) законченность.

Преходящая, относительная и абсолютная законченность различаются как законченность деятельности (→ пауза) и законченность бытия (→ старость, гибель, безвозвратная утрата чего-либо). Понятие абсолютной законченности формируется тогда, когда бытие становится содержанием, а деятельность — формой выражения этого содержания. Абсолютность бытия привносит атрибут абсолютности в деятельностные признаки, отображающие членение динамического ряда действий: преходящая законченность становится абсолютной — во времени может воспроизводиться только результат такой законченности (такова природа перфекта), а про-

ходящая незаконченность становится абсолютной незаконченностью — при этом утрачивается целевая направленность действия (ср. абстрактное значение презенса). Следует отметить, что в системе языка сдвиг от преходящей к абсолютной законченности влияет также на представление временного объема действия: в то время как преходящая законченность, будучи динамической, мыслится приуроченной к определенному моменту (*He вспомню*), абсолютная законченность, будучи статической, понятийно связывается с представлением о периоде действия. Отсюда отмеченная исследователями [19; 20] некорректность фраз типа *Вчера в 17 часов я написал роман*. Объем действия детерминирует объем периода (неделя, месяц, год и т. п.; ср. *Первый свой роман он написал в 1960 году*). Отсюда понятно также, почему вопрос о том, возможно или невозможно настоящее совершенное, решается по-разному: одни, признавая такое настоящее, ориентируются на признак преходящей законченности (см. использование в сербохорватских грамматиках термина *prava sadašnjost* 'истинное настоящее' для характеристики настоящего совершенного вида: *Zašto ne ideš?* 'Почему не входишь (букв. не войдешь)?' [21]), другие, отрицая настоящее совершенного вида, подсознательно ориентируются на абсолютную законченность, темпоральным соответствием которой может быть только план ненастоящего.

В силу тех же особенностей повторяться может относительная, а не абсолютная законченность. Из вышеизложенного ясно, что западнославянский претерит своей способностью сочетаться с наречиями повторяемости обязан тому, что по своей значимости от представляет собой форму действительности — обозначает преходящую (динамическую) законченность. Соответственно, итеративные глаголы, значение которых определяется как повторяемость всякий раз оконченного действия [22], мотивируются не абсолютной, а преходящей законченностью. Ввиду упомянутой значимости западнославянского претерита, в чешском и словацком языке (в польском — в меньшей степени) в системе глагола сфера семантико-смысловой мотивации итеративов является более определенной и широкой, чем в русском. Этим можно объяснить практически неограниченную производимость итеративов (фреквентативов), особенно в чешском языке. В русском языке итеративы (*читывают, писывают*) мотивируются значимостью не перфективного, а имперфективного претерита, проявляющего безразличие к признаку (преходящей) законченности; следовательно, мотивация в данном случае является не сильной, маловыразительной (ср. количественные различия в составе итеративов в славянских языках). Что касается южнославянских языков, в которых итеративов практически нет, то, как показывают наблюдения над русско-болгарскими и чешско-болгарскими переводами, в болгарском языке их отсутствие регулярно восполняется соответствующим употреблением имперфекта (*делвал — dělaval — правеше; бывал — býval — биваше* и т. п.). Вероятно, было бы ошибкой считать это соответствие случайным; более оправданный путь — подход к нему как к отношению взаимной мотивации функций и назначения упомянутых элементов (итеративов и имперфекта) в системе.

Такого рода соотношения показывают, что, несмотря на различия в поверхностной структуре — расхождения в составе и дистрибуции форм, в глубинной структуре системы славянских языков опираются на одни и те же элементы. По-видимому, стремление рассматривать итеративы как самостоятельный и значимый элемент структуры, в современной лингвистике проявившееся особенно в чешском лингвистике, а ранее свойственное отечественной (Павский, Аксаков, Потебня и др.) и вообще европейской лингвистике (Лескин), можно считать оправданным — в той его части, которая позволяет соотносить назначение итеративов в одной системе с функцией имперфекта в сохраняющей его другой системе. Чешский и словацкий, таким образом, «изъяв» оппозицию аорист — имперфект из поверхностной структуры, сохраняют ее в глубинной структуре, специализировав в качестве одного из аналогов имперфекта итеративы, а в качестве аналога аориста, как это ясно из вышеизложенного, перфективный претерит. При этом, судя по тому, какие значения имел в древнечеш-

ском имперфект [23], итеративы — это прежде всего аналог имперфекта совершенных глаголов; еще одним его аналогом, в некоторых славянских языках единственным, выступает имперфективный претерит.

Сдвиг от относительной (аорист) к абсолютной законченности (перфект) обуславливал также семантическое развитие перфективного презенса. Как аналог аориста перфективный презенс в системе исходно равнозначен актуальному или историческому настоящему совершенного вида, отмеченному или неотмеченному признаком соотносительности — указанием на ряд, поступательность или чередуемость действий. Как аналог перфекта перфективный презенс в системе, с одной стороны, б у д у щ е е (различие заключается только в порядке и аспекте распределения признаков действия и недействия — *перфект*: 1) действие (в прошедшем) ← 2) недействие (в настоящем); *перфективный презенс*: 1) недействие (в настоящем) → 2) действие (в будущем)), с другой стороны — абстрактное н а с т о я щ е е. С фактической стороны данное распределение признаков в видо-временных системах славянских языков достаточно полно описано в литературе (ср. [24]), и, как известно, служит одним из критериев их деления на северные и южные. Что касается сути различий в распределении указанных признаков от одного славянского языка к другому, то она, на наш взгляд, заключается в конкретных особенностях сдвига, преобразования одних признаков в другие.

Ясно, что речь должна идти прежде всего о путях преобразования признака преходящей законченности. Этот признак, ввиду его относительности, динамичности, представляет собой синтез законченности и незаконченности (такой синтез отражен, например, в русском *тянут* — *потянут*); это действие, которое закончено п о к а, но не закончено в о о б щ е, действие, которое еще будет продолжаться — само по себе или другим действием (ср. к этому устанавливаемую на основе переводов видовую двойственность греческого аориста или постулирование в теории его видовой немаркированности [8, с. 20—23; 25]). Таким образом, применительно к перфективному презенсу процесс абсолютизации признака преходящей законченности мог давать и давал, ограничивая их друг относительно друга, две реализации: 1) абсолютную законченность, системное соответствие перфекту и как отражение этого соответствия — значение будущего совершенного (ср. северные славянские языки); 2) абсолютную незаконченность, системным проявлением чего в видо-временной парадигматике выступает значение абстрактного настоящего (ср., главным образом, южные славянские языки). Это значение в качестве внутренней формы, т. е. дополнительного оттенка, в перфективном презенсе нередко отягчается представлением о преходящей законченности. Ср.: *Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные* (Пушкин); чешск. *Na každých sto dětí se narodí jedno se srdeční vadou* 'На каждых сто детей один ребенок рождается (букв. народится) с пороком сердца' и т. п. В свою очередь осмысление чешских форм типа *ponesu, povezu* как форм будущего несовершенного вида отсюда можно связывать с тем, что в сфере абсолютности самым вероятным коррелятом точечного ингрессивного действия является значение длительности (абсолютной неограниченности действия). О последнем можно судить по обратному соответствию «длительность → ингрессивное значение», устанавливаемому, например, при сличении польских текстов и их чешских переводов. Ср. *Czarna żółź mnie zalewa, jak o tym pomyśle, a ręka paskudnie świerzbi, aby się osobiście do tego perwersa zabrać* (H. Sekuła) 'Черная желчь меня заливает, когда об этом подумаю, и руки (букв. рука) предательски чешутся лично добратсья до этого ненормального' — чешск. *Jen na to pomyslim, zaplaví mě černá žluč a ruka mě začne zatraceně svrbět* (т. е. зачесется), *abych se osobně do toho tēplouě pustil*.

Как следует из сказанного выше, в видо-временной системе русского языка перфективный презенс отличается от перфективного претерита с его «перфектной» видовой семантикой (выражением абсолютной законченности) более архаичным, «аористным», видовым значением — признаком относительной законченности. В ряде случаев, однако, это различие сника

ется, и перфективный претерит как бы уравнивается с перфективным презентом, выступает в качестве его своеобразного субститута. Тот факт, что подобное употребление свойственно прежде всего языку фольклора (*Наш пострел везде поспел; Кто сознался, то покаялся* и т. д.), можно расценить как свидетельство исходности и архаичности значения переходящей законченности для перфективного претерита. Отмеченное употребление, однако, до сих пор сохраняется в разговорной речи; соотвествуя своей динамичностью потребностям публицистического стиля, оно широко проникает на страницы газетных публикаций. Ср.: *В последнее время мы спорим много, охотно и истоиво. О чем? Вот это сформулировать труднее — лишь ударил* (ср. ударит) *гонг, сзывающий спорщиков на ристалище, а они уже рвутся вперед* (Литературная газета, 1982, 17 II); *У завода словно пути на ногах: то не все продумал* (ср. продумает) *Госплан, то не приняли* (ср. не примут) *наших заказов заводы других отраслей, то поставили* (ср. поставят) *такой технический недоносок, что с ним одна возня, а толку никакого* (Известия, 1985, 17 XII).

В таком употреблении в качестве заместителя обычно (ср. примеры) предполагается форма перфективного презенса, а это значит, что в современной системе с видовой семантикой прежнего аориста перфективный претерит связан не непосредственно, а опосредованно — через временной план перфективного презенса. Поэтому по особенностям дистрибуции он существенно и отличается от западнославянского претерита (см. выше). Отсюда следует, что характер видového признака и конкретная системная значимость видовой формы зависят от ее временного плана в системе или функционирования: в плане прошедшего, как и его греческий аналог — перфект, в русском языке маркирован совершенный вид; наоборот, в чешском языке, как и его греческий аналог — аорист, в плане прошедшего совершенный вид является немаркированным. То, что в настоящем историческом (временной план прошедшего) в чешском и русском виды представлены противоположным образом [4, с. 296], свидетельствует именно об указанном распределении значимостей видových форм во временном плане прошедшего в этих языках. Ясно, что такие различия могут проявляться в разнообразных вариантах, поэтому в каждом случае вопрос должен решаться конкретно — по отношению к определенному славянскому языку и временному плану³.

Итак, к чему приводит все сказанное выше? Приняв во внимание одно из известных философских положений, согласно которому *логическое* (применительно к объекту и теме данных рассуждений — т и п о л о г и ч е с к о е) — это «выражение развитой структуры объекта», очищенное от непоследовательностей и противоречий *историческое* (см. [26]), изложение можно заключить следующим общим выводом: ориентиром развития видо-временных систем славянских языков был не только аорист (так считал, например, Т. Милевский [27], и это отражено, как мы видели, в значимости западнославянского перфективного претерита), но и перфект (что отражено, как мы видели, прежде всего в значимости восточнославянского перфективного претерита). Наличие двух ориентиров и, следовательно, возможности различных путей движения, обусловило те типологические (в узком смысле) различия видо-временных систем, часть из которых была обсуждена выше. В главном они сводятся к тому, что в южнославянском (в частности, в болгарском) отражено равновесие систем перфекта и аориста, в видо-временной системе западнославянского (в частности, в чешском и словацком) преобладают свойства аориста, в восточнославянской (русский язык) видо-временной системе — свойства перфекта.

³ Здесь мы не ставим перед собой такой задачи. В связи с изложенным отметим только, что в последнее время колебания относительно того, какой считать видовую оппозицию — привативной (с маркированным совершенным видом) или эквиполентной, например, у исследователей чешского языкового материала особенно значительны. Научные поиски, на наш взгляд, в конце концов должны завершиться признанием того, что в чешском языке маркированным является несовершенный вид (т. е. вообще признанием того, что в разных славянских языках виды маркированы по-разному).

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977, с. 94.
2. Иванчев Св. Морфо-семантико-функционалната теория на глаголният вид в славянските езици и спецификата на българския език. — В кн.: Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976, с. 134 и сл.
3. Смирнов Л. Н. Проблемы и задачи сопоставительной славянской аспектологии. — В кн.: IX Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 186.
4. Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
5. Петрухина Е. В. Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским. — В кн.: Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983, с. 152 и сл.
6. Масленникова Л. И. Заметки о лексико-синтаксическом способе выражения повторяемости в польском языке. — В кн.: Исследования по польскому языку. М., 1969, с. 104 и сл.
7. Смирнов Л. Н. Использование форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в словацком литературном языке. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 35, 1962, с. 31.
8. Кравар М. О сущности греческо-славянской видовой аналогии. — *Ziva antika*, 1982, god. 32, sv. 1.
9. Смирнов Л. Н. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским). — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 236—241.
10. Панова Г. И. К вопросу о повторяемости действия и глагольном виде в русском языке. — Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 439, 1978, с. 111—117.
11. Perbig G. Aktionsart und Zeitstufe. — *Indogermanische Forschungen*, 1896, Bd. VI, S. 157 ff.
12. Cerný J. O vzniku a vývoji gramatických kategorií. — *Slovo a slovesnost*, 1970. XXXI, № 3, s. 214, 216.
13. Kuryłowicz J. Problèmes de linguistique indo-européenne. Wrocław etc., 1977, p. 56.
14. Бояджиев Б. А. Аспектуални различия в някой съвременен език. — Трудове на висшия икономически институт «Карл Маркс», кн. V. София, 1982, с. 40.
15. Рябова Г. М. Соотношение категорий вида и времени в процессе их развития в немецком языке (на материале прошедших времен глагола). — Уч. зап. 1-го ЛГПИИЯ, новая серия, вып. II, 1955, с. 69.
16. Vuković J. Govorni kontakti i izražajni postupci markirani upotrebom srpskohrvatskih vremenskih glagolskih oblika. — *Studia z filologii polskiej i słowianskiej*, 7. Warszawa, 1967, s. 258.
17. Dostal A. Aorist a imperfektum v lužické srbštině z hlediska slovesného vidu. — *Slavica Pragensia*, I, 1959, s. 113—121.
18. Michalk Fr. Der Verlust der synthetischen Vergangenheitsformen im Norden des ober-sorbischen Sprachgebiets. — *Slavica Pragensia*, I, 1959, S. 103—112.
19. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975, с. 18.
20. Kučera H. A Semantic Model of Verbal Aspect. — In: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*, v. I. Linguistics. Columbus, Ohio, 1983, p. 179.
21. Vrabec I., Praste M., Živković S. Gramatika hrvatskosrpsoga jezika. Zagreb, 1965, s. 242.
22. Иванчикова Е. А. Использование многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX века. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. IV. М., 1957, с. 255.
23. Gebauer J. Bedeutung des altböhmisches Imperfects. — *Archiv für slavische Philologie*, 1903, Bd. XXV, S. 341 ff.
24. Кржижкова Е. Глагольный вид в ОЛА. — В кн.: Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
25. Ruizpérez M. S. Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo. Salamanca, 1954, p. 164.
26. Философский словарь. М., 1963, с. 179.
27. Milewski T. O genezie aspektów słowiańskich. — *Rocznik slawistyczny*, 1939, t. XV, s. 7.

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБЛАДАНИЯ И ПОСЕССИВНЫЙ ПЕРФЕКТ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В большинстве славянских (и шире — индоевропейских) языков основной посессивной глагольной конструкцией является предикативное словосочетание с глаголом 'иметь'. Оно выражает значение обладания. Имя посессора в этой конструкции выступает в роли подлежащего предложения, имя объекта обладания — в роли прямого дополнения (употребляется в форме винительного падежа в языках с падежной системой), отношение посессивности передается глаголом 'иметь'. Сказанное относится к германским, романским языкам, к чешскому, словацкому, словенскому, сербохорватскому, болгарскому, а также к литовскому языкам. В русском и латышском в составе основной посессивной конструкции используется глагол 'быть'. Соответственно различают 'иметь'-языки и 'быть'-языки [1]. Украинский, белорусский и в известной степени польский находятся в состоянии перехода от одного типа к другому (там продуктивны обе конструкции).

Примеры конструкции с глаголом 'иметь' в современных славянских языках:

Чешский:

а. Значение обладания при одушевленном посессоре: *Mám auto; Pavel má nový oblek; Ten má mnoho peněz; Má velmi pěknou sestru; Olga má černé oči; Máš výbornou pamět; Měl tísňovou předtuhu, že...; Mám mnoho gráce; Má kašel.*

б. Значение части целого при неодушевленном посессоре: *Jabloň má květy.*

в. Значение наличия: *Dnes máme středu* (в данном случае может употребляться и глагол *býti*: *Dnes je středa*).

Глагол *míti* и объект в винительном падеже могут распространяться предложно-падежной группой слов с обстоятельственным значением: *Ve sklepe máme pivo; V naší skupině máme Slováky; Na stole mám hodinky; V ruce má kytici; Pan Benda měl na sobě nové šaty; Mám klobouk na hlavě; Otce mám v Brně; Máme tu dokonce Kreml.*

В последнем примере может употребляться и глагол 'быть': *Je i u nás dokonce Kreml.* Точно также возможно *V naší skupině jsou Slováci.* Это предложение соответствует русск. *В нашей группе словаки*, в то время как приведенное выше *V naší skupině máme Slováky* означает *В нашей группе есть словаки* (т. е. 'некоторое количество словаков')¹.

¹ Эту разновидность конструкций с глаголом 'иметь' О. Н. Селиверстова называет посессивно-экзистенциальной, указывая, что в значении таких конструкций признак посессивности входит дважды он характеризует и объект, и пространство, в котором находится этот объект [2].

П о л ь с к и й:

a. Ty masz tylko jedną walizkę; Miał zegarek, ale popsuty; Musiałaby pani mieć wizę; Oni wszyscy mają jasne czupryny; Masz dobry wzrok; Stolnik miał jedyne dziecię; Ja miałam już narzeczonego; On ma żelazną wolę; Miał pewną delikatność; Miał grupę; U pasa miał kolka granatów; Miał na sobie sweter; Mam dziurę w butcie.

Значение обладания в польском языке может также выражаться и конструкцией, состоящей из глагола *być* и предлога *u* с родительным падежом: *Był ten bochen chleba u matki* (= matka miała ten bochen chleba); *U jednego był długi muszkiet*; *U stracha wielkie oczy*; *Ogórki są w sadzie u starego ogrodnika*.

б. *Stół ma cztery nogi*; *Dąb już nie miał gałęzi*; *Hotel ma elektryczność*; *Kilometr ma 100 metrów*.

В. *Mame wiosna*; *Mame ogórki w sadzie*. В значении наличия может употребляться также и глагол *być*: *Jest wiosna*; *Ogórki są w sadzie*. Однако при отрицании в польском языке возможна лишь конструкция с глаголом *mieć*: *Ogórków w sadzie nie ma*; ср. *Anna tu jest — Anny tu nie ma*.

У к р а и н с к и й, б е л о р у с с к и й:

Как уже говорилось, в этих языках также возможны обе рассматриваемые глагольные посессивные конструкции — и с глаголом 'иметь', и с глаголом 'быть' + предлог *у* + род. пад. Но если в польском явно преобладает конструкция с глаголом 'иметь', то в украинском это преобладание не столь очевидно, а в белорусском перевес уже на стороне конструкции с глаголом 'быть': укр. *Я маю гроші* и *У мене в гроші* (при отрицании используется только глагол 'иметь': *Батьків у тебе немає*); бел. *У мяне ёсць брат*, возможно также *Я маю брата*.

С е р б о х о р в а т с к и й:

a. *Он има кућу*; *Он има много новаца*; *Она има црне очи*; *Имала је много деце*; *Он има много познаника*; *Имам нездраву склоност ка мрачним предметима*; *Имам пороке, којима...*; *Људи, који имају реуматизам*; *Казаси имају шта да бране*; *На глави је имао црни шешир*.

б. *Касарна има велико двориште*; *Рајхстаг има свега три спрата*; *Град има дугачку историју*; *Авијација има много различитих авиона*.

в. *Данас имамо лепо време*; *Имате лифт у хотелу*.

В сербохорватском языке существуют также безличные экзистенциальные конструкции с глаголом *имати*: *На станици има носача*; *У Булгарској има све више нових школа*.

Сербохорватскому языку не чужда и конструкция с глаголом *бити*, предлогом *у* и родительным падежом имени посессора: *У бога су пуне руке*; *У Милице дуге трепавице*.

Б о л г а р с к и й:

Имаш ли тая книга?; *Баща ми има дългове*; *Имаше светли очи*; *Левски имаше весел нрав*; *Имам роднини*; *Имам заслуги*; *Аз имах чудна страст да шаря стените*; *Имах в ума си няколко разказа*.

В болгарском языке глагол *имам* также употребляется в безличных экзистенциальных оборотах: *Нощем има луна*; *Там имаше хиляди шумове*.

Значение обладания выражается в болгарском языке и конструкцией с глаголом 'быть' и предлогом *у*: *У кого е хляб?*; *Парите са у брат ми*; *У жените любопитство беше голямо*.

В глагольную конструкцию обладания с 'быть' может также входить дательный падеж имени посессора: *Къде ти е пушката?* Ср. русск. *Где у тебя ружье?* Но в приведенном примере болгарская форма *ти*, особенно при изменении порядка слов в предложении (*Къде е пушката ти?*) может трактоваться не как дательный падеж, а как краткое притяжательное местоимение. В таком случае все предложение (глагольное словосочетание) выражает не обладание, а бытийность; посессивность же выражается местоименной конструкцией *пушката ти*.

Во всех славянских языках в случае отрицательной формы глагола 'иметь' прямое дополнение ставится не в винительном, а в родительном падеже. Исключение составляет чешский язык, где винительный падеж сохраняется и при отрицании. Отрицательная частица в некоторых язы-

ках (чешском, болгарском, сербохорватском) пишется слитно с глаголом, а в болгарском она к тому же из *не-* превращается в *ня-*: пол. *Nie innego rap nie ma; Nie mam czasu*; чеш. *On nema dobry rozum; Neměl žádný šaty*; схрв. *Он нема куће; Он нема ни оца ни мајке, Са њима немам посла, Грађани немају могућности да се хране код куће*; болг. *Господ няма уши за бедните; Нямам работа; Сладолед нямаме*.

В современном русском языке посессивная конструкция с глаголом 'иметь' употребляется преимущественно в книжном стиле речи, особенно в сочетаниях с существительными неодушевленными и абстрактными, а также в составе фразеологических оборотов: *Тогда имели вы хоть жалость, хоть уважение к летам; Он имеет право; Имею собственное мнение; Это правило имеет ряд исключений; Толпа имела форму клина; Все люди имеют недостатки; Башня имеет сто метров в высоту; Она имела основание упрекнуть его; Имею возможность приехать и пр.*

Глагол *иметь* образует живую посессивную конструкцию чаще всего в форме инфинитива: *Хочу иметь друга; Не хочет иметь детей; Мне хотелось иметь заместителя; Иметь лодку нам не запрещено* и пр. Сфера применения глагола *иметь* расширяется также в императиве: *Всегда имей при себе документы*. Ср. также употребление императива в условном значении: *Имей он терпение, все сложилось бы иначе*.

Основной глагольной посессивной конструкцией, выражающей значение обладания, в русском языке является конструкция, состоящая из глагола *быть*, предлога *у* с родительным падежом имени possessора и именительного падежа имени объекта обладания: *У меня есть брат; У Берга были деньги; У вас с ним есть общие черты; У него только двое детей; У меня отец в Америке; У него есть друзья в разных местах; У нас дача на берегу моря; У них свадьба через месяц* и пр. [1; 3; 4]. В книжном, официальном языке вместо *есть* употребляется *имеется*: *У меня имеется собственное мнение; В стене имелось отверстие* и пр.²

Облик глагола *быть* в настоящем времени обуславливается определенными семантико-синтаксическими условиями. В случае, когда сообщается лишь о постоянном наличии, существовании у possessора объекта обладания, употребляется форма *есть*: *у X есть Y*. Если же сообщается, какой именно объект обладания имеется у possessора, то глагол *быть* опускается: *у X Y*. Ср. *У вас есть дети?* (объект обладания качественно и количественно не идентифицирован) и *У него двое детей (сыночек)* (объект обладания идентифицирован). То же: *У него есть седые волосы, оригинальные мысли, друзья на работе* и пр. (объект обладания выражает неопределенность); *У него седые волосы, оригинальные мысли* (нет неопределенности). При трансформации в отрицательную форму различие значений проявляется явственно: *У него нет седых волос* и *У него не седые волосы*.

Кроме того *есть* обычно не употребляется с абсолютно неотчуждаемыми объектами обладания: *У Наташи голубые глаза; У него прекрасная память; У него доброе сердце* и пр. — ср. *У него есть жена и дети* — с относительно неотчуждаемым объектом и *У него есть деньги; У Феди есть велосипед* и пр. — с объектом отчуждаемой принадлежности. Ср. также различие значений между *У меня есть новый костюм* ('я им владею') и *У меня новый костюм* ('на мне надет'); *У меня есть автомобиль* ('я им владею') и *У меня автомобиль* ('в данный момент находится в моем распоряжении'). Эти варианты посессивной конструкции с глаголом *быть* в презенсе подробно описаны в лингвистической литературе [1; 4; 6—9].

В отрицательном предложении настоящее время глагола *быть* представлено формой *нет*, объект обладания употребляется в родительном падеже; *У меня нет времени; У него нет сил*.

В прошедшем времени глагол *быть* имеет форму *был*, *-а*, *-о*, *-и* с нормальным отрицательным вариантом *не был*, *-а*, *-о*, *-и*: *У него были жена и ребенок; У него не было времени* и пр.

² Посессивное значение у генитива с предлогом *у* развилось из локативного, пространственного значения в результате постепенного семантического преобразования экзистенциальных конструкций с локативным определением, выраженным предлогом *у* и родительным падежом. См. об этом, в частности, [5].

Интересно сопоставление с другим 'быть'-языком — латышским, в котором для выражения обладания употребляется конструкция с глаголом 'быть', состоящая из формы дательного падежа имени possessора без предлога, неизменяемой по числам глагольной формы *ir* (наст. вр., 3 л.) и формы именительного падежа имени объекта обладания: *Man ir tēva* 'У меня есть отец' (букв. 'Мне есть отец'); *Silvēkam ir glava* 'У человека есть голова'; *Brālim ir istaba* 'У брата есть комната'; *Galdam ir kājas* 'У стола есть ножки' и пр. В отрицательном предложении вместо *ir* используется *nav*, а имя объекта обладания ставится (как и в русском языке) в родительном падеже: *Man ir draugs* 'У меня есть друг' — *Man nav drauga* 'Мне нет друга' = 'У меня нет друга'. Особого глагола для выражения значения обладания, такого, как русск. *иметь*, англ. *have*, нем. *haben* и пр., в латышском языке нет [10].

В литовском же, близкородственном латышскому, положение иное, там обладание выражается конструкцией с глаголом 'иметь' и винительным падежом имени объекта обладания: *Aš turiu brolių* 'Я имею брата'. При отрицании имя объекта обладания ставится в родительном падеже: *Aš neturiu brolių*. В литовской разговорной речи встречается конструкция типа *У меня есть брат* — *Pas mane yra brolis*, но это кальки — русизмы и диалектизмы, находящиеся за пределами литературной нормы.

Ряд исследователей рассматривает обсуждаемую русскую глагольную possessивную конструкцию с предлогом *у*, родительным падежом имени possessора, глаголом *быть* и именительным падежом имени объекта обладания как бытийные предложения личной сферы [11; 12]. Н. Д. Арутюнова и Е. Н. Ширяев называют сочетание «*у* + род. пад. имени possessора» личностным локализатором, а все другие предложные сочетания — пространственными локализаторами. Пространственные и личностные локализаторы могут совмещаться: *У меня в кошельке нет мелочи*; *У него в портфеле интересная книга*. Личностный локализатор может трансформироваться в притяжательное местоимение — определение к пространственному локализатору: *В моем кошельке нет мелочи*; *В его портфеле интересная книга*.

Бытийные предложения личной сферы содержат высказывания различного содержания:

а. О ближайшей предметной сфере человека — о том, как человек одет, что он держит в руках, что у него в сумке, в кармане и пр. Личностный локализатор может быть распространен пространственным с различными предлогами: *На голове у него была фуражка*; *В руках у нее были еловые ветви*.

б. О личном составе микромира человека: *У нее есть родственники*; *У мальчика нет матери*. Эти предложения не терпят перестройки методом инверсии типа *У меня есть книги* → *Эти книги мои*. Здесь возможна лишь трансформация типа *У меня есть сестра* → *Это моя сестра* (* *Эта сестра моя* не соответствует норме русского языка).

в. О наличии внешних обстоятельств и событий в жизни человека. Здесь имя объекта обладания не предметно, семантика его событийна: *У меня есть работа*; *У него большие надежды на будущее*.

г. О физических свойствах и облике человека: *У него длинный нос*; *На лице у нее была родинка*.

д. О физических состояниях человека: *У меня жар*; *У него не было кори*. Возможны предложения с двойным локализатором: *В глазах у меня круги*.

е. О внутреннем мире человека: *У тебя есть совесть?*; *У него плохой характер*; *У нее есть вкус*. Здесь часто встречается двойной локализатор: *У нее на душе (в сердце, в груди, в мыслях и пр.) была радость*.

К этому разряду можно отнести и предложения модального содержания. Имя объекта обладания в них имеет модальное значение и подчиняет себе инфинитив, придаточное предложение или существительное (чаще всего — отглагольное): *У меня нет возможности приехать*; *У них есть сомнение в том, что эти планы осуществляются*; *У вас не было повода для ссоры*.

Н. Д. Арутюнова и Е. П. Ширяев установили, что бытийные предложения с личностным локализатором имеют несколько коммуникативных разновидностей:

а. Нейтральные формы, в которых реме соответствует глагол *быть* в совокупности с именем объекта обладания: *У нас есть дача.*

б. Актуализован глагол: *А деньги у меня есть, чтобы купить, что будет нужно.*

в. В коммуникативный фокус попадает локализатор, указывающий на посессора: *У кого есть машина? — Машина есть у Сергеева.*

г. Посессивные предложения не употребительны в интродуктивной функции, хотя ее допускают: *Была у меня в детстве одна мечта.*

д. При актуализации качественного определения к имени объекта обладания предложение утрачивает черты бытийного типа, оставаясь посессивным: *Отец у нее старый*; ср. в 'иметь'-языках: пол. *Mam oszu zielone*; чеш. *Otce má starého* и пр. Ср. также пол. *Mam ojca wójtę*; чеш. *Otce má učitelem* при качественном определении к имени объекта обладания, выраженном существительным в творительном падеже.

е. При актуализации количественного определения посессивные предложения сохраняют основные черты бытийной структуры: *Книг у него несколько тысяч.*

Во многих 'иметь'-языках есть специальные переходные глаголы владения, образующие конструкции, параллельные рассматриваемым: чеш. *vlastnit*; пол. *posiadać*; схрв. *posjedovati*; нем. *besitzen*; англ. *own*. В русском языке нет переходного глагола владения, глаголы *владеть* и *обладать* управляют творительным падежом. Это еще одно отличие русского языка от 'иметь'-языков.

В некоторых 'иметь'-языках существует тесная связь между глаголами 'иметь' и 'получать'. Например, в английском языке форма настоящего времени от *have* синонимична перфектной форме от *get*: *I have some money = I have got some money*. Исходное значение 'получать, добывать' в глаголе *get* стерлось. В 'иметь'-языках нормально соотношение типа чеш. *Mám nápad — Dostal jsem nápad*; нем. *Ich habe eine Idee — Ich bekam eine Idee*; англ. *I have an idea — I got an idea*. По-русски же невозможно **Я получил идею* (русским соответствием будет *Мне пришла в голову идея*), так как в русском языке глагол *получить* не имеет структурного сходства с *иметь* и *быть*; он коррелирует с такими глаголами, как *дать, подарить, послать, отправить, вручить*. При них обязателен дательный падеж адресата, это совсем другая, не посессивная конструкция.

В 'иметь'-языках глагол 'давать' тесно связан в одном из своих употреблений с глаголом 'иметь': чеш. *Mám s tím hodně práce — To mi dá hodně práce*. В русском аналогичные конструкции с *давать* немыслимы (**Это мне дает много возни*), так как *быть* не коррелирует с *давать*. Глаголы *иметь* и *давать* иногда соотносятся друг с другом (*иметь/давать право; иметь/давать слово*), но абсолютно нет корреляции между конструкцией «у + род. пад. + *быть*» и *давать*.

В 'иметь'-языках глаголы 'получить' и 'давать' могут считаться разными модификациями глагола 'иметь': чеш. *Dostal jsem injekci — Dali mi injekci*; англ. *I got a shot — They gave me a shot*. В русском невозможно **Я получил укол* или **Мне дали укол* (надо: *Мне сделали укол*). В современных чешском и словацком языках развились особые 'давать'-конструкции, эквивалентные 'иметь'-конструкциям: чеш. *Dali jsme si gulaš a pivo = Měli jsme gulaš a pivo* (ситуация в ресторане). В русском языке **Мы дали себе гуляш и пиво* немыслимо.

Как видно из изложенного выше, в 'иметь'-языках глагол 'иметь' вступает в различные синтаксические и семантические отношения с глаголами 'получать' и 'давать' и употребляется в различных конструкциях, которые нельзя считать чисто посессивными.

В современном русском языке, 'быть'-языке, положение с глаголом 'иметь' иное. Существуют и 'быть'-конструкция (*У Ивана есть недостатки*), и 'иметь'-конструкция (*Иван имеет недостатки*). Различия между этими конструкциями только стилистические — в русском языке наблю-

дается много случаев, когда конструкции с глаголом *быть* нет соответствия с глаголом *иметь*: *У него хорошее настроение, но невозможно *Он имеет хорошее настроение.* С другой стороны, есть немало конструкций с *иметь*, для которых нет соответствий с *быть*: *Книга имеет много иллюстраций, но нет *У книги есть много иллюстраций* (здесь посессор — неодушевленное существительное)³. Хотя во многих случаях обе конструкции стилистически нейтральны и могут считаться взаимозаменяемыми, преобладает 'быть'-конструкция. Областью использования 'иметь' конструкции является преимущественно язык газет и научной прозы, а область предлога *у* с родительным падежом и глаголом *быть* — разговорная речь и язык художественной литературы. Иначе говоря, конструкция с глаголом *быть* и предлогом *у* с родительным падежом в ее различных описанных выше вариантах употребляется гораздо шире, чем конструкция с личными формами глагола *иметь* и именем посессора в именительном падеже. Таким маргинальным положением глагола *иметь* в посессивных конструкциях и преобладанием глагола *быть* с предлогом *у* и родительным падежом русский язык отличается от всех остальных славянских и вообще индоевропейских языков, выступая в качестве типичного представителя 'быть'-языков [1; 3; 13].

Во многих славянских языках имеется также предикативно-атрибутивная посессивная конструкция с глаголом 'иметь'. В ней глагол 'иметь' с объектом в винительном падеже распространяется существительным в творительном падеже или прилагательным, согласованным с именем объекта, или предложно-падежной группой, выражающей определительное значение: чеш. *Otce má učitelem; Srdce má dobré; Otce má starého; Papírů má v pořádku.*

Отметим важную роль актуального членения предложения в организации разновидностей конструкций с глаголом 'иметь'. Перемещение центра сообщения с одного элемента на другой вызывает изменения в порядке слов и логическом ударении (чеш. *Otce má starého — Má starého otce*) и превращает конструкцию из предикативно-атрибутивной в простую глагольно-субъектную. Напомним, что то же относится к различию соответствующих русских глагольных конструкций с предлогом *у* и родительным падежом: ср. *У него отец старый* и *У него старый отец.*

Примеры предикативно-атрибутивной конструкции с глаголом 'иметь' в польском языке: *Mam ojca wójtem; Miał swego syna zakładnikiem; Nie chciał mnie mieć uczestnikiem swojej zabawy; Mam oczy zielone; Mam buty dziurawe; Brwi miał wielkie.*

В польском языке конструкция с творительным падежом существительного является устаревшей, в настоящее время вместо творительного чаще используется винительный: *Miał matkę Polkę.* Это еще один структурный тип посессивной конструкции с глаголом 'иметь'.

В русском языке также имеется глагольная посессивная предикативно-атрибутивная конструкция; в ней участвует глагол *быть*, посессор выражен генетивом с предлогом *у* и выполняет функцию определения к подлежащему предложения (имени объекта обладания). При этом в состав предикативно-атрибутивной конструкции входят существительное или прилагательное, согласованные в роде, числе и падеже с именем объекта обладания: *У нее отец — видный злижик; Глаза у нее светлые; Школа у нас не маленькая; Интересы у нас общие* и пр. [3; 4].

В 'иметь'-языках глагол 'иметь' давно получил тенденцию к грамматикализации. Проникая в грамматическую систему, он становится показателем временных форм и различных модальностей. Так, эти языки используют 'иметь' для выражения долженствования: чеш. *máš odpovídat;* пол. *mamy przysięć;* англ. *You have to answer.* В русском, вообще говоря,

³ Здесь возможна только локативная (экзистенциальная, а не посессивная) конструкция с глаголом *быть*: *В книге есть много иллюстраций.* Однако далеко не всем локативным конструкциям с глаголом *быть* можно поставить в соответствие конструкции с *иметь*: *При доме есть сад, но невозможно *У дома есть сад.* Ср. чеш. *Dům má záhradu;* нем. *Das Haus hat einen Garten;* англ. *The house has a garden* — в 'иметь'-языках.

есть сочетания инфинитива с *иметь*, но это редкое, устаревшее выражение, по-видимому, заимствованное из немецкого. В романских языках 'иметь' + + инфинитив или конъюнктив стали грамматическими показателями будущего времени.

Болгарский глагол *имам* может также употребляться — в разговорной речи — для выражения будущего времени: *имам да кажа* = *ще кажа*. При отрицании форма этого типа употребляется даже чаще, чем форма с *ще*: *ням да кажа* вместо *не ще кажа* [14, с. 248].

В большинстве 'иметь'-языков развились составные аналитические глагольные формы (так называемые перфектные формы), в которых 'иметь' выступает в качестве вспомогательного глагола: фр. J'ai fait; англ. I have done; нем. Ich habe gelesen и пр. Наряду с этим в западноевропейских языках существуют каузативные причастные обороты типа англ. I have it done 'У меня это сделано'; She had a dress made 'Ей сшили платье'; They had their photo taken 'Они сфотографировались', в которых глагол 'иметь', хотя и не является полностью полнозначным глаголом, все же не может рассматриваться как чисто вспомогательный, каковым он оказывается в аналитических перфектных формах (англ. I have done it; She had made a dress). В каузативных конструкциях глагол 'иметь' выражает значение обладания объектом; причастие обозначает состояние, в котором находится этот объект в данный момент; это состояние представляет результат предшествующего действия, субъект которого может не совпадать с подлежащим глагола 'иметь'. Так, англ. She had a dress made не означает, что она сама сшила платье. От аналитических глагольных форм рассматриваемые обороты с предикативным причастием отличаются не только по значению⁴, но и формальными признаками — в английском, например, порядком слов: предикативное причастие стоит в конце предложения после объекта, а причастие в составе сложной глагольной формы следует за вспомогательным глаголом (ср. I have it done и I have done it). Рассматриваемые обороты с предикативным причастием принято называть посессивным перфектом. Значение посессивности в них было отмечено еще А. Поттом, который писал: «Действие, особенно когда оно завершено, как это имеет место в перфекте, вполне хорошо может быть представлено в образе собственности, приобретенной действующим лицом и ему принадлежащей» [16, с. 291—292]. При этом идея посессивности не сводима здесь к реальному или метафорическому обладанию, она должна, считает Ю. С. Маслов, «пониматься как определенная заинтересованность лица в действии или в его результатах, как нахождение действия в сфере субъекта (оттенок, напоминающий семантику среднего залога в греческом), наконец, как момент эмоционального отношения к сообщаемому, подобно тому, который выражается так называемым *dativus ethicus*» [17, с. 96].

Посессивный перфект развился и в славянских языках, в которых нет аналитических перфектных форм с глаголом 'иметь'. Например, в чешском и словацком встречается конструкция, состоящая из глагола 'иметь', винительного падежа объекта и согласованного с ним в роде, числе и падеже пассивного причастия прошедшего времени совершенного вида: чеш. Máte už žadost podanou?... Co mám přišito na klobouce...; Já mám lakázano, abych tu čekal; Mám tady napsáno, že... [18]; словц. Mám polievku uvarenú; Mám peniaze odložené; Otec má ruku napuchnutú; Máš to tú napísané.

В словацком языке эта конструкция уже считается литературной, в чешском она широко употребляется в разговорной речи, но остается в субстандарте. Е. Паулини называет эти формы стативным перфектом, или перфектом состояния [19].

Подобную причастную посессивную конструкцию можно встретить также в польском языке: Mam to posprzątano; Raznokcie miała przycięte krótko; Włosy miał już dobrze przyprószone siwizną.

⁴ Заметим, что и в аналитических перфектных формах глагола также есть значение посессивности. Э. Бенвенист пишет, что в индоевропейских языках перфект есть форма состояния, связанного с обладанием [15].

В болгарском и македонском языках также есть посессивный перфект, представляющий собой сочетание глагола *има́м* с пассивным причастием прошедшего времени на *-н/-т* и именем объекта обладания в общем падеже (или — в случае личного местоимения — в винительном падеже). Первое описание этой конструкции было дано в студенческой работе Г. Поповой [20]. С тех пор появились многочисленные статьи о глаголе *има́м* + причастие на *-н/-т* в болгарском и македонском литературных языках и в болгарских и македонских говорах [21—26]. Большинство исследователей считает, что это сочетание имеет значение перфекта, т. е. обозначает совершенное действие в прошлом, результат которого актуален для настоящего времени. Однако относительно грамматического статуса конструкции высказываются различные точки зрения. Одни (например, И. Пенчев) относят это сочетание в болгарском языке к свободным синтаксическим сочетаниям слов, другие (например, Т. Бояджиев) видят здесь аналитическую форму слова, третьи (например, В. Георгиев) склонны считать, что «*има́м* + причастие на *-н/-т*» находится в состоянии перехода от синтаксического сочетания слов в аналитическую форму слова. Данная конструкция в македонском языке почти всеми оценивается как глагольная форма — новый перфект, отличный от старого с глаголом *сум* и причастием на *-л*. Дело в том, что в македонском языке и в его диалектах причастие на *-н/-т*, сочетаясь с глаголом *има́м*, остается, как правило, не согласованным в роде и числе с именем объекта обладания; оно выступает в форме ср. рода ед. числа независимо от рода и числа объекта обладания: *...го имаше запазено само ликот* (м. р.) *на мајка си*; *Той имаше изнесено стотици* (мн. ч.) *оки компири*; *Човекот има видено нешто* (ср. р. ед. ч.); *...ти ја* (ж. р. ед. ч.) *имаш потпишано*; *... имаме сторено клетфа*; *Јас имам читано статии*; *... некаја пастрма смрадена имаш донесено*; *...ја нема слушнато пресудата*; *Одамна го немаше видено*.

Возможно употребление «*има́м* + причастие от переходного глагола» без объекта: *Имало ли родено она порано?* Известны и случаи согласования причастия с именем объекта: *Свиња да имаш врзана со долга ортома*; *Во тој грб имало некој дервнш закопан*; *Тамо има една софра ставена*; *Имаш бележани белешки*. Редко, но засвидетельствованы случаи употребления в составе данной конструкции причастий от непереходных глаголов: *има́м дойдено*, *има́м одено*, *има́м бегано*; *Јаска имам одено на моарабеа*; *... дали нема дойдено некој од В.* (примеры цит. по: [22; 25; 26]).

Считается, что сочетание «*има́м* + причастие на *-н/-т*» появилось в македонском языке сравнительно недавно, вероятно, в результате контактов с другими балканскими языками — романскими, албанским, греческим. В. Георгиев указывает на греческую форму результата, в котором участвует глагол $\epsilon\chi\omega$ и пассивное причастие прош. времени; такая же форма есть в албанском (*kam bërë*).

В болгарском языке положение рассматриваемой конструкции гораздо менее стабильно, чем в македонском. Она часто встречается в народных говорах и в разговорном языке, но литературного гражданства еще не получила. Исследователи приводят редкие примеры из произведений Хр. Ботева, Ив. Вазова, Зах. Стоянова. Однако в письменном научном и канцелярском стиле сочетание «*има́м* + причастие на *-н/-т*» не избегается. В. Георгиев приводит много примеров из научных работ, канцелярских записей и — главное — из устной разговорной речи. При этом в болгарском языке посессивный перфект образуется исключительно с помощью причастий от переходных глаголов, и эти причастия в подавляющем большинстве случаев согласуются с именем объекта: *Ние имаме допуснати много грешки*; *Аз ги (песните) имам сѐщо записани*; *Аз имам приготвени лекции до 1948 г.*; *Той има изработен материал*; *Имам изготвен един широк план*; *Имам обявен конкурс по българска история*; *Той имал предвиден доклад по животновъдство*; *Ние имаме въведена лятна учебна практика*; *При обявяване на войната Русия имала съсредоточена в Бесарабия една армия*; *Имам дадено тук едно заявление* [22].

В. Георгиев считает, что в подобных сочетаниях болгарского языка часто еще ощущается собственное лексическое значение глагола *има́м*.

В сочетании со значением достигнутого результата и принадлежности этого результата субъекту действия создается характерная семантика конструкции, которую мы называем посессивным перфектом.

В болгарской разговорной речи отмечаются редкие случаи несогласованного причастия, имеющего форму ср. рода ед. числа: *Тук имаме посочено елен-рогач*. Редки также случаи употребления «имам + причастие» без объекта: *Имате ли написано?* На основании этих фактов В. Георгиев делает вывод о том, что в настоящее время в разговорной болгарской речи происходит процесс перехода конструкции «*имам* + причастие на -н/-т» из свободного синтаксического словосочетания в аналитическую глагольную форму слова. Этим обстоятельством болгарский язык для нас очень интересен, ибо грамматические формы перфекта в романских (в том числе в румынском), германских и в значительной степени в македонском языках являются производными от рассматриваемой конструкции; в них стирается явно посессивное значение, заменяясь чисто грамматическим — будь то результативность или временная отнесенность⁵.

В русском языке пассивное причастие прошедшего времени проникает в конструкцию «*у* + род. пад. + *быть*»: *У него уже прочитана вся литература; У меня работа не начата; У меня деньги отложены; У нас уже было решено*. Семантическое сходство этой конструкции с западноевропейским посессивным перфектом впервые было отмечено еще в 1852 г. С. Шафрановым. В дальнейшем предикативные причастия с посессивным значением исследовались Ф. И. Буслаевым, А. А. Потебней, П. С. Кузнецовым, В. И. Борковским, С. П. Обнорским, Ф. П. Филиным и др. Особенно распространен посессивный перфект (в его многочисленных разновидностях) в говорах — более всего в западных севернорусских и среднерусских. В последнее время ему посвящен целый ряд интересных работ [28—31]. Причастия, участвующие в диалектных конструкциях посессивного перфекта, могут быть образованы либо суффиксами -н-, -ен-, -т- (страдательный залог), либо суффиксами -вш-, -и- (действительный залог). По значению в составе этих конструкций они не различаются, ср. *У него уйдено* и *У него ушетчи*, одинаково значащие 'Он уже ушел, он сейчас отсутствует'. Исследователи единодушно отмечают характерную особенность посессивного перфекта, состоящую в том, что субъект действия (посессор) выражен почти исключительно одушевленными существительными (как правило, названиями лиц, иногда животных) или личными местоимениями; *Привязана у Коли с Ленинграду жонка* (жена Коли); *Штопки-то обои у крѣсной унесѣны* (щетки крестной); *У меня уже два платья сношено* (мои платья); *У его корову украто* (его корова); *У нее мужа убито* (ее муж); *Погибши сын у меня* (мой сын); *У меня уже корова подоивши* (моя корова); *У волкоф кошку съидено* (волки съели); *У девушки уехано* (девушка уехала); *Ночь у меня не спано* (я не спала); *У меня забыто* (я забыла) и пр. Чрезвычайно редко встречаются предложения с неодушевленным субъектом: *Тут у трактора проишло* (трактор проехал); *Фсѣ у власти дано* (власть дала) (примеры цит. по: [17; 28 — 31]).

Как уже было сказано, общее значение причастных конструкций рассматриваемых типов — состояние в настоящем, являющееся результатом действия, совершенного в прошлом. Посессивность означает принадлежность этого состояния (результата действия) субъекту действия, действие представляется как принадлежащее субъекту, находящееся в его владении. В этом смысле субъект действия может быть назван посессором⁶.

В зависимости от переходности или непереходности глагола, от которого образовано причастие, от наличия или отсутствия в предложении грамматического подлежащего, от наличия или отсутствия согласования причастия с именем объекта, можно выделить следующие структурные типы конструкций с посессивным перфектом:

⁵ О грамматическом значении категории перфекта как временной отнесенности, в частности в английском языке, см. [27].

⁶ Ср. мнение А. А. Потебни, который считал, что в конструкциях с сочетанием «*у* + род. пад.» различаются значение лица — обладателя состояния (значение «*у* кого») и значение действующего лица («*кем*») [32].

1. Объектный тип (причастие образовано от переходного глагола).

1.1. Объект действия (он же объект обладания) служит грамматическим подлежащим предложения и стоит в именительном падеже.

1.1.1. Причастие согласовано с именем объекта: *Хороший муж был: век у меня кости не биты, не ломлены; У этого мужика иконы пропиты.*

1.1.2. Причастие не согласовано с именем объекта: *Муж-то у ней убито; У Шурки приведено своя старая невеста.*

Смысловые отношения между субъектом действия (посессором), скажемым и объектом действия могут быть аналогичны отношениям этих компонентов в страдательном обороте в литературном языке: *У этого мужика иконы пропиты — Этим мужиком иконы пропиты; У меня самовар согрелши — Мною согрет самовар.* Но в отличие от значения пассивного оборота в литературном языке, в диалектах сочетание «у + род. пад.» не обязательно обозначает реального деятеля, скорее это лицо, в интересах которого совершено действие, лицо, располагающее результатом действия, но при этом и само это лицо может принимать участие в действии.

1.2. Объект действия (он же объект обладания) стоит в винительном падеже, предложение не имеет подлежащего и является безличным: *У его корову украли; У нее мужа убито; У меня на железной дороге руку сломано; У волкоф кошку съидено.*

Встречаются случаи, когда по форме не ясно, винительный это падеж или родительный: *У нее мужа убито.* Обычно для подобных причастных посессивных конструкций характерен родительный партиципный, здесь же нет значения партиципности, следовательно, это винительный падеж. Часты также случаи, когда не ясно, имеется ли винительный или именительный: *У меня положено соль; Самовар-то поцинёно у нас; Армяк у меня им дано; У меня два платья сношено; У меня надевши валенки.* Представляется, что бесспорный именительный падеж можно видеть там, где есть согласование хотя бы вспомогательного глагола с именем объекта обладания: *Кровать была куплено у ей.* При этом причастие может оставаться несогласованным (ср. 1.1.1 с согласованным причастием). В случае полного отсутствия согласования классификация причастных оборотов возможна лишь по смыслу.

1.3. Объект действия (он же объект обладания) стоит в родительном падеже, предложение безличное: *У меня пробовано аспиристу этого; У ней всякого варенья наварено; Луку у меня вытаскано на потолок.*

2. Безобъектный тип (причастие образовано от переходного и непереходного глагола).

2.1. Непереходный.

2.1.1. Объект обладания обозначает активного деятеля.

2.1.1.1. Является грамматическим подлежащим и стоит в именительном падеже: *Погибши сын у меня* (= Мой сын погиб); *Где у ей муж столько лет уехавши* (= Ее муж уехал); *У меня были свои приехавши* (= Мои родственники приехали).

2.1.1.2. Стоит в родительном падеже: *У них приехано гостей* (= К ним приехали гости).

2.1.2. Посессор обозначает активного деятеля, предложение является безличным.

2.1.2.1. Причастие не имеет частицы *-ся*: *У меня было плакано* (= Я плакала); *У меня уже встано было* (= Я уже встала); *У Катьки замуж выйдено* (= Катька вышла замуж); *С сельсовету уже уехано у них* (= Они уехали); *У девок с городу приехано* (= Девки приехали); *У пса убежано* (= Пес убежал); *У него ушетчи* (= Он ушел). Сюда же относятся приведенные выше примеры с неодушевленным посессором *Тут у трактора пройизано* и под.

2.1.2.2. Причастие имеет частицу *-ся*: *У меня выспанось-то теперь* (= Я выспалась); *Там у хозяйки отстряпанось* (= Хозяйка отстряпалась); *У коты на печку забранось* (= Кот забрался).

2.2. Переходный. Этот тип переходного перфекта может иметь такое же значение, как и безобъектный непереходный с посессором, обозначающим

активного деятеля, в безличном предложении: *У них еще не пахано; У меня стирано; Это не у меня, у сестры вышито; У деда-то наудивши.*

Заметим, что в безобъектных причастных конструкциях значение деятеля выступает явственнее, чем значение результата действия, находящегося во владении субъекта действия.

Подобные безобъектные безличные причастные обороты, но, естественно, с глаголом 'иметь' имеют также в чешском (литературном) языке: *Mám uklíženo — У меня убрано; Mám vupráno — У меня выстирано; Mám uvařeno — У меня сварено (готов обед) и т. д.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Išačenko A. V.* On 'have' and 'be' languages.— In: *Slavic Forum. Essays in linguistics and literature.* The Hague — Paris, 1974.
2. *Селиверстова О. Н.* Экзистенциальность и посессивность в языке и речи.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1982, с. 42.
3. *Маројевић Р.* Посесивне категорије у руском језику. Београд, 1983.
4. *Adamec P.* К еквивалентům sloves 'byti' a 'míti' v rustině.— *Rusko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura.* Т. II. Praha, 1960, s. 191—213.
5. *Собинникова В. И.* Родительный принадлежности с предлогом *у* в восточнославянских языках.— В кн.: *Славянский сборник.* Т. 2. Воронеж, 1958.
6. *Селиверстова О. Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть*.— *Вопросы языкознания,* 1973, № 5.
7. *Селиверстова О. Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке.— В кн.: *Категория бытия и обладания в языке.* М., 1977.
8. *Селиверстова О. Н.* Понятия «множество» и «пространство» в семантике синтаксиса.— *Известия АН СССР, Серия литературы и языка,* 1983, № 2.
9. *Селиверстова О. Н.* Посессивные и пространственно-посессивные модели.— В кн.: *Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания.* М., 1983.
10. *Вульгина Т., Сталтмане В.* Типология посессивных конструкций в современных балтийских языках.— In: *Baltu valodas senāk un tagad.* Rīga, 1985.
11. *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
12. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
13. *Mráček R., Brym J.* Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou 'u'.— *Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university,* A — 10, 1962, s. 99—118.
14. *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1944.
15. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974 с. 204.
16. *Pott A. F.* Verschiedene Bezeichnung des Perfects in einigen Sprachen und Lautsymbolik.— *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.* Bd. 15, 1884, S. 291—292.
17. *Маслов Ю. С.* К вопросу о происхождении посессивного перфекта.— *Уч. зап. ЛГУ, Серия филологических наук,* вып. 14, 1949.
18. *Mathesius V.* Čeština a obecný jazykospyt. Praha, 1947, s. 190.
19. *Raulliny E.* Slovenské časovanie. Bratislava, 1949, s. 55.
20. *Попова Г.* Употребата на мипало страдателно причастие с глагола «имам» в българския език.— *Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София,* кн. VII, 1931, с. 490—501.
21. *Теодоров-Балан А.* Особит състав с глагол «имам».— *Известия на Института за български език.* София, 1957, кн. 5, с. 23—29.
22. *Георгиев В.* Възникване на нови сложни глаголни форми със спомогателен глагол «имам». — *Известия на Института за български език.* София, 1957, кн. 5, с. 31 и сл.
23. *Пенчев Й.* Конструкции с глагола *имам*.— В кн.: *Славистичен сборник по случай на VI международен конгрес на славистите в Прага.* София, 1968, с. 173—178.
24. *Бояджиев Т.* Аналитични форми с глагола *имам* в тракийските говори.— *Известия на Института за български език.* София, кн. 16, 1968, с. 459—465.
25. *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1966, с. 316—319.
26. *Усикова Р. П.* Значение и употребление причастий в македонском литературном языке.— В кн.: *Балканское языкознание.* М., 1973, с. 257—282.
27. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1959, с. 274—316.
28. *Кузьмина И. Б.* Предикативное употребление причастий в русских говорах. Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1972.
29. *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
30. *Петрова Э. М.* Посессивный перфект в псковских говорах.— В кн.: *Псковские говоры.* Т. II. Псков, 1968.
31. *Матвеев В. А.* Некоторые особенности структуры страдательно-безличных оборотов в русских говорах.— В кн.: *Материалы и исследования по русской диалектологии.* Новая серия, вып. II. М., 1961.
32. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. М., 1941, с. 204.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

ГУДКОВ В. П.

ФРАГМЕНТЫ КАРАДЖИЧИАНЫ

8 ноября 1987 г. исполнится двести лет со дня рождения великого сербского филолога и писателя Вука Стефановича Караджича (1787—1864). Этот юбилей, широко отмечаемый в Югославии и других странах, дает импульс углубленному изучению творчества Караджича, его жизненного пути, связей и контактов с современниками, осмыслению исторической судьбы его творений и начинаний. Ценные сведения продолжают выявляться в архивных собраниях и в некоторых давних публикациях, не получивших в свое время известности или не оцененных по достоинству. Отметим некоторые из них.

Рассказ В. В. Макушева о встречах с Вуком Караджичем

В летописи перемещений Вука Караджича (перемена мест жительства, поездки), основанной на документах и свидетельствах самого Вука и его современников, сообщаются скудные сведения о последнем путешествии сербского ученого: «Осенью [1863] отправился на корабле через Сплит до Котора; по всей вероятности, побывал на Цетинье; 17/29 октября писал князю Михаилу из Вены» [1, с. 117].

Эти данные могут быть дополнены свидетельством В. В. Макушева, служившего в 1862—1865 гг. в русском консульстве в Дубровнике, о посещении Караджичем этого города. Рассказ Макушева ценен и содержащейся в нем портретно-личностной зарисовкой великого деятеля сербской культуры в последний год его жизни.

Отметив в рецензии на книгу П. А. Кулаковского «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе» [2], что автор достоверно и обстоятельно осветил биографию и труды Вука, Макушев писал: «Позволю себе сделать только маленькое дополнение к 178 странице, на которой говорится о поездке Караджича в 1863 г. в Черногорию. По пути туда он остановился на несколько дней в Дубровнике и жил в доме старика Лючича, старосты православной церкви, супротив Русского Генерального консульства, в предместье Пиле; редко выходил из дому, но зато охотно принимал гостей у себя. Случалось и мне бывать у него. Как всякого русского, он принимал меня весьма радушно. Несмотря на преклонные лета, он показался мне очень бодрым, так что никак нельзя было предполагать, что через месяц не станет его на свете. Он говорил много и с увлечением, беспрестанно прибавляя русское „да“; говорил о своих прежних трудах и о будущих; надеялся собрать в Черногории еще новые песни — о войне с Омер-пашою и новые материалы для сербской этнографии, которую готовил к печати. С виду он мне показался большим чудачком: одет был постоянно в черный длиннополый сюртук, застегнутый на все пуговицы; на голове имел турецкую феску, а в руке клюку, с которой никогда не расставался. В его обращении была смесь старческого добродушия с юношеской запальчивостью, но вообще он производил впечатление человека доброго и честного, не недалекого» [3].

Содержание этого воспоминания многопланово. Ценна информация о самом факте последнего, пятого по счету, приезда Караджича в Дубровник за несколько месяцев до смерти (но не за месяц, как писал Макушев; в конце октября Вук был уже в Вене, а умер, как известно, 7 февраля 1864 г.). Сбор фольклорных и этнографических материалов, о чем говорил Вук, был, видимо, побочной целью поездки; полагают, что он выполнял дипломатическое поручение сербского князя Михаила [1].

Примечательно описание облика Караджича. Впечатления о чудакостях и ограниченности Вука были, вероятно, в немалой мере обусловлены субъективным предубеждением автора против реформатора сербской письменности и литературного языка: Макушев относился к литературноязыковой реформе сербов отрицательно. В остальном же фигура Вука в обрисовке Макушева живо напоминает образ, еще в 40-х годах запечатленный не без патетики И. И. Срезневским: «Человек невысокого роста, под шестьдесят лет, в очень длинном сюртуке и высоких сапогах, левая нога его поднята и опирается коленом на „штулу“ (костыль), что заставляет его ходить тихо, как не ходит никто... Если желаете узнать его из разговора, заговорите с ним о сербах, их правах и обычаях, их успехах, о чем хотите сербском; мало помалу оживляясь и оживляя вас своим простым, но полного глубокого смысла разговором, он введет вас в очарованный круг сербского народа... Послушавши несколько раз его рассказы о сербах, вы станете столько же любить сербов, сколько и уважать его самого за его любовь к ним и за знание их во всех возможных отношениях» [4].

Разновременные свидетельства, принадлежащие И. И. Срезневскому и В. В. Макушеву, имеют большую ценность — их сопоставление открывает жизненное постоянство некоторых общих личностных качеств Вука Караджича. Рассказ Макушева демонстрирует, в частности, что и в глубоко преклонном возрасте Караджича не оставляла страстная приверженность изучению народной культуры, в нем не иссякала энергия, не угасала жажда деятельности и гостеприимная общительность.

*Голос А. Н. Пыпина в защиту
литературноязыковой реформы Вука Караджича*

Выдающийся деятель отечественной культуры, литературовед, публицист и критик, принадлежащий к демократическому лагерю русской интеллигенции, А. Н. Пыпин, освещая историю и современные проблемы внославянских литератур, обозревал и оценивал труды и заслуги Вука Караджича в капитальной «Истории славянских литератур», написанной при участии В. Д. Спасовича [5, с. 218—219], и в монографии «Панславизм в прошлом и настоящем» [6]. Югославский исследователь творчества А. Н. Пыпина Витомир Вулетич констатировал, что в его работах объективно и достоверно раскрыта великая креативная роль Вука в истории сербского народа в его культуры [7].

Достоин упоминания и рассмотрения еще одно обращение русского ученого к деятельности Караджича, оставшееся, кажется, вне поля зрения филологов-югославистов, касающееся суждения Пыпина о Вуке и значении его трудов и преобразований, изложенное в неподписанной рецензии на книгу П. А. Кулаковского «Вук Караджич. Его деятельность и значение в сербской литературе», помещенной в № 4 «Вестника Европы» за 1882 г.¹

Отметив актуальность изучения и осмысления деятельности человека, труды которого «послужили одним из важнейших выражений и вместе факторов сербского национального возрождения» (с. 861), и охарактеризовав книгу Кулаковского как полезный вклад в научную литературу по славяноведению, Пыпин выразил «совершенное несогласие» с автором «в существующем вопросе деятельности Караджича, о значении его реформы литературного языка» (с. 862). П. А. Кулаковский, признавая выдающиеся заслуги Караджича перед сербским народом и историческую

¹ Авторство А. Н. Пыпина указано в библиографии его трудов [8].

обусловленность его инициатив и преобразований, повторил, однако, уже высказывавшиеся в печати обвинения в расколе, утверждая, что «слишком поспешная» литературноязыковая реформа Вука имела пагубную антирусскую направленность, ибо ею были прерваны сербо-русские литературные и языковые связи. Отвергая этот тезис, рецензент обосновал его неприемлемость и несостоятельность. «В этом аргументе против реформы Караджича, — писал Пыпин, — кроется большое недоразумение. Во-первых, сам успех реформы Караджича показывает, что она вовсе не была его произволом; писатели принимали ее именно потому, что она отвечала живой потребности, — ведь они могли же не принять ее, и очень многие долго и спорили против нее. И действительно, какая живая литература возможна была на том уродливом языке, каков был ломаный „славяносербский“, в сравнении с которым показался бы легким и изящным язык Тредьяковского? „Поспешность“ Караджича была именно реакцией против мертвенной уродливости этого школьного языка. Во-вторых, недоразумением надо назвать слова автора о „крепких“ будто бы связях, которые могли дать сербской литературе поддержку русской. Эти связи состояли в том, что людям церковно-схоластического образования были доступны наши церковные книги и риторическая литература ломоносовского стиля и языка. Но если бы и не произошло реформы Караджича, нет сомнения, что связи были бы порваны вместе с тем, как сама русская литература удалялась от ломоносовского стиля и сближалась с интересами и языком жизни, вырабатывала литературный язык в школе Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Островского и Тургенева. Новейшие произведения русской литературы были бы уже непонятны самым усердным приверженцам „славяносербской школы“. Рано или поздно, „крепкие связи“ были бы все равно порваны...» (с. 864).

По убеждению Пыпина, относительная близость средств литературноязыкового выражения — призрачная гарантия прочности литературного и культурного единения. Он видел иную перспективу сближения русской и сербской литератур: «Нет сомнения, что связи были бы чрезвычайно желательны; но они должны утверждаться... не искусственным устранением народной речи из сербской литературы (как хотели бы обвинители Караджича), а живым влиянием сильнейшей русской литературы, влиянием ее образовательного содержания, влиянием произведений, которые требовали бы к себе внимания богатством и силой мысли и поэзии... Таким образом, вопрос о крепости связей... сводится к внутреннему развитию самой русской литературы, к нашей собственной заботе о том, чтобы она приобрела условия свободного и широкого развития» (с. 864—865).

История сербской литературы XIX—XX вв., одним из очевидных факторов и действенных стимулов роста и обогащения которой было творческое восприятие художественного и идейного опыта русской реалистической литературы, подтверждает справедливость прозорливого предвидения А. Н. Пыпина.

*Графика и орфография Вука Караджича
в оценке Бодуэна де Куртене*

Одним из важных направлений научных¹ штудий И. А. Бодуэна де Куртене была теория письма и, конкретно, теория и практика русского правописания. В одной из ранних работ Бодуэн обращался и к сербской письменности, дал общую характеристику преобразованной Вуком Караджичем графики и высказал попутно свое отношение к его орфографии. В югославской литературе не обнаруживается откликов и ссылок на высказывания Бодуэна де Куртене. А. Белич, дважды писавший о Бодуэне на страницах «Южнославянского филолога» (он опубликовал заметку к 80-летию ученого и некролог [9]), отмечал, в частности, вклад выдающегося лингвиста в словенистику, но не упомянул его обращений к сербохорватскому языку. Суждения Бодуэна о системе графики, созданной в ее нынешнем виде Вуком Караджичем, имеют, между тем, не только историческую ценность, они остаются вполне актуальными и поныне.

В обстоятельном разборе книги А. Ф. Гильфердинга «Общеславянская азбука», опубликованном под неадекватно скромным названием «Несколько слов по поводу „Общеславянской азбуки“» [10], Бодуэн де Куртене изложил свод своих представлений о системах буквенной графики и орфографии. Он дифференцировал алфавит (азбуку) как совокупность начертаний, принятых для обозначения фонетических единиц, и графику как взаимоотношения букв и звуков, способ применения буквенных знаков и их комбинаций для обозначения на письме звуков и их сочетаний. Графику он подразделял на «поскладную» (т.е. слоговую), которой может быть свойственно, в частности, «обозначение сочетаний согласного с гласным помощью одной буквы или же помощью сочетаний букв (я, ля рядом с ла и т.п.)» [10, с. 155], и буквальную, для которой характерно однозначное соотношение буквы и звука.

В орфографии или правописании, в свою очередь, Бодуэн видел «приспособление данной, уже готовой графической системы, данных, уже готовых букв или же сочетаний этих букв при писании целых слов..., процесс обозначения на письме звуковой стороны языка в связи со значением и смыслом слов» [10, с. 156]. Принципы правописания: этимологический (=морфологический), фонетический и исторический (или традиционный).

Древнеславянская азбука являла, по его словам, «весьма удачное соединение поскладной системы (при сочетании некоторых гласных с мягкими согласными) с системой буквальной» [10, с. 170]. Это комбинационное начало сохранилось в русской письменности. Показав эволюцию кириллицы у русских, Бодуэн де Куртене прибавил: «И сербы придерживались прежде графической системы, очень похожей на русскую. Только Вук Стефанович Караджич, одаренный тонким чутьем к звуковой стороне отечественного языка и, с другой стороны, обладавший строго последовательным умом, сохранив употреблявшийся до него алфавит, применил к нему вполне последовательно буквальный (звуковой) графический принцип и этим оказал немаловажную услугу сербской литературе и сербскому уму. Графика Караджича представляет, можно сказать, по своему, по крайней мере, принципу образец совершенства...» [10, с. 174].

Эта давняя оценка Бодуэна де Куртене вполне гармонирует с авторитетным суждением современного югославского лингвиста П. Ивича, который писал: «Азбука Вука в полной мере отвечает „духу“ (т.е. фонологической структуре) сербохорватского языка, тогда как традиционная кириллица (с такими буквами, как Я и Ю) соответствует особенностям русского и болгарского языка. ...Славянские народы, пользующиеся кириллицей, в принципе успешно решили проблемы своих алфавитов: каждый язык имеет азбуку, наилучшим образом подходящую его структуре» [11].

Бодуэн отвергал как несостоятельный тезис Гильфердинга, согласно которому Вук Караджич, сохранив форму букв русской гражданской кириллицы, принял «систему латинскую». По его убеждению, «сербская графическая система вовсе не латинская..., а просто рациональная, строго звуковая, строго буквальная, а не послужная, поскладная» [10, с. 174—175].

Бодуэн де Куртене не анализировал сербской орфографии, нормированной Вуком Караджичем и характеризующейся довольно последовательной фиксацией фонетических чередований внутри словоформ (сравни: сабор и абор «собрание, сбор», сладак «сладок» и слатки «сладкий» и т.п.). Он заметил, однако, что при совершенстве сербской графической системы не бесспорно «одностороннее фонетическое направление в правописании» [10, с. 175].

Мнение Бодуэна же неожиданно и не небезосновательно. Сдержанно, с оговорками оценивали фонетическую орфографию и другие филологи и лингвисты. Так, например, В. Ягич писал, что «реформа Вука по отношению к сербскому языку и к графике действительно мыслима и без введения принципа фонетического в орфографию» [12]. А. Н. Пыпин, за-

явив о «полной законности Вуковой реформы языка», воздержался от безоговорочного одобрения фонетического правописания, полагая, что в интересах литературноязыковой преемственности «получает свою цену историческое правописание, и дать ему известное место в новой системе, быть может, не было бы большой бедой» [5, с. 218]. Нет никаких оснований, конечно, видеть за такими высказываниями и оценками «гегемонистские устремления» российского самодержавия, как о том, к удивлению, совершенно серьезно писал М. Попович [13]. Против абсолютизации безупречно фонетической (фонологической) орфографии высказываются ныне и сербские филологи. Показательны ответы на анкету о значении литературноязыковой реформы Вука Караджича, опубликованные в белградском журнале «Знак» [14].

*Нереализованный замысел издания Вукова словаря
в России*

В первые десятилетия XIX в., отмеченные в России ростом интереса к инославянским народам, их культуре, истории и языкам, Российская Академия предполагала начать выпуск словарей славянских языков [15]. Предпринимались попытки вовлечь в эту работу зарубежных филологов. Когда Вук Караджич приезжал в 1819 г. в Петербург, он был ознакомлен с рукописью незавершенного «Словаря иллирийского языка с латинским и российским». Неизвестно, предлагали ли Вуку принять участие в подготовке словаря к изданию, но оставленные его рукой поправки позволяют думать, что этот вопрос в какой-то форме, вероятно, возникал. Караджич привез в Россию свой, только что напечатанный, «Српски рјечник, истолкован ђемачким и латинским ријечма», который стал основным и самым надежным источником сведений о подлинном сербском языке. Он использовался в России как учебное пособие к университетским курсам сербского языка. Возникла мысль перевести Вуков словарь на русский язык, т.е. заменить содержащиеся в нем латинские и немецкие эквиваленты сербских слов их русскими соответствиями.

Этот замысел начал исполняться — о том свидетельствует хранящаяся в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина рукопись следующего, согласно описанию, содержания: «Словарь сербско-русский неизвестного автора, начинается словом Кони, оканчивается словом Пяштаница, новейшего письма, в лист, на 250 листах. Некоторые внесенные сербские слова с русским значением и с разными приведенными примерами совершенно тождественны с помещенными в известном словаре Вука Караджича» [16].

Действительно, в рукописи представлено последовательное переложение на русский язык второго издания Вукова словаря (1852). Объем рукописи соответствует одной четверти текста словаря. О времени создания перевода можно судить по имеющимся на бумаге штемпелям. Последние шесть тетрадей датируются 1866—1867 гг. Предшествующие тетради имеют более ранний штемпель (1850—1857) или лишены его.

Имя инициатора и организатора переложения словаря открывается в воспоминаниях А. А. Кочубинского, одного из талантливых учеников профессора Московского университета О. М. Бодянского. Кочубинский свидетельствовал: «В 1866 г. Бодянский поручил перевести на русский язык „Сербский словарь“ Вука, буквы А—К; другие имели перевести остальные части. Моя обработка, сделанная в Кишиневе летом 1866 г., осталась в рукописи, и ничего из этого не вышло» [17, с. 262].

Следовательно, находящийся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина большой фрагмент переведенного на русский язык словаря Вука Караджича принадлежал перу одного из студентов Московского университета и был выполнен, вероятно, в 1866 или 1867 г. Датировка по штемпелю согласуется со свидетельством Кочубинского.

Попытка русскоязычной адаптации Вукова словаря знаменательна и Сама мысль о переводе словаря силами учащегося свидетельствует об уверенности и активной заинтересованности профессора в своем деле, об основательной подготовленности студентов, которым был доверен

перевод, и, конечно, о высоком авторитете труда Караджича. О. М. Бодянский, как известно, весьма успешно преподавал инославянские языки и предпочитал пользоваться книгами, отражающими живую речь народа, в частности, изданиями Караджича. А. А. Кочубинский писал: «Бодянский был отменно полезен на практических лекциях... Я хорошо познакомился с сербским языком, с песнями Караджича...» [17, с. 258]. Студенты изучали, естественно, и лексикографический труд Вука Караджича.

Возникает вопрос, почему замысел Бодянского не увенчался изданием словаря. Может быть, Бодянскому, занятому многотрудными обязанностями редактора «Чтений в Обществе истории и древностей российских», выходявших четырежды в год (четыре тома!), не хватило сил и пастойчивости для завершения еще одного дела? Это объяснение допустимо, но, скорее всего, Бодянский просто не стал мешать харьковскому слависту П. А. Лавровскому, узнав, что тот по предложению М. П. Погодина еще в 1865 г. начал составлять сербско-русский словарь на базе труда Караджича с прибавлением лексического материала из хорватских словарей. «Сербско-русский словарь» П. А. Лавровского был напечатан в 1870 г. и в течение трех десятилетий служил полезным пособием всех обращавшихся к сербохорватскому языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добрашиновић Г.* Вукова путовања.— Ковчежић. Прилози и грађа о Доситеју и Вуку. Књ. 5. Београд, 1963.
2. *Кулаковскиј П. А.* Вук Караджич. Его дејателност и значење у сербској литератури. М., 1882.
3. *Макушев В. В.* Три магистерске дисертације по славјанској филологији.— РФВ, т. 7, 1882, с. 144.
4. *Срезневскиј И. И.* Вук Стефановић Караджич, очерк биографическиј и библиографическиј.— В кн.: Московскиј литературниј и учениј сборник. М., 1846, с. 339—341.
5. *Пыпин А. Н., Спасовић В. Д.* Историја славјанских литератур. Т. I. СПб., 1879.
6. *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.
7. *Вулетий В. А. Н.* Пыпин и руско-српске књижевне везе у другој половини 19. века.— Годињак филозофског факултета у Новом Саду, књ. XII/1, 1969, с. 407—409.
8. *Барсков Я. Л.* Слосок трудов академика А. Н. Пыпина. 1853—1903. СПб., 1903, с. 29. № 205.
9. *Белић А.* Јан Бодуен де Куртене.— Јужнословенски филолог, књ. IV, 1924, с. 190—193; *Белић А.* Велики губици польске лингвистике. Јан Лош, Виктор К. Поржески, Ј. А. Бодуен де Куртене.— Јужнословенски филолог, књ. VIII, 1928—1929, с. 181—183.
10. *Бодуан де Куртене И. А.* Несколько слов по поводу «Общеславянской азбуки».— ЖМНП, ч. 155, 1871.
11. *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971, с. 248.
12. *Јагич И. В.* О сочинении проф. А. А. Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения». Одесса, 1887—1888.— Записки Академии наук, т. 63, 1890, приложение № 3, с. 126.
13. *Поповић М.* Јота. Београд, 1981, с. 119—121.
14. *Знак.* Часопис за књижевност и сродне делатности духа, год. XV, бр. 20, 1986, с. 73—74.
15. *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных. Из истории Российской Академии. М., 1986, с. 71—74.
16. *Соколов Е. И.* Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских, вып. II. М., 1905, с. 540.
17. *Кочубинский А. А.* Автобиографическая записка.— В кн.: *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1890.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Вопросы истории славян. Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в эпоху феодализма. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1985, 155 с.

Более двадцати лет (с 1963 г.) кафедра истории средних веков и зарубежных славян Воронежского государственного университета издает межвузовский сборник научных трудов «Вопросы истории славян». Новый, восьмой по счету, выпуск сборника свидетельствует о том, что воронежские слависты успешно продолжают и развивают добрые традиции этого, уже завоевавшего заслуженную известность издания. Показательна сама география рецензируемого выпуска: в нем, помимо ученых Воронежа, участвуют слависты Москвы, Иванова, Калининна, Кургана, Кустаная. Тематика 14 статей, составляющих сборник, разнообразна. Большинство исследований посвящено экономической и социально-политической истории южного славянства.

Е. П. Наумов изучил свидетельства источников об отраслях сельского хозяйства в Сербии XIII в. Анализ монастырских грамот позволил автору уточнить наши представления об аграрной динамике сербских земель — вопросу, по которому нет единства мнений. Выясняется, что заметные признаки поступательного развития интенсивных культур и прогресса хлебопашества обнаруживаются лишь с конца XIII в. В противовес сербским актам XIII в., в грамотах XIII столетия «лазы» (корчевки) зафиксированы только в некоторых местностях Захумской области, недалеко от Адриатического побережья с его торговыми центрами. Среди локальных особенностей земледелия в государстве Неманичей автор отмечает выделение виноградарства в особую отрасль вотчинного и крестьянского хозяйства на юге Далмации и в Призренской области. Рост площадей под виноградниками в южной Далмации связывается с увеличением вывоза вин в Рашку.

Развитие и углубление торговых контактов на западе Балкан рассмотрела Н. П. Мананчикова в статье «Торговля

Дубровника и формирование внутреннего рынка в землях Сербии и Боснии в XIV — первой половине XV в.». Опираясь на исследования югославских и советских историков, автор показала, что очагами интенсивного товарообмена были наиболее развитые в экономическом отношении области горнорудного производства. Появление предпосылок и начало складывания внутреннего рынка в сербских и боснийских землях Н. П. Мананчикова относит к первой половине XV в. Раннее начало процесса она объясняет проникновением далматинского торгового капитала, активной деятельностью дубровницких купцов в горнодобывающих районах и возможностью для местного купечества получать крупные кредиты. Но существует и иная точка зрения на ход складывания внутреннего рынка на Балканах. М. М. Фрейденберг полагает, что «не активность дубровницкого, а пассивность северо-далматинского купечества способствовала формированию местного рынка» [1]. Думается, аргументация пока еще недостаточна у обоих историков, и проблема требует дальнейшего всестороннего изучения.

Масштабы примеснения, формы и характер наемного труда в сельском хозяйстве Далмации XIII—XV вв. исследует В. В. Захаров, избежавший нередкого в литературе преувеличения буржуазных черт этого явления. Убедительно звучит его вывод о том, что наемный труд в далматинской деревне связан с феодальными поземельными отношениями. Симптоматично, например, что при длительных сроках найма возникали элементы личной зависимости и кабалы. Сравнение источников XIII—XIV и XV вв. позволяет говорить о падении роли наемного труда в земледелии и скотоводстве. Констатировав спад, автор, к сожалению, воздержался от выяснения его причин.

Если судить по заглавию — «Политиче-

ская] направленность рассказа Фомы Сплитского о татарском нашествии на королевство Венгрию», статья О. А. Акимовой достаточно далека от затрагиваемых выше сюжетов. Однако тщательное текстологическое исследование хроники архидиакона Фомы автор умело сочетает с анализом социально-политической обстановки в далматийских городах XIII в. В итоге рассказ Фомы о татарах предстает как производное от политической ситуации в Сплите, а недоброжелательство по отношению к венгерской короне, которое пронизывает повествование хрониста, объясняется уроном, причиненном городу королем Белой. Такая интерпретация источника делает очевидной необходимость критического подхода к памятнику при изучении похода Батые 1241—1242 гг. Отдавая должное уровню источниковедческой работы, проведенной О. А. Акимовой, позволим себе не согласиться с предлагаемым ею решением некоторых вопросов. На наш взгляд, автор преувеличивает влияние церкви на общественную жизнь Сплита XIII в., без достаточных оснований она признала Фому креатурой паписта Гаргана. Не следует ли первоначально антивенгерской направленности хроники искать в особенностях коммунального развития Сплита? Ведь именно в середине XIII в. шел процесс становления коммунальной администрации и превращения патрициата в единое сословие, что и привело к расцвету коммунальной автономии в XIV в.

Аналогичным образом в статье М. М. Фрейденберга «Театр в социальной жизни средневекового Дубровника» культурно-исторический материал рассмотрен на широком фоне общественных конфликтов в городе XV—XVII вв. Здесь убедительно показано преломление в такой специфической сфере городской культуры, как театральные подмостки, двух основных черт, присущих системе социальных связей в средневековом Дубровнике, — антипатрицианских настроений и относительной мягкости остальных общественных противоречий.

Болгарская проблематика представлена двумя исследованиями. В статье Н. Т. Сапрошовой, по своему хронологическому охвату стоящей несколько особняком, подробно изучен вклад прогрессивной интеллигенции в развитие национально-освободительной борьбы болгарского народа 60—70-х годов XIX в. Статья Д. И. Полювянного посвящена обоснованию тезиса о том, что низшей (если не единственной) формой социаль-

ной организации болгарских горожан в XIII—XIV вв. являлась приходская община, объединявшая жителей одного квартала. Привлеченные разнообразие, многочисленные письменные и археологические памятники, за редким исключением, не содержат прямой информации по данному вопросу, поэтому автору пришлось опираться на косвенные свидетельства; их поиски и источниковедческая критика проведены с максимальной тщательностью. Заслуживает внимания гипотеза Д. И. Полювянного, согласно которой основными причинами преобладания в социальной организации горожан профессионально-территориальных объединений, а не профессиональных корпораций были относительно слабый уровень развития местного ремесла и обмена, феодальное засилье в городах. К работам балканского цикла принадлежат историографические очерки Н. Н. Владыко «В. В. Макушев как историк Черногории» (ср. [2]) и В. Г. Тараповой «Проблемы социально-экономической и политической истории Первого Болгарского царства в освещении Н. С. Державина».

В сборник также включена посмертно публикуемая заметка А. Е. Москаленко «Новые данные о работе А. Н. Ясинского в Воронежском университете», которая, безусловно, привлечет внимание читателей не только тем, что принадлежит перу видного ученого, который, уместно напомнить, был инициатором издания «Вопросов истории славян» и долгие годы возглавлял редакционную коллегию сборника. Небольшую по объему работу отличают повизна материала и органичное соединение вводимых в научный оборот сведений с тем, что ранее было известно о педагогической деятельности Ясинского в советский период.

Статья Г. И. Липатниковой «К проблеме феодальной интеллигенции (на материалах истории Пражского университета)» привлекает широтой и смелостью постановки вопроса. Опираясь богатейшим материалом Карлова университета предгуситской поры, автор полемизирует с учеными, которые, изучая происхождение европейской интеллигенции, или пренебрегают средневековыми университетскими кругами, или решительно отрицают принадлежность их к данному социальному слою. Вместе с тем складывается впечатление, что заявленная в начале фундаментальная проблема в дальнейшем как-то расплылась, затерялась в нагромождении деталей. Удивляет концовка статьи: «Все сказанное дает основание

считать, что рассмотренный сюжет имеет отношение к предыстории становления и развития европейской интеллигенции» (с. 13). Но разве Л. М. Баткин или кто-либо иной когда-нибудь ставил это под сомнение? Каков же тогда предмет спора? Трудно согласиться с рядом доводов автора. Так, полагаем, образное сравнение Иеронимом Пражским диспута магистров с рыцарским турниром никак не может служить опорой (практически единственной!) тезису: «Бросается в глаза тяготение университетских ученых и студентов к образу жизни феодалов» (с. 6).

Истории общественной мысли посвящены работы Т. Н. Скворцовой («О гуманистической направленности общественно-политических воззрений Анджея Фрыча Моджевского») и Я. Г. Солодкина («К изучению трактата „О причинах гибели царств“». Из истории русско-польских культурных связей начала XVII в.).

В заключение остановимся на статье А. Н. Саливона «Вильцы-лютичи. Об историческом прошлом полабских славян», которая еще раз подтверждает, насколько значителен прогресс, достигнутый за последние годы нашими учеными в разработке сложнейших проблем социальной

истории полабо-славянских племен. Автор тщательно учел факторы, способные играть интегрирующую роль в регионе (общность происхождения племен, внешняя угроза и др.). Сравнительный анализ федеративной формы устройства лютичского союза, где отсутствовало централизующее начало в лице великокняжеской власти, и того великокняжеского варианта, который наблюдался у ободритов, придает дополнительную убедительность выводам А. Н. Саливона.

Подводя итоги обзору очередного выпуска «Вопросы истории славян», хотелось бы выразить надежду, что это издание — нужное и авторитетное — в будущем станет выходить более регулярно.

Воробьева И. Г., Якубский В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фрейденберг М. М.* Далматинцы в балканской торговле XIV-XVI вв. — В кн.: Балканские исследования, вып. 9. М., 1984, с. 38—49.
2. *Лаптева Л. П.* В. В. Макушев как исследователь истории средневековой Албании. — В кн.: Общественное сознание на Балканах в средние века. Калинин, 1982.

ВАЛЕВА ЕЛЕНА. *Международното движение за солидарност с антифашистката борба на българския народ. 1925—1929.* София, 1985, 143 с.

ВАЛЕВА ЕЛЕНА. *Международное движение солидарности с антифашистской борьбой болгарского народа. 1925—1929*

В основе работы советского историка Е. Л. Валева, опубликованной в ПРБ, — богатый и разнообразный круг источников, как опубликованных, так и, что особенно важно, неопубликованных. Наряду с документами БКП и выступлениями ее руководителей В. Коларова, Г. Димитрова и др. (лишь часть из них помещена в собраниях сочинений, сборниках и периодике), материалами Коминтерна и международных организаций, работавших под его руководством, в монографии использованы газеты и журналы, выпускавшиеся интернациональными объединениями, печать Болгарии, СССР и ряда западноевропейских стран. Книгу обогащает привлечение публицистической литературы 20-х годов и воспоминаний болгарских коммунистов (некоторые из них не опубликованы). Чрезвычайно важные данные почерпнуты автором из бол-

гарских архивов (Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного исторического архива, Научного архива Института истории Болгарской академии наук и др.). Источниковую базу монографии дополняют документы Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР и коллекции Центрального музея революции СССР. Тщательный анализ документов позволил воспроизвести яркую и впечатляющую картину международной поддержки борьбы трудящихся Болгарии против реакции.

Е. Л. Валева четко обосновала хронологические рамки исследования. Она показала, что с 1925 г. в международном движении солидарности с болгарским народом начался новый период, качест-

венно отличавшийся от кампании поддержки, возникшей непосредственно после Сентябрьского восстания 1923 г. Что же касается второго рубежа — 1929 г., то он убедительно связывается с некоторым спадом движения солидарности с болгарскими антифашистами в связи с ослаблением террора в Болгарии и изменениями в международной обстановке. Автор обоснованно выделила в движении солидарности в рассматриваемый период два этапа (апрель — декабрь 1925 и 1926—1929 гг.), различавшиеся комплексом внутренних и международных факторов, оказывавших воздействие на содержание и формы движения.

Монография Н. Л. Валева имеет аналитический характер. Отказавшись от подробного описания отдельных фактов солидарности, что нередко свойственно работам сходной тематики, автор фиксирует внимание на принципиальных моментах. Речь идет о тенденциях движения, особенностях его форм, сравнительном анализе его уровня и конкретных проявлений в разных странах. Движение солидарности с болгарским народом анализируется в тесной связи с внутриполитическим положением в Болгарии и за ее пределами, что позволяет значительно углубить исследование, выявить причинно-следственные связи многих явлений.

Автор обратил внимание на такие важные и неразработанные вопросы, как деятельность БКП и антифашистской болгарской эмиграции по мобилизации международной общественности на поддержку борцов против реакции, роль Коминтерна и МОПР в организации кампании протеста в 1925 г. Раскрывается при этом личная роль руководящих деятелей БКП (в большей степени Г. Димитрова и в меньшей В. Коларова, хотя именно ему принадлежала инициатива многих конкретных акций солидарности) в разъяснении мировой общественности сущности происходивших в Болгарии событий. Нова и информация об особенностях выступлений земледельческой эмиграции и ее лидеров, обращавшихся за поддержкой к реформистским организациям.

Е. Л. Валева, рассматривая формы моральной и материальной поддержки болгарского народа за рубежом в 1925 г., выделяет такие, как посещение Болгарии делегациями демократической общественности европейских стран (Великобрита-

нии, Франции, Чехословакии, Германии, Югославии), а также США; создание в Западной Европе комитетов защиты болгарских антифашистов. Освещение последнего вопроса представляет особый интерес так как ранее было лишь известно о существовании этих комитетов, но об их составе и направлениях работы скольконбудь достоверными данными историческая наука не располагала. Впрочем, проблема эта нуждается в дальнейшем анализе.

Движение солидарности 1926—1929 гг. проявлялось в борьбе против репрессий и судебного произвола, за всеобщую амнистию политзаключенных, за предоставление политэмигрантам и их семьям права политического убежища и т. д. Весьма интересен материал об успехе прогрессивных сил в защите видных деятелей болгарского коммунистического движения Н. Кофарджиева и П. Искрова, арестованных в Австрии в 1928 г. Выдача их болгарским властям была предотвращена благодаря поддержке трудящихся и квалифицированной защите передовых юристов. Движение солидарности опиралось на различные слои населения капиталистических стран, но в первую очередь — на пролетариат.

Автор ставит вопрос о воздействии общественного мнения западноевропейских стран на политику их правительств в отношении кабинета А. Цанкова. Но, раскрывая саму кампанию и результат воздействия — выступление правительств ряда капиталистических стран за создание в Болгарии более умеренного кабинета (с. 50—51, 73—74), следовало бы, на наш взгляд, объяснить и механизмы этого влияния. В отдельных случаях встречаются недомолвки о партийно-политическом составе участников движения солидарности.

В целом же рецензируемая книга дает достоверное представление о характере, масштабах, формах, этапах, значении международного движения солидарности с болгарским революционным движением как составной части интернациональных связей трудящихся и демократической общественности в борьбе против реакции и фашизма.

Книга посвящена памяти отца автора — видного советского историка Л. Б. Валева.

Черняевский Г. И.

ТРИ КНИГИ О ЧЕШСКО-РУССКИХ СВЯЗЯХ

Недавно в Чехословакии вышли три книги, посвященные тематике чешско-русских отношений.

Автор первой из них — «По дорогам дружбы» [1] — Цирад Кучера задался целью раскрыть связи Северной Чехии с Россией. Хронологически книга охватывает период от XVII в. до наших дней, однако главное внимание уделено XIX в. Особенность книги — освещение в ней связей с Россией не только чехов, но и других уроженцев Северной Чехии. Она написана в свободной и живой очерковой манере.

Открывается издание сообщением о путешествии из Праги (через Краков, Варшаву, Минск, Смоленск, Можайск и Вязьму) в Москву ко двору Бориса Годунова посольства Рудольфа II во главе со Штепаном Какашем. Из Москвы через Владимир, Муром, Пижний Новгород и далее по Волге пражское посольство отправилось в Персию. В состав посольства входил уроженец Северной Чехии Георгий Тектандер. По возвращении он издал в Лейпциге книгу с описаниями путешествия, приемов у Бориса Годунова, Москвы [2]. 8 января 1605 г. вернувшись после нескольких лет странствий Тектандер (все его товарищи умерли в пути) доложил Рудольфу II о выполнении посольской миссии, преследовавшей цели установления дипломатических связей с Москвой и Персией. Книга Г. Тектандера имела успех: в начале XVII в. ее еще дважды издали в Мейсене — в 1609, 1610 гг.

Следующая глава — «С чешским стеклом на восток» — освещает ввоз продукции северочешских стекольных предприятий в Россию. Уже в 1687 г. на одном из них изготовлялись люстры для Москвы. В 1689 г. Иржи Франтишек Крейбих из Каменецкого Шенова возил чешские стеклянные изделия в Москву, где стал свидетелем вступления Петра I на трон. Вслед за Крейбихом отправились в Россию и другие торговцы северочешского стекла. Особенно возрос вывоз стекла, в частности зеркал, во второй половине XVIII в., и не только в Москву, но и в Нижний Новгород. Тогда же в Россию выезжали и чешские мастера стекольного производства. С их опытом была связана организация стекольного дела в Гусе Хрустальном.

Особый очерк посвятил Ц. Кучера знаменитой битве 29—30 августа 1813 г. у Хлумца (в прошлом Кульма), в ходе

которой значительно (в 2—3 раза) уступавший противнику по численности корпус А. А. Остермана-Толстого в первый день стойко отразил все атаки 45-тысячного войска наполеоновского генерала Д. Вандама, а во второй при поддержке русских и союзнических частей (среди них были и чешские полки — Терезинский, Пльзеньский, Ипдржиховградский и Писецкий) наголову разбил его, предотвратив тем самым оккупацию Чехии французами. Победа у Хлумца во многом предопределила поражение Наполеона под Лейпцигом. Этот очерк особенно интересен русскому читателю, так как содержит много малоизвестных и неизвестных данных о взаимном познании и сближении чехов и русских в то время. В посвященный Хлумцу очерк вкралась одна неточность: на с. 51 («А в августе того же 1813 года, перед битвой у Бородина...») либо год указан неточно, либо место битвы.

К очерку о Хлумце примыкает рассказ о внучке Кутузова и приятельнице Пушкина — Д. Ф. Фикельмон, которая длительное время жила в Теплице, где после нее остались ценные образцовые материалы и рукописи.

Далее в книге говорится о родившемся в Теплице полярном исследователе Ю. Паффере, одном из руководителей экспедиции, открывшей землю Франца-Иосифа, о русских мотивах в творчестве чешской писательницы К. Светлой, о судьбе находившихся во время первой мировой войны в лагерях на территории Северной Чехии русских военнопленных, среди которых «был один из сыновей Л. Н. Толстого, командир кавалерийского полка» [1, с. 97]. Эта информация, по видимому, требует уточнения. По сохранившимся у потомков писателя сведениям это, скорее всего, мог быть Михаил Ильич Толстой, внук Л. Н. Толстого, артиллерист, который, однако, полком не командовал. Он, кажется, один из участвовавших в войне детей и внуков Л. Н. Толстого, был в австрийском плену. Что же касается детей Л. Н. Толстого, то по имеющимся в литературе данным, в первой мировой войне участвовал его сын Михаил, но он был только прапорщиком, а о его пленении каких-либо сведений нет [3]. Очерк о русских военнопленных содержит много примеров проявления симпатий и сочувствия чехов к ним, хотя это и грозило суровыми наказаниями.

В ряде очерков — «Под знаменем ре-

волюции», «Ленин и Северная Чехия», «На помощь республике Советов» — освещаются связи трудящихся Северной Чехии с революционной Россией, их участие в боевых действиях Красной Армии, стачки, волнения и подъем революционного движения, связанные с победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Особое внимание уделяет автор знакомству В. И. Ленина с революционными северочешскими изданиями, воспоминаниям о встречах с ним представителей революционного и рабочего движения в Северной Чехии. С большою встретили известие о кончине В. И. Ленина рабочие и все трудящиеся Северной Чехии. 7 ноября 1928 г. в Подборжанах при большом стечении людей был открыт у Рабочего дома первый в Чехословакии памятник В. И. Ленину. В 1931 г. власти предложили убрать памятник, на что Ю. Фучик отозвался статьей «Опасный памятник». Барельеф с этого памятника был сбережен в годы оккупации рабочим К. Мюллером. Много интересных и ценных сведений содержит специальный раздел книги о помощи северочешских трудящихся Советской России.

Межвоенное двадцатилетие представлено в книге двумя очерками «Встречи спортсменов» и «Наш друг Александр Фадеев». В последнем рассказывается о посещении писателем в 1938 г. вместе с Готвальдом и Неядлы северочешского города Либерец, результатом которого позже явился его репортаж «День культуры в Либереце».

Из очерка «Не было безымянных героев» мы узнаем о трагических судьбах советских людей, оказавшихся в фашистских концлагерях и гестаповских застенках местечек Кухартица вблизи г. Дечина, Удлици близ Хомутова, в Либереце. Автор провел кропотливую и сложную работу по сбору и изучению документальных свидетельств, записи воспоминаний очевидцев, чтобы рассказать о тех, кого вторая мировая война забросила в Северную Чехию. Это — летчик Иван Батюков, раненный в бою и попавший в плен после тарана вражеского «юнкерса», бежавший и ставший партизаном; Анатолий Морзов, спасший от уничтожения город Мост — тайно разминировавший его и застреленный гитлеровцами; трижды бежавший из лагеря Николай Корнев, ныне почетный гражданин г. Дечина, живущий в Ярославле; героически погибшие в Северной Чехии борцы-антифашисты Каля Свирская, капитан Советской армии Герасим При-

липухов, партизан из отряда Ковпака Петр Соломко.

Издание завершается небольшой главой о писателях Владимирской области, многолетние контакты с которыми поддерживает Северочешский край (В. Солоухин, С. Пикитин, Э. Зорин, Г. Никифоров, В. Краковский, С. Голицин).

Книга Ц. Кучеры по своему типу и краеведческой привязанности относится к таким публикациям, которые в Чехии принято называть региональной литературой. Однако она несомненно имеет и более широкое научно-познавательное и общественное значение: на конкретных примерах в ней рассказано об исторической дружбе двух братских народов; собран и осмыслен большой и весьма ценный фактологический материал по избранной автором актуальной теме. Издание хорошо оформлено, сопровождается рядом весьма редких иллюстраций, имеет указатель имен.

Совсем иной характер имеет книга «Впечатления от поездок на Востоке» [4]. Подобно первой, она вышла в краевом Восточнечешском издательстве (г. Градец Кралове). И в этом отношении может тоже считаться региональной. Ее составляют фрагменты воспоминаний или суждений о России двадцати трех авторов, уроженцев Восточной Чехии. Как сказано в аннотации издания, оно могло бы называться «Россия нашими глазами». Составитель книги Ладислав Ващина пишет: «Собрание впечатлений от поездок на Восток посвящено не только фрагментам художественного творчества, но и преследует цель дать, насколько это возможно, общий взгляд на данную тематику с использованием разных литературных произведений. Поэтому в нем рядом с рассказами, отрывками из романов и пассажами из мемуаров, репортажей, фельетонов, путевых очерков есть и отрывки из корреспонденций» [4, с. 481]. Хронологически книга охватывает 150 лет, от 30-х годов прошлого столетия до современности, а ее целью — при всей разнородности собранных в ней текстов — было показать общественную ориентацию, искренний и подлинный интерес чехов, уроженцев Восточной Чехии, к России и Советскому Союзу, способствовавший взаимопониманию и сближению народов.

Степень известности представленных в книге авторов различна: В. Ганка, К. Я. Эрбен, М. Котлер, К. Гавличек, П. Дурдик, А. Сташек, Ф. Ржегорж, А. Черный, З. Неядлы, И. Имлауф,

И. Музыка, Ф. Шраек, А. Пемец, Я. Гашек, Ф. Альберт, И. Ольбрахт, П. Илемницкий, Я. Вейс, И. Барт, К. Клапалек, М. Иванов, Я. Дворжак. Одни из них специально посещали Россию и Советский Союз, другие оказывались там в силу разного рода жизненных обстоятельств. Это и ученые, и писатели, и журналисты, и музыканты, и врачи, и общественные деятели.

О связи с Россией и высказываниях о ней многих из названных (Ганка, Эрбен, Гавличек, Сташек, Гашек и др.) уже довольно много писалось. Отчасти поэтому читателя особенно привлекает менее известное. Однако это, разумеется, никак не умаляет ценности и значения книги как целого, всех вошедших в нее компонентов.

О русско-чешских связях 1830—1860 гг. напоминают отрывок из статьи В. Ганки, в котором он со слов очевидца описывает вид Петербурга, письмо и репортажи Гавличека, который был в восхищении от Москвы, «полюбил русский народ» и с восторгом писал: «Шафарика в Москве знают лучше, чем в Праге» [4, s. 64, 67]. С поездкой делегации чехов в Москву на Этнографическую выставку (1867) и ее организацией связано письмо Эрбена в Россию. Интересен отрывок из дневниковых путевых записей патристически настроенного купца из Турнова М. Котлера (1800—1879). Он привозил в Россию в конце 1820-х годов чешские гранаты, а в 1841—1842 гг. со своим русским партнером по торговле купцом из Екатеринбургa Г. Пермикиным отправился на Енисей с целью организовать добычу золота. Там он странствовал по тайге близ Енисейска и вел подробнейший дневник, находящийся сейчас в музее «Чешский Рай» в Турнове. Записи Котлера до сих пор почти неизвестны. Котлер был наблюдателен и критичен к тому, что видел, поэтому его свидетельства интересны не только с точки зрения чешско-русских связей, но и как исторический документ, содержащий большую познавательную информацию. Читая записки, ясно ощущаешь атмосферу той сибирской «золотой лихорадки», свидетелем которой довелось быть уроженцу Восточной Чехии.

Среди авторов, чьи впечатления о России относятся ко второй половине XIX в., можно отметить П. Дурдика и А. Сташека. Выходец из семьи, которая особенно много сделала для ознакомления чехов с Россией и русской культурой (А. Дурдик переводил Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Шевченко, Петр

Дурдик переводил Л. Н. Толстого), врач Павел Дурдик (1843—1903) девять лет (конец 60-х — 70-е годы) провел в России, был хирургом в одной из московских больниц. Одновременно он много переводил с русского, особенно из Тургенева, писал о нем и русской культурной жизни для чешских журналов. В состав книги вошла его статья «Театр на Руси», содержащая множество очень интересных сведений о русской театральной жизни прошлого. Отмечая, что управление театрами Петербурга и Москвы находится в руках правительственных чиновников, не имеющих нужного образования, П. Дурдик писал: «Вопреки ничтожной администрации пришло время, когда драматическое искусство поднялось на высокий уровень /.../, пришли новые вежды, с новой направленностью, открывающие на сцене новый мир...» [4, s. 93]. В статье подробно говорится о судьбах пьес Грибоедова и Гоголя на русской сцене, много сведений о русском театре XIX в., важных для изучающих его историю.

В другую сферу русской жизни вводит нас отрывок из воспоминания А. Сташека (1843—1931), который прибыл в Россию в мае 1874 г. в качестве домашнего учителя и провел в ней год, находясь в Петербурге и его окрестностях. Еще у себя дома Сташек был связан с передовыми демократическими кругами чешской интеллигенции, интересовался революционной литературой (в частности знал многие статьи Герцена, историю восстания декабристов), жизнью и борьбой русского народа. Воспоминания Сташека о пребывании в России отмечены острой социальной наблюдательностью. Он четко различал монархическое правительство и русский народ. «Изю всех наблюдений, которые я быстро насобирал, — писал он, — у меня осталась повышенная ненависть к царизму, сострадание к поработанным русским людям и любовь к русской литературе, которая внесла в мировое искусство новый дух, дала ему новые крылья, зазвенела новыми, до этого неслыханными мелодиями. Осталась у меня и глубокая симпатия к великому русскому народу...» [4, s. 133].

В 1900 г. посетил Россию и побывал у Л. Н. Толстого З. Неудлы (1878—1962). Его сравнительно мало известная статья «В Ясной поляне», включенная в сборник, посвящена встрече с русским писателем. Отмечая противоречия Толстого, говоря о том, что его учение — это лишь

«бревно, за которое держится утопающий» [4, с. 191], в то же время Неудлы видит в нем гениального художника, хотя исторический детерминизм его творчества и не согласуется с его философскими воззрениями. «Посещение могилы Достоевского и беседа с творцом „Войны и мира“, были самыми сильными моими впечатлениями в России», — писал Неудлы в своей статье 1901 г. [4, с. 183].

Несколько позже (1907) в России побывал чешский прозаик и публицист И. Имляуф (1881—1921). По его книге репортажей «За русской границей», фрагменты из которой приводятся в издании, можно составить некоторое представление о восторженном русофильстве, нередко свойственном и многим другим чешским литераторам. Однако Имляуф беспристрастно описывает и простых русских людей, их характер и поведение, колонну арестантов в кадалах, среди которых были интеллигенты, юности с «горящими ясными глазами», воодушевленные «идеями свободы» [4, с. 223]. Обобщая свои русские впечатления, Имляуф писал: «У нас так много говорят о России и так мало ее знают! Ни об одной стране мира нет столько лжи, а мы, братский народ, порой помогаем ее распространению. Я ехал туда без энтузиазма в душе, моя душа не была подготовлена заранее пропеть оду хвалы, однако я привез из России веру в ее счастливое будущее» [4, с. 11]. Эти строки были написаны за десять лет до 1917 г.

В годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Советской России длительное время находился Я. Гашек (1883—1923). Из произведений, связанных с этим периодом его жизни составитель выбрал фельетон «Об уфимском разбойнике и лавочнике Балакулице» и очерк «Отрянул я прах с ног своих» о возвращении домой через Эстонию, которые не раз публиковались. О встречах с Н. К. Крупской говорится в воспоминаниях «Родился новый мир» А. Немеца (1882—1979), который, как и Гашек, оказался во время войны в русском плену. Он преподавал иностранные языки на курсах красных командиров в Москве в 1918 г. Однажды на Тверской улице Немец видел Ленину, слышал его речь у памятника революции. В марте 1920 г. Советскую Россию посетил и журналист И. Ольбрахт (1882—1952) — сын А. Сташека. В Москве Ольбрахт встречался с В. И. Лениным, участвовал в заседаниях

Второго конгресса III Интернационала, наблюдал становление новой жизни после революции. Результатом поездки явилась известная книга репортажей «Образы современной России» (1920), один из которых — «Революционные улицы» — вошел в рецензируемую книгу.

О чешско-русских связях в межвоенное двадцатилетие дают представление очерки писателя П. Илемницкого (1901—1949), отразившие его впечатления от посещений Средней Азии в 1926 и 1937 гг. («Сыр-Дарья» и «Пчелы»). К тому же времени относится и отрывок из воспоминаний И. Барта (1910—1973) — «Первое мая на Красной площади», в котором чешский публицист рассказывает о своем участии в первомайской демонстрации 1934 г.

«Военная Москва 1944 года» — так озаглавлены страницы из мемуаров армейского генерала Героя СССР К. Клапалека. Лаконично, просто и впечатляюще описал в них автор свое прибытие в Москву из Лондона для прохождения службы в частях Л. Свободы, который назначил его командиром третьей бригады.

Сборник завершают материалы, отражающие впечатления от посещений Советского Союза уроженцами Восточной Чехии после второй мировой войны. Среди них отметим очерк М. Ивапопа «Голод» (1974), в основу которого положены беседы автора с пережившими блокаду ленинградцами.

Мы охарактеризовали лишь часть из того, что составило книгу Восточнечешского издательства, полезное издание, способствующее познанию жизни советского народа и его истории, развитию и укреплению чехословацко-советской дружбы. Значение этого издания, как и первой рецензируемой книги, выходит за региональные рамки. Следует отметить и его высокий полиграфический уровень.

Третья книга — «Поэма в период романтизма и неоромантизма. Русско-чешские параллели» написана литературоведом из Брно Данушей Кшпцовой [5]. Как следует из названия, работа предназначена для специалистов. Она не проста по своей структуре; наряду с главами о близости и взаимодействии чешской и русской литератур, занимающими центральное место, в нее включены и разделы по преимуществу историко-литературные, посвященные отдельным явлениям внутринационального развития поэзии. В данном обзоре, имеющем тематическую направленность, нет возможности сколько-нибудь подробно останавли-

ваться на некоторых методических и терминологических вопросах, возникающих при чтении книги, которые, может быть, стоило бы уточнить. Вряд ли, например, диахронные связи литературных явлений правомерно рассматривать в пределах одной литературы, а синхронные «в рамках двух и больше — литератур» [5, с. 171]. Не совсем понятно, почему Св. Чех, да и Я. Врхлицкий безоговорочно причислены к «первой фазе чешского неоромантизма» [5, с. 101], не очень ясны мысли о «внелитературной» функции чешской поэмы эпохи национального возрождения, о прямом перерастании поэзии Чехии «из романтизма в неоромантизм» [5, с. 99]. Но все это, в сущности, частности, отдельные неясности. Главное же, чем привлекает книга Кшицовой, — это стремление показать общность и взаимодействие двух братских литератур. И в этом смысле она вписывается в тематическое русло двух предыдущих изданий. В ней рассматриваются как типологические общности литературных явлений в сфере чешской и русской поэмы, так и генетическая связь между ними. Автор полагает, что из двух видов поэм (романтической или байронической, и бурлескной или ироикомической) в большей степени связывал и сближал чешскую поэзию с русской второй вид. В книге просматривается тематическая и образно-творческая связь с поэтическим наследием Пушкина и Лермонтова таких чешских поэтов, как Маха, Галек, Чех, Врхлицкий, Зейер, Таборский, Сова, Махар и др. Особое внимание при этом уделено творческому осмыслению Махой поэтического опыта Лермонтова. Отмечаются в книге и творческие связи с Лермонтовым Врхлицкого, Зейера и Чеха. Кстати, говоря об идущих от Лермонтова импульсах, получивших претворение в таких произведениях Чеха, как «Ангел», «Черкес» или «Вацлав из Михайловиц», по праву можно было бы упомянуть и поэму «Песни раба» (ср. описания природы и другие образные детали в XV

песне поэмы Чеха и «Мцыри» Лермонтова). В книге отмечаются родство поэмы К. Гавличека «Крещение святого Владимира» с пушкинским стихотворением «Бова», влияние поэтической стилистики Некрасова на слог Яна Неруды, следы освоения творчества Пушкина и Лермонтова в произведениях Фр. Табарского, близость символики Сова и Блока. Такими лишь немногие отдельные примеры взаимосвязей чешской и русской поэзии из их большого ряда, приводимого в книге Д. Кшицовой. Они по-своему дополняют общую картину чешско-русских связей, дают представление об их конкретном проявлении на определенном этапе культурного — в данном случае литературного — сотрудничества. Книга очень хорошо издана, имеет иллюстрации, резюме на русском и английском языках, а также указатель имен.

Ознакомление с тремя разными по своему содержанию и характеру новыми чешскими изданиями, посвященными проблематике чешско-русских связей в самых различных их проявлениях, еще раз убеждает в их исторической давности и плодотворности. Они имеют многовековую традицию, о чем со всей очевидностью говорят факты. Данные книги свидетельствуют о живом интересе к теме дружеского чешско-русского сотрудничества в Чехословакии. Большой познавательный и научный интерес представляют они и для советских читателей.

Кшижин Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kučera C. Po cestach přátelství. Ústí nad Labem, 1982, 181 s.
2. Kurze und wahrhaftige Beschreibung der Reise. Leipzig, 1608.
3. Толстой С. Л. Очерки. былого. Тула, 1966, с. 503.
4. Příběhy z cest na východ. Hradec Králové, 1982, 524 s.
5. Kšicová D. Poéma' za romantizmu a novoromantizmu. Cesko-ruské paralely. Brno, 1983, 189 s.

НОВЫЕ ХОРВАТСКИЕ КНИГИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЮРИЮ КРИЖАНИЧУ

Отмеченное осенью 1983 г. 300-летие со дня смерти выдающегося представителя общественно-политической мысли XVII в. Юрия Крижанича Югославянская академия наук и искусств в Загребе

ознаменовала изданием первого тома собрания сочинений ученого [1], а также двух первых книг серии: «Исследования о жизни и деятельности Юрия Крижанича», написанных профессором И. Голу-

бом [2; 3]. Этот новый этап в изучении наследия замечательного просветителя и провозвестника идеи славянского единства в значительной мере был подготовлен трудами ученых нескольких поколений. Перу И. Голуба принадлежит большое количество работ на основании открытых им архивных материалов, освещающих многие аспекты деятельности Ю. Крижанича. В частности, уже после выхода рецензируемых книг была напечатана интересная статья об обнаруженной «Кирилловой книге» московского издания 1644 г. с заметками Ю. Крижанича [4].

Содержание первого тома произведений Ю. Крижанича составляет текст «Обясненя выводного о письме словеском» 1661 г., подготовленный к печати одним из крупнейших современных славистов — академиком И. Хаммом. Ему же принадлежит составляющая введение статьи «Крижанич о письме и правописании» [1, s. 3—26], в которой содержится тщательный лингвистический анализ трактата и его графической системы на широком историческом фоне, с использованием грамматик М. Смотрицкого и Л. Зизания. Вторая часть введения посвящена историографии [1, s. 27—35]. Перевод грамматического трактата Крижанича образцово выполнен И. Хаммом. Текст сопровождается примечаниями. В послесловии рассмотрены высказанные в литературе оценки творчества и деятельности Крижанича. В иллюстративной части книги воспроизведены старые виды Верхотурья и Тобольска, репродуцированы все шестьдесят листов автографа публикуемого сочинения (в два цвета) — рукописи, обнаруженной в конце прошлого столетия в Твери. Хотя это воспроизведение нельзя назвать факсимильным в строгом значении этого слова, оно довольно близко к оригиналу и поэтому имеет важное значение для изучения почерка Крижанича. В будущем это может облегчить находки новых автографов ученого, в частности, в Вильнюсе, где он, как известно, жил под именем Августина в доминиканском монастыре. От изданий сочинений Крижанича XIX в., новос, печатое в Загребе, отличается более продуманной структурой и солидными филологическими комментариями.

Книга И. Голуба «Юрий Крижанич, теоретик музыки XVII в.» посвящена наименее изученному направлению творчества славянского эрудита, оставшемуся у нас совершенно неизвестным. Исследование состоит из пяти глав. В первой изложена биография Крижанича сжато,

но с тщательным документированием сообщаемых фактов на основании старых и новых источников. Вторая глава последовательно рассматривает труды Крижанича, посвященные музыке, опубликованные в Риме в 1656 и 1658 гг. и сохранившиеся в рукописях. И. Голубом не только подробно раскрыто содержание трактата «*Asserta musicalia*», но и прослежена судьба его отдельных экземпляров, сохранившихся и утраченных. Трудно переоценить значение музыкального трактата, оставшегося совершенно не известным до того, как его автограф был открыт И. Голубом в Национальной библиотеке в Риме. Эта рукопись, датируемая приблизительно 1650 г., была приобретена через книжный антиквариат в 1968 г. Ее содержание составляют диаграммы с комментариями. Исследователь предполагает, что именно она была поднесена папе Александру VII в 1658 г.

Автограф трактата «О музыке», написанный на латыни между 1663 и 1666 гг., хранится в Москве [5]. Автор книги дает его описание и весьма подробно излагает содержание, охватывающее развитие музыки вплоть до XVII в. Около 1675 г. Крижанич написал сочинение «О превертстве беседа», в котором есть раздел «О Церковном пенью», направленный в защиту литургической реформы, проведенной в России по инициативе патриарха Никона. Это беспрецедентный случай, когда католическое духовное лицо обращается к обсуждению церковнославянских богослужебных текстов в связи с возникновением раскола (в этом плане особенно интересно «Обличение на Соловецкую челобитную»). Между тем, в свете сделанных И. Голубом находок и открытий, даже такой неожиданный шаг Крижанича не представляется немислимим: в Ватиканской библиотеке оказалось достаточно печатных и рукописных славянских служебных книг XVII в., в том числе и певческих, на которые ссылается Крижанич, как на хорошо ему известные, в своих беседах с сибирскими старообрядцами.

Третья глава книги отведена европейской музыке. Здесь рассмотрены взгляды Крижанича на развитие музыки у хорватов и сербов, у иезуитов и ораторианцев, равно как и на певческое искусство у различных народов. Следующая глава — «Современники» — самая обширная в книге, объединившая семнадцать разделов-очерков, посвященных выдающимся людям XVII в., наиболее ярким пред-

ставителям того общества, в котором Крижанич сформировался как личность. Первое место занимают те, с которыми Крижанич был связан непосредственно, — профессор Римской коллегии А. Кирхер, Фабио Чиги, с 1655 г. известный как папа Александр VII. В пятой главе приведены в извлечениях тексты документальных источников, предворяемые публикацией трактата по рукописи Национальной библиотеки в Риме, являющейся, как уже было отмечено, автографом Крижанича. Последняя глава содержит весьма обстоятельную библиографию, учитывающую особо выделенные автографы Крижанича, издания его сочинений и документов, материалы о его современниках и исследования, охватывающие широкий круг вопросов, освещаемых в книге. Указатель имен и подробное оглавление существенно облегчают пользование книгой И. Голуба, прекрасно сочетающей сложность структуры с ясностью изложения.

Другая книга того же автора, «Славянство Юрия Крижанича», представляет собой отдельную публикацию исследования, напечатанного в журнале «Forum» в связи с 300-летием со дня смерти выдающегося поборника идеи славянского единства [6]. Этот труд служит обобщением современных знаний о Крижаниче, его произведениях, идеях, окружении, высказанных в литературе оценках. Текст сопровождается едва ли не исчерпывающей библиографией работ, имеющих прямое или косвенное отношение к личности Крижанича. Данным исследованием, имеющим важное источниковедческое значение и представляющим большой вклад в историографию замечательного славянского просветителя, И. Голуб достойно увенчал 25-летие своего изучения Крижанича. Попутно следует отметить, что в книге учтены все существующие работы русских дореволюционных и советских авторов. Естественно, в библиографию не

могли быть включены статьи, опубликованные в 1983 г., а также вышедшая годом позднее монография Л. Н. Пушкарева [7]. Поскольку текст исследования И. Голуба разбит на небольшие тематически обособленные разделы, объединенные в главы, структура книги четко выявлена, что делает труд лучшего знатока жизни и творчества Крижанича ценным справочным изданием. К нему несомненно придется обращаться последующим исследователям творческого наследия славянского просветителя.

Поскольку жизнь и литературная деятельность Юрия Крижанича на протяжении многих лет были связаны с Россией, их изучение важно также и с точки зрения истории русской культуры XVII в. Издание сочинений Крижанича, а также исследований о нем, осуществляемое в Загребе, нельзя не приветствовать, а участие в этом таких крупных специалистов как И. Хамм и И. Голуб, может служить залогом успеха ценного начинания.

Пуцко В. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Križanić J.* Objasnjenje vividno o pismě slověnskom (priređio J. Hamm). Zagreb, 1983 (serija: Juraj Križanić. Sabrana djela, knj. 1), 79 s. + 60 il.
2. *Golub I.* Juraj Križanić, glazbeni teoretik 17. stoljeća. Zagreb, 1981 (serija: Radovi o životu i djelu Jurja Križanićasv. 1), 209 s.
3. *Golub I.* Slavenstvo Jurja Križanića. Zagreb, 1983 (serija: Radovi o životu i djelu Jurja Križanića, sv. 2), 104 s.
4. *Golub I.* «Kirilova knjiga» s autografnim marginalnim bilješkama Jurja Križanića.— Croatica. Prinosi proučavanju hrvatske književnosti, god. XIV, sv. 19. Zagreb, 1983, s. 55—58.
5. ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1799.
6. *Golub I.* Slavenstvo Jurja Križanića. O tristotoj godišnjici Križanićeve smrti.— Forum, god. XXII, knj. XLV, br. 1—3, s. 30—123.
7. *Пушкарев Л. Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

ST. ROSPOND. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź, 1984

См. РОСПОНД. Этимологический словарь городов и районов ПНР

Новый труд выдающегося польского топонимиста Станислава Роспонта представляет собой весьма полезный свод местных названий с территории ПНР и в то же время подводит итог многолетним изысканиям автора в этой увлекательной

области. Словарь отличается исключительным богатством фактических данных и разнообразием исторических сведений, тщательным анализом всех засвидетельствованных фиксаций каждого топонима (с особым упором на средневековые ста-

ропольские формы) и одновременно отражает все своеобразие творческого почерка Ст. Роспонда, его оригинальную общую концепцию формирования славянской топонимии. Так, бросается в глаза особое значение, придаваемое исследователем топонимии антропонимического происхождения — эта тема, как известно, разрабатывалась Ст. Роспондом монографически [1]; хотя не все этимологии этого рода могут быть приняты в настоящее время, для большого числа польских местных названий подобные объяснения должны быть безоговорочно признаны справедливыми.

Рецензируемый труд имеет некоторые чисто внешние признаки «популярного» изложения — отсутствие ссылок на научную литературу, некоторые неточности в передаче иноязычных слов и под. Однако форма в данном случае обманчива: подобно словарю А. Брюкнера [2], книга Роспонда рассчитана на квалифицированного читателя-этимолога, способного мысленно восполнить указанные пробелы.

Если можно спорить с автором по поводу конкретных этимологических решений, то общая его концепция вряд ли может вызвать возражения: словарь убедительно свидетельствует о принципиальной вторичности польской топонимии относительно антропонимии и гидронимии той же территории. В некоторых случаях Ст. Роспонда удается, благодаря внимательному отношению к старым источникам, вскрыть механизм опосредованного переноса топонима из одного ареала в другой — явление, которое обычно остается вне поля зрения этимологов и пренебрежение которым способно завести исследователя очень далеко. Так, наличие двух топонимов Sieniawa еще ничего не говорит о существовании изоглоссы: как показывает автор, документы XVII в. свидетельствуют о возникновении названия пшемысльской Сенявы на базе фамилии Sieniawski, образованной в свою очередь от названия города Сенявы на р. Икве (s. 346).

Немало внимания уделено в книге словообразовательной проблематике, в частности, архаичным, по мнению Ст. Роспонда, образованиям на -unia, -adź, -awa (с любопытными наблюдениями над вторичностью последнего в некоторых случаях по отношению к -ewa, -owa). Можно лишь пожалеть, что автор ограничился отдельными замечаниями и не снабдил свой труд индексом a tergo, что сделало бы материал куда более обозримым (ср.

в этом плане опыт нашей гидронимики [3]).

Значение книги как источника исключительно велико: материалы Ст. Роспонда несомненно заинтересуют не только узких специалистов, а некоторые сведения окажутся подспорьем в весьма разнообразных областях — от изучения фамилий России, многие из которых образованы от польских топонимов, до исследования микротопонимики Москвы (ср., например, топоним Sokolniki с той же мотивацией, что и московские Сокольники, и примерно с той же датировкой возникновения этого названия). Таким образом, содержание книги много шире ее названия: словарь не только информирует, но и подстегивает мысль читателя, иногда убеждая, иногда вызывая возражения и дополнения. Некоторые возникшие при чтении словаря замечания приводятся ниже.

Вгнепа (s. 38): Автор прав, связывая это название с *вгьпа, *вгьпье 'болото, грязь, глина'. Существенно, что эта основа как апеллатив в лехитском неизвестна. Вгнепа продолжает прилагательное ж.р. *вгьпва, засвидетельствованное только в южнославянском и в лужицкой топонимии [4].

Cęglów (s. 49): несмотря на конкурирующую старую форму Cęgrowo, может свидетельствовать об утраченном в апеллативной лексике польском контитуанте слав. *cęglъ (jъ), отличающемся от польск. szczególny особенностями словообразования и отсутствием начального *s-.

Chynów, Chynowa (s. 56): образует выразительную топонимическую изоглоссу с чешским названием деревни Chyňava [5].

Czermin (s. 63): вместе с нем. Schirshene (с серболужицкой территории [6]) дополняет известные апеллативные рефлексы слав. *čьгьшь 'красный', представленного в западнославянском лишь чешск. č(e)gшňу.

Czernikowo (s. 64): единственный в западнославянском след слав. *čьгьника (в противовес широко представленному на западе Славии *čьгьница).

Dobrzec (s. 74): вместе с русским топонимом Добрец(ы) существенно дополняет представления о рефлексах слав. *dobчьсь (в восточнославянском апеллативы отсутствуют, в западнославянском известно лишь ст.-чешск. dobřec 'добрый человек'). Не является ли топоним Dobrzelin (там же) притяжательным прилагательным от ЛИ *dobrilo (ср. схрв. Добрило и т. п.)?

Garwolin (s. 86): указывая на ЛИ Garwol, Garwa, автор видит источник в латинском имени Gervinus, что сомнительно. Топоним находится на юге Мазурии, что заставляет думать скорее о его балтийском происхождении, ср. др.-прусс. Garwoniten, Garwoth и другие производные балтийского названия журавля в топонимике.

Kolibki (s. 89, s. v. Gdynia): автор приводит обширный топонимический материал с балтийского побережья, дополняющий данные, указанные нами [7] применительно к кашубско-словинскому ареалу.

Gruta (s. 108): это название, локализуемое к востоку от Грудзевдза, несомненно (вопреки Ср. Росподу) к Gruda — все фиксации, начиная с XIII в., указывают на интервокальное -t-. Gruta — вероятно, балтизм, ср. лит. РН Grūtà.

Karczew (s. 135): точное соответствие др.-прусс. *K̄rčewē*, старого названия Керчи. Тот факт, что польский Karczew расположен на месте выкорчеванных лесов, заставляет вернуться к старой этимологии названия Керчи от *k̄rčiti [8] и уменьшает вероятность иных объяснений.

Malczyce (s. 213): этимологически прозрачный, этот топоним подтверждает древность изолированного со словообразовательной точки зрения русск. *мальчик*.

Margonin (s. 215): вместе с названием реки Margoninka и горой Margoi относится к реликтам древнеевропейского субстрата на территории западной Польши, ср., в частности, иллир. Margus, Margum. Та же основа представлена и в балтийском, который, однако, вряд ли был непосредственным источником польского слова (этому препятствует западная локализация польского топонима).

Morąg (s. 233): ранние передачи (Magunge, Morungen и под.) с несомненностью указывают на балтийское происхождение, ср. идентичные др.-прусс. Mōgun- gen, Marungen.

Otuń (s. 277): видимо, древнее название поселения, производное от слав. *tunь; на основе Otuń следует реконструировать *obtuń.

Tanowo (s. 298, s. v. Police): вместе с известным гидронимом Tanew должно быть отнесено к германизмам, ср. далее РН *Танискава* из днепровского бассейна, в котором О. Н. Трубачев с некоторыми сомнениями усматривает герм. *taniska ahwa [3, с. с. 52]. Этимология О. Н. Трубачева, как нам кажется, подтверждается

наличием топонима Tańsk, в котором можно видеть независимое продолжение герм. *tāniska(z).

Raniżów (s. 325): все ранние письменные фиксации указывают на исходную форму Ramizów, Ramiżów, которая может рассматриваться лишь в контексте восточобалканской (фракийской) топонимики, ср. фрак. Remisiana, Romesia и т. п. Существенно и местоположение данного польского топонима — в районе Южных Бескид. Известны и балтийские параллели к фракийским формам [9], однако в словообразовательном и ареально-географическом отношении они далеки от польск. Raniżów/Ramiżów.

Sabnie (s. 340): название балтийского происхождения, как и гидроним Sabala, ср. др.-прусс. МН Sabenowe, лит. РН Sabalà.

Turośl (s. 404): старое славянское название, продолжающее сложение *turosľ. Та же словообразовательная модель, вообще нередкая в западославянском, усматривается и в Tuczery (s. 403). В восточославянской области ср. гидроним *Тусталь* [3, с. 266].

Tworóg (s. 405): точное соответствие обнаруживается в словенском ареале, ср. др.-словен. МН Twaroch.

Zoliborz (s. 415): толкование автора из франц. Joli bord 'красивый берег' имеет народно-этимологический характер. Zoliborz — несомненно, старый композит славянского происхождения, оформленный суффиксом *-жь, ср. Wolbórz и под.

Żmudź (s. 460): Ст. Роспод верно связывает этот топоним с этнонимом Żmudź. Нельзя ли предполагать, что сюда же относится и РН *Змудка* в бассейне Десны (наряду с ним отмечено также село *Змудка*)?

Новый словарь Ст. Роспода займет почетное место в ряду многочисленных исследований польских топонимистов и как ценный и компактный свод материала, и как интересный и оригинальный этимологический труд. Время покажет, какие решения автора следует принять, а с какими — спорить, но можно не сомневаться в том, что и бесспорное, и проблематичное послужит одной цели — дальнейшему продвижению в изучении славянской ономастики.

Орел В. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rospond St. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ij-*. Kraków, 1937.

2. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
3. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.
4. Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 3. М., 1976, с. 70—71.
5. *Projous A.* Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny. D. II. Praha, 1949, s. 82.
6. *Eichler E., Walther H.* Die Ortsnamen im Gau Daleminze. Studien zur Toponymie der Kreise Döbeln, Grossenhait, Meissen, Oschatz und Riesa. Bd. I. Berlin, 1966, S. 296.
7. *Орел В. Э.* К вопросу о происхождении одного славянского названия постройки. — Советское славяноведение, 1985, № 5, с. 79—84.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967, с. 225—226.
9. *Топоров В. П.* К фракийско-балтийским языковым параллелям II. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 85—86.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНЫХ, ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

5—6 марта 1986 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) были проведены IV Чтения, посвященные памяти выдающегося советского историка-слависта В. Д. Королюка (1921—1984). В связи с тем, что в его научном наследии важное место занимают труды по истории политической идеологии, религии и этнического самосознания славян в эпоху средневековья, было вполне оправданно избрание этой сложной и еще недостаточно изученной проблематики для рассмотрения в докладах и сообщениях ученых разных специальностей (историков, филологов, лингвистов — как славистов, так и балканистов, специалистов по отечественной истории), выступивших на этих Чтениях. Следует отметить ряд существенных отличий этой научной сессии памяти В. Д. Королюка от предшествующих: данные Чтения объединили не только московских коллег (из Института истории СССР, Института всеобщей истории, МГУ, Исторической библиотеки и др.), но и представителей научной общественности из других городов страны, было зачитано 26 докладов и сообщений (Белорусского, Воронежского, Калининского, Калининградского, Волгоградского университетов, Института общественных наук АН УССР). Накануне сессии были изданы сборник статей В. Д. Королюка [1] и сборник тезисов докладов сессии [2], что, без сомнения, будет содействовать дальнейшему изучению всей обширной и многоплановой проблематики славянского средневековья.

Открывая симпозиум, проф. В. Н. Виноградов (ИСБ) подчеркнул значимость научного наследия В. Д. Королюка, необходимость обращения к его работам, продолжения намеченных им направлений исследования в области идеологии и общественно-политической мысли славянских и балканских народов в средние

века. В своем выступлении д-р ист. наук Г. Г. Литаврин отметил, что в Секторе древней истории и средних веков изучению этой тематики придается все большее значение (в частности, в связи с анализом эволюции этнического самосознания, становления и развития государственности в раннефеодальную эпоху) [3]. Вполне возможно, это направление выйдет на одно из первых мест, что, естественно, требует и интенсивного научного общения, поисков и анализа всех этих глубинных процессов. Такой подход обеспечит синтез материалов раннего средневековья на новой стадии научного пути.

Зачитанные и встреченные участниками с большим интересом доклады и сообщения, охватывавшие различные проблемы идеологии и культуры на протяжении целого тысячелетия (от IX и X вв. вплоть до начала XIX в.), можно сгруппировать вокруг трех направлений или больших тем. Первая группа освещает историю средневековой политической мысли, которая отражалась и в государственных концепциях, и в представлениях народных масс, в правовых памятниках, публицистике, историко-литературных произведениях. Здесь следует назвать, в частности, доклады: А. А. Турилова — «Сказание о железном кресте» как источник по истории и общественно-политической мысли Болгарии конца IX — начала X в., В. П. Яйленко — «Легенда о Кие, Щеке и Хориве как идеологический феномен XI в.», Е. П. Наумова — «К истории общественно-политической мысли южнославянского средневековья (Структура власти и политические концепции раннефеодальной эпохи)». Эти проблемы на материале позднего средневековья рассматривались в докладах: Л. П. Сушкевич — «Анджей Фрыч Моджевский и его роль в развитии польской общественной мысли XVI в.», Н. П. Ма-

нанчиковой — «Патрицианская и плебейская идеология в Дубровнике XV в.», Г. П. Мельникова — «Некоторые черты исторического сознания чешского общества в XVI в.», Ю. В. Костяшова — «Идея сербской государственности в освободительном движении австрийских сербов (конец XVII — начало XVIII вв.)», Л. А. Софроновой — «Мировоззрение Г. С. Сквороды».

Вторая большая тема — история общественной мысли во взаимосвязи с культурным развитием славянских и балканских народов, история идейного общения как общественных деятелей, так и культурных течений разных стран. В состав данной группы входят доклады: А. И. Рогова — «Связи между Русью и балканскими странами в области общественно-политической мысли», Н. И. Щавелевой — «Идея славянского и общепольского единства в Хронике Великой Польши», Я. Н. Щапова — «Суд царя Леона и Константина» как памятник сербского права и русско-южнославянских культурных связей XVII в.», Л. Е. Семеновой — «Научная деятельность Дмитрия Кантемира в России (по новым материалам)», О. Б. Страховой — «Идеологическая и культурная деятельность братьев Лихудов в России». Особый аспект этой темы, а именно освещение данных проблем в научной литературе славянских стран XIX в., стал предметом рассмотрения Л. В. Гориной («Культура средневековой Болгарии в творчестве М. Дринова») и Н. М. Папашевой («Наследие чешских средневековых мыслителей и общественных деятелей в печатной продукции будителей»).

Третья тема, также весьма важная для понимания истории общественной мысли эпохи средневековья, объединяет доклады, посвященные анализу соотношения светского и религиозного начал в жизни средневекового общества, соотношения идеологии и социального сознания той

поры. Эти вопросы, в частности, освещались в докладах: В. В. Иванова — «Славянское язычество как проблема медиэвистики», В. К. Ронина — «Принятие христианства и социально-политическое сознание славянской раннефеодальной знати в Центральной Европе», А. В. Чернышова — «Идеологические аспекты отношения конфессиональной и светской общин в далматинской коммуне XII в.», С. А. Иванова — «Генеалогия одной легенды о Константине Великом». Данная тематика применительно к более поздним столетиям была рассмотрена в докладах: Н. Д. Барабанова — «Некоторые черты народной религиозности в Византии XIV в.», С. Г. Яковенко — «Внутренние реформы католической церкви в ходе контрреформационной борьбы» (речь шла о соответствующих процессах в Польше), М. В. Дмитриева — «История реформационной пропаганды в восточнославянских землях Речи Посполитой в 60-е годы XVI в.» и др.

Немаловажным показателем актуальности всей этой проблематики, которая впервые стала предметом анализа на специальной конференции советских медиэвистов, был оживленный обмен мнениями по поводу заслушанных докладов и сообщений, высказанных здесь выводов, а также трактовок свидетельств средневековых памятников.

Наумов Е. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985.
2. Идеология и общественно-политическая мысль в странах Центральной и Юго-Восточной Европы периода средневековья. Сборник материалов и тезисов IV Чтений памяти В. Д. Королюка. М., 1986.
3. Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 300-ЛЕТИЮ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВЕЧНОГО МИРА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ

4 сентября 1986 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась конференция, посвященная 300-летию Вечного мира, заключенного 6 мая 1686 г. В пяти докладах, прочитанных на конференции, освещались различные проблемы, связанные с этим важным

событием, которое оказало влияние на международную обстановку в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в конце XVII в. и сыграло большую роль в развитии русско-польских отношений. В обобщающем докладе д-ра ист. наук И. Б. Грекова было показано историче-

ское значение договора между Россией и Польшей, что означало, как подчеркнул автор, не только превращение временных границ (по Андрусовскому перемирию 1667 г.) в постоянные, но и создавало принципиально новую политическую ситуацию в регионе, которая характеризовалась оформлением антитурецкой коалиции. Кратко напомнив об успехах, достигнутых участниками союза за последние 15 лет XVII в., докладчик рассмотрел обстоятельства, не позволявшие добиться подобных результатов в предшествующие периоды. По мнению И. Б. Грекова, одна из основных причин заключалась в особой дипломатической тактике Порты и ее вассала — Крымского ханства, направленной на срыв всех попыток консолидации антиосманских сил региона, на систематическое сталкивание держав Центральной и Восточной Европы друг с другом. Усилия турецко-крымской дипломатии, приносившие успех в XV—XVII вв., оказались безрезультатными после заключения Вечного мира, когда сформировался военно-политический союз стран региона. Действия антитурецкой коалиции вынудили Османскую империю сделать важные политические уступки.

Канд. ист. наук В. П. Шушарин проанализировал международную ситуацию в Центральной Европе накануне и после заключения Вечного мира. Благоприятная внешнеполитическая обстановка позволила Габсбургам расширить свои владения в Среднем Подунавье, освободив, таким образом, народы этого региона от турецкого ига. Однако начавшаяся война с Францией отвлекла военные силы Габсбургов на западный фронт, что, как показал докладчик, задержало освобождение венгерского и других народов на десять лет.

Канд. ист. наук Е. В. Чистякова рассказала об отражении в «Синописе»,

появившемся накануне заключения Вечного мира, идеологической подготовки русско-польского сближения, идеи общности всех славянских народов. На примере материалов «Синописа» автор доказывает историческую обоснованность возвращения Киева Русскому государству и актуальности создания коалиции славянских народов в борьбе с Османской империей.

Проблемы культуры XVII в., связанные с темой конференции, находились в центре внимания двух последних докладчиков. Канд. ист. наук А. И. Рогов показал, что немаловажную роль в русско-польском сближении сыграла деятельность польских художников, работавших в Москве в последней четверти XVII в. Выдающиеся мастера — Станислав Лопуцкий, известный картограф, портретист и мастер знамен, и Василий Познанский, работавший в храмах Кремля, — в своем творчестве удачно сочетали достижения польского искусства с русскими культурными традициями. Доклад А. И. Рогова сопровождался показом слайдов.

Д-р филолог. наук Л. А. Софронова остановилась на вопросе о взаимодействии искусства и общественной идеологии в Польше XVII в. Литература, театр, изобразительное искусство в аллегорической форме прославляли победы Яна Собеского или королевича Якуба, проводили идеи сильной королевской власти, права наследования трона и пр. Специальная пьеса была посвящена Вечному миру. Л. А. Софронова убедительно показала, как в Польше формируется новый подход к освещению политической истории страны — ее мифологизация.

Дискуссия, состоявшаяся в конце конференции, привлекла большое число участников.

Иванова О. В.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЮБИЛЕЮ Г. СЕНКЕВИЧА

С 5 по 10 мая 1986 г. в Польше проходила международная научная сессия, посвященная юбилею Г. Сенкевича, — «140 лет со дня рождения. Биография. Творчество. Рецензия». Так организаторы — Институт теории литературы Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской (ЛУ), Люблинское науч-

ное общество и Келецкая высшая педагогическая школа (КВПШ) — определили основные направления работы.

Организаторы конференции придали ей нетрадиционный характер. Это было путешествие по местам, связанным с жизнью и творчеством Сенкевича. Начались заседания в Воле Окшейской, в до-

ме, где родился писатель, а закончились посещением имения Сенкевича в Обленгурке, откуда он будучи уже лауреатом Нобелевской премии, был вынужден уехать за границу во время первой мировой войны.

В Люблине после торжественного и официального открытия юбилейной сессии, внучка писателя актриса Мария Сенкевич выступила с моноспектаклем «Мой дед Генрик». Доклад Д. Прокофьевой (СССР) был посвящен стилистике русских переводов новеллы «Янко-музыкант» и их роли в развитии и совершенствовании переводческой культуры, а также проблеме адекватности переводов. М. Бокшанин (ПНР) в интересном докладе о переписке Сенкевича с Ягчевской, содержащей богатый материал для исследователя биографии и творчества великого писателя, подчеркнула высокий художественный уровень писем Сенкевича.

Были выслушаны сообщения молодых специалистов из Люблина о литературной биографии и о «Письмах из путешествия в Америку». Жанр литературной биографии, не только связанной с Сенкевичем, но и как таковой, вызвал оживленную дискуссию. Речь шла о достоверности фактов, подлинности и фальсификации документов, связанных с жизнью и творчеством великих писателей, критериях оценок научной значимости их произведений. В заключение первого дня конференции учащиеся школы в Воде Окшейской представили инсценировку «Янко-музыканта».

Столь же разнообразными и насыщенными были и последующие дни научной сессии, которая продолжалась в Седльце, Хелме, в Бохенце под Кельцами. В городе Седльце автор посвященной Сенкевичу книги «Мария его жизни» Б. Вахович (ПНР) предложила вниманию слушателей «гавенду» о Сенкевиче, которая представляла собой избранные эпизоды из жизни писателя.

Ранее творчество Сенкевича было темой еще нескольких выступлений. Так, о новаторстве «Эскизов углем», «На манке» и «Бартка-победителя» речь шла в докладе известного издателя сочинений Сенкевича и других классиков польской литературы. Т. Еделки-Бужецкого (ПНР). На элементах репортажа в американских новеллах и «Письмах из Америки» остановился в своем выступлении проф. Я. Падавский, проректор КВПШ, соорганизатор этой юбилейной конференции.

Трилогии Сенкевича, главным обра-

зом, роману «Огнем и мечом» и роману «Quo Vadis», было посвящено наибольшее количество докладов. Проф. Л. Людоровский, декан гуманитарного факультета ЛУ посвятил свое выступление сопоставлению трилогии со среднеазиатским эпосом. Речь шла об аналогиях и схождениях, подобных мотивах, героях, характерных элементах структуры эпических произведений (приключения, странствия, ситуация казни и т. п.). Схождения эти, по мнению исследователя, ссылавшегося, в частности, на М. М. Бахтина, объясняются теорией архетипов. Последние обнаруживаются у самых разных народов, несмотря на географическую удаленность и историко-культурные различия, сохраняются в «памяти жапра». Будучи национальным эпосом, трилогия Сенкевича обладает универсальными чертами и достоинствами. Вероятно, именно этим, на наш взгляд, и определяется ее творческое долголетие, широкая популярность среди массового читателя.

Сакральные источники романа «Огнем и мечом» стали темой доклада Ю. Воляк (ПНР), который, как и многие другие выступления, вызвал оживленную дискуссию. С интересом были восприняты и языковедческие доклады о географических названиях и фразеологизмах «Огнем и мечом» (С. Вархол, М. Бучиньский, ПНР, Люблин). Один из двух докладов о романе «Без догмата» касался интересной проблемы ироничного мелодрамматизма (М. Янковяк, ПНР, Быдгощ). О творческом использовании стереотипов и конвенций робинзонады говорилось в докладе о «В пустыне и в пеще» (Я. Шымковской-Рушалы, ВПШ, Слупск).

Проф. Т. Буйницкий (ПНР, Краков) говорил о «Quo Vadis» как о «романе в картинах», который был создан не без вдохновляющего влияния живописи и скульптуры, общения с художниками Виткевичем и Семирадским. Г. Бурптыньска (Силезский ун-т) обратила внимание на тенденциозность характеристики императора, а проф. ЛУ Т. Лопошко в докладе «Правление Перона в изображении Сенкевича и в свете современных научных исследований» отметил близость художественной интерпретации тогдашнему уровню исторических знаний.

В выступлении доцента М. Лоека (Быдгощ) были представлены интересные данные об использовании сочинений Сенкевича в программах школьного образования 1886—1918 гг.

Восприятию сочинений Сенкевича п

других странах был посвящен ряд докладов (А. Красницкий, Прага; В. Чавдаров, Шумен; Я. Орловский, Люблин) и в самой Польше, как рядовыми читателями и зрителями, так и известными писателями, например, Жеромским и Парницким (Г. Косентка, Краков — о восприятии драм Сенкевича; З. Адамчик, А. Штофф, Кельце).

На конференции были представлены и доклады об экранизации сочинений Сенкевича.

Таким образом, трудно назвать какой-нибудь период творчества Сенкевича или связанную с ним проблему, которые бы остались за пределами внимания участников научной сессии. В общей сложности было прочитано 40 докладов, из них 9 — зарубежными учеными. В оживленной и интересной дискуссии выступило около ста участников. Все это свидетельствует о том, что юбилейная конференция носила научный, творческий и в то же время общественно-культурный характер,

в ней активное участие принимали не только ученые, руководители учебных заведений, но и библиотек, музеев, представители местных властей. Все это способствовало и хорошей организации конференции и ее популяризации среди населения, учащейся молодежи, с которой многие участники юбилейной сессии, и в том числе автор этой хроники, имели интересные и полезные встречи.

Жанр хроники не предполагает никаких отступлений от перечисления тем докладов и кратко их содержания. Однако в нарушение принятых норм, хотелось бы выразить благодарность организаторам конференции, подчеркнуть ее плодотворность и выразить надежду на скорое появление в печати материалов научной сессии, которые внесут свой вклад в изучение творчества Сенкевича, в полонистику и шире — в науку о литературе и ее международных связях.

Д. П.

В РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ»

На очередном заседании редколлегии журнала 6 апреля 1987 г. председательствующий академик Д. Ф. Марков проинформировал собравшихся о решении Президиума АН СССР от 3 марта 1987 г. удовлетворить просьбу д-ра ист. наук И. И. Костюшко об освобождении его от обязанностей Главного редактора журнала и вынести ему благодарность за многолетний добросовестный труд на этом ответственном посту.

По поручению академика Ю. В. Бромлея и заместителя академика-секретаря по оргвопросам В. А. Куманева И. И. Костюшко была выражена благодарность от Отделения истории АН СССР за плодотворное руководство журналом.

Научно-редакционная деятельность И. И. Костюшко, бессменного — со дня основания журнала в 1964 г. — Главного редактора получила положительную оценку и отмечена благодарностью в Приказе по Институту славяноведения и балканистики АН СССР.

Выступившие на заседании члены редакционной коллегии д-р ист. наук В. В. Зеленин, д-р ист. наук В. Г. Карасев, д-р ист. наук А. И. Недорезов, д-р филолог. наук Л. Н. Смирнов подчеркнули высокую научную компетентность и принципиальность, большой редакторский опыт и организаторские способности И. И. Костюшко, отметили его заслуги в формировании характера, профиля, направленности журнала на протяжении 22-х лет активной научной творческой деятельности на посту Главного редактора.

Приказом Президиума АН СССР от 3 марта 1987 г. Главным редактором журнала назначен канд. ист. наук А. К. Кавко, который выступил на заседании редколлегии с докладом о проблемах совершенствования дальнейшей работы в свете январского (1987) Пленума ЦК КПСС.

Выступившие члены редколлегии, а также академик Д. Ф. Марков в заключительном слове поддержали идею необходимости сохранения и приумножения лучших творческих традиций журнала, а также поиска новых путей и решений, диктуемых требованиями перестройки, происходящей в нашей стране, в общественной мысли.

CONTENTS

<p><i>Artykov M. Z.</i> To the Participation of the Foreign Internationalists in the Struggle for the Victory of the Soviet Power in Turkestan. <i>Vošaglikova P.</i> (CSSR). To the Development of Czechoslovakian Socialist-Democratic Party, 1944—1948. <i>Gumenyuk E. N.</i> On Some Particularities of Galician Landowners' Estates. <i>Zolotukhin M. Ju.</i> Russia and Bulgaria in the Middle 1880s International Crisis (September 1885 — April 1886). <i>Pisarev Ju. A.</i> National States in the Balkans at the Early Period of Imperialism (the 1890s — 1918). <i>Sofronova L. A.</i> Research Production of the Institute of Slavic and Balkan Studies on the Culture of the Central and Southern-Eastern European Nations. <i>Edlinskaya A. N.</i> Dragoslav Michailovich's Creative Work and Some Tendencies of Serbian Prose Development in Late 1960s and 1970s. <i>Lutsenko N. A.</i> To Semantic Typology of Aspect — Temporal Systems in Slavic Languages. <i>Moloshnaya T. N.</i> The Verbal Constructions with Possession Meaning and Possessive Perfect in Slavic Languages !</p>	3
--	---

PEOPLES, EVENTS, FACTS

<i>Gudkov V. P.</i> Fragments from the Works about Karadzich	102
--	-----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Vorobjeva I. G., Yakubskii V. A.</i> Вопросы истории славян. Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в эпоху феодализма. Межвузовский сборник научных трудов. <i>Cherniavskii G. I.</i> Валева Елена. Международното движение за солидарност с антифашистката борба на българския народ 1925—1929. <i>Kishkin L. S.</i> Three Books on Czech-Russian Ties. <i>Putsko V. G.</i> New Croatian Books about Juri Krizanich. <i>Orel V. E.</i> St. Rospond. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL</p>	108
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Naumov E. P.</i> All — Union Symposium on The History of Ideology and Culture of Western, Eastern and Southern Slavs. <i>Ivanova O. V.</i> Conference Dedicated to the 300 Anniversary of Conclusion of the Eternal Peace Treaty between Russia and Poland. <i>D. P.</i> The International Scientific Session Dedicated to G. Sienskiewicz's Jubilee</p>	122
From the Editorial Staff of the Journal «The Soviet Slavic Studies».	127

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 10.04.87	Подписано к печати 02.06.87	А-07150	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. п.ч. л. 11,2	Усл. кр.-отг. 13,9	Уч.-изд. л. 12,8
		Тираж 1207 экз.	Зак. 357

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Ж - 17

В ОРДНИКА 34/38-40

ТОЛСТОМУ И И

70891

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891

Издательство «Русский язык» объявляет подписку на «СЛОВАРЬ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА (XI—XIV вв.)» в 10-ти томах (630 а. л.), подготовленный Институтом русского языка АН СССР.

Словарь толково-переводной (с элементами энциклопедического). Рассчитан на специалистов в области русского, украинского и белорусского, а также других славянских языков, литературоведов, историков, археологов, юристов, на преподавателей и студентов филологических и исторических факультетов университетов и педагогических институтов, на работников издательств и средств информации. Как справочное пособие он будет полезен всем, кто интересуется вопросами истории культуры.

Источники словаря — около 800 древнерусских письменных памятников XI—XIV вв.: летописи, хроники, юридические произведения, жития, похвальные слова, поучения, сохранившиеся в списках не позднее первой половины XV в., различного рода грамоты, записи и приписки на полях рукописей, надписи и т. д. В числе источников ряд неизданных рукописей.

Словарь включает в себя свыше 30 000 слов и содержит наиболее полные данные о лексике и фразеологии XI—XIV вв. Он опирается на обширную картотеку (свыше 1,5 миллионов карточек), в основу которой положен принцип сплошного расписывания текста: каждое слово текста здесь представлено всеми его употреблениями. Около трети слов вводится в словарь впервые, значительная часть иллюстрируется более ранними употреблениями, для многих выявлены неизвестные ранее значения. По характеру использованных источников, словнику, содержанию и объему словарных статей словарь существенно отличается от известных «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и от выходящего «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (где наиболее широко представлена лексика XV—XVII вв.).

Выпуск издания будет осуществлен в 1988—1997 гг.

Условия подписки.

Ориентировочная стоимость издания 42 руб.

При подписке вносится задаток 3 руб., который засчитывается при получении последнего тома.

Подписка принимается всеми книжными магазинами, имеющими отделы подписных изданий.